Krasnaia Arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1968

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

Усилим революционную бдительность!—К истории борьбы за III съезд партии.—К истории „Кровавого воскресенья" в Петербурге.—Дневник А. Н. Куропаткина.—Расстрел иваново-вознесенских рабочих в 1915 г.—Некоторые даты жизни и деятельности В. В. Куйбышева.—Горская контрреволюция и интервенты.—Из истории борьбы самодержавия с рабочим движением.—Борис Никольский и Григорий Распутин.—Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1935

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Валериан Владимирович Куйбышев 5

Усилим революционную бдительность! 7

К истории борьбы за III съезд партии (декабрь 1903 г.—март 1905 г.). С предисловием *Петра Милюкова* 13

К истории „Кровавого воскресенья" в Петербурге (Доклады прокурора Петербургской судебной палаты Э. И. Вуича министру юстиции). С предисловием *С. Пионтковского* 39

Дневник А. Н. Куропаткина (31 марта—21 ноября 1904 г.). С предисловием *С. Будкевича* 65

Расстрел иваново-вознесенских рабочих в 1915 г. С предисловием *М. Иноземцева* 97

Некоторые даты жизни и деятельности В. В. Куйбышева (По документам Центрального архива революции 1888—1916 гг.). Сообщил *В. Далаго* 119

Горская контрреволюция и интервенты. Сообщил *А. Иванов* 125

Из записной книжки архивиста

Из истории борьбы самодержавия с рабочим движением. С предисловием *Р. З.* 154

Борис Никольский и Григорий Распутин. С предисловием *Д. З.* . . 157

Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши 162

От редакции 172

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Сдано в произв. 13/I—8/IV 1935 г. Подписано к печати 5/VI 1935 г.
Статфор. Б. 176×250 10³/₄ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 5. Зак. 24.
Уполн. Главлита Б—8650 Тираж 2850

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

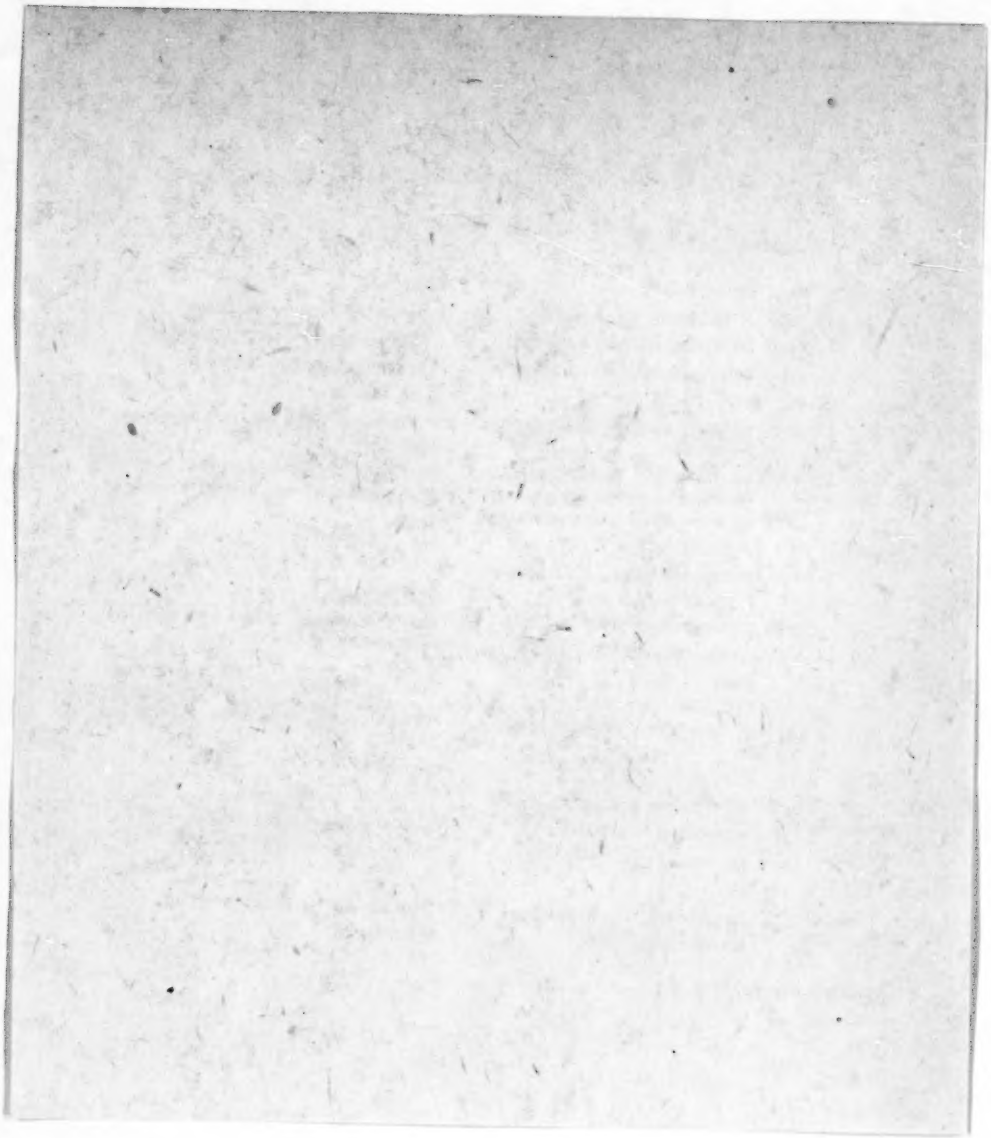
Валериан Владимирович
КУЙБЫШЕВ
(1888—1935)

UNIV. OF MICH.

Errata!?

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Напечатано	*Следует*
Стр. 8	1 сн. стр. 59-50.	стр. 59.
„ 9	25 сн. к позиции меньшевиков	к позиции меньшевизма.
„ 9	24 сн. победного строительства	победоносного строительства
„ 9	21 сн. социалистического пути	социалистических путей
„ „	1 сн. стр. 28-29.	стр. 448-449.
„ 10	11 сн. контрреволюционных, оппозиционных элементов	контрреволюционных оппозиционных элементов
„ 13	13 сн. на позиции ранее разоблаченного „экономизма", отказываются, открыто переходят	на позиции ранее разоблаченного „экономизма" открыто переходят
„ 14	2 сн. стр. 331-332.	стр. 330-331.
„ 20	4 св. Выпала строка.: Химический текст.	правдоподобен.
„ 24	4 св. правдободобен	они „не имели права считать его
„ 30	20 сн. „они не имели права на это".	выбывшим".
„ 39	3 сн. стр. 82.	стр. 81.
„ 67	2 св. английского обозревателя	английского военного обозревателя
„ 125	2 св. лозунг	лозунги
„ „	4 св. господствующих наций;	господствующих наций...;
„ „	„ заключить сделки	заключать сделки
„ „	5 св. империалистических	империалистских
„ 158	8 св. det	des
„ 162	24 сн. находимся в презрении	находимся не в призрении
„ „	20 сн. не обидеть	обидеть



General Harr-

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

25 января 1935 г. в 14 ч. 30 м. скончался от склероза сердца член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР и Совета труда и обороны, председатель Комиссии советского контроля товарищ Валериан Владимирович КУЙБЫШЕВ.

В лице товарища КУЙБЫШЕВА партия, рабочий класс, трудящиеся нашей страны потеряли одного из стальной когорты большевиков, воспитанных ЛЕНИНЫМ и СТАЛИНЫМ, бывшего с юных лет до последних минут своей жизни образцом пролетарского революционера, последовательным ленинцем, непримиримым к врагам партии и рабочего класса, самоотверженным борцом за дело коммунизма.

Товарищ КУЙБЫШЕВ начал свою революционную деятельность в период революции 1905 года в Петербурге, а затем работал в тяжелых условиях сибирского подполья.

В 1906 году он был пропагандистом, организатором, членом Комитета Омской большевистской организации и здесь вел упорную борьбу с сибирскими меньшевиками. Тюрьма, суд, ссылка, побеги, новая ссылка в последующие годы закаляли товарища КУЙБЫШЕВА как профессионального революционера, стойкого большевика, самозабвенно преданного делу рабочего класса.

В нарымской ссылке, в Петербурге, Самаре — всюду, куда его забрасывали суровые условия жизни большевика-подпольщика, товарищ КУЙБЫШЕВ горел на партийной работе.

Февральская революция застает товарища КУЙБЫШЕВА на пути в Туруханский край. Возвратившись в Самару, он является организатором самарских большевиков и их руководителем во время Октябрьской революции.

В годы гражданской войны товарищ КУЙБЫШЕВ выдвигается в качестве одного из виднейших политических руководителей Красной армии в борьбе за красное Поволжье против чехословаков и колчаковцев и за советскую власть в Средней Азии. На фронтах гражданской войны он был последовательно комиссаром 1-й революционной армии, членом РВС IV армии, членом РВС XI армии, а затем Туркестанского фронта.

Трудящиеся Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Казахстана никогда не забудут товарища КУЙБЫШЕВА как беззаветного борца за их освобождение. Не забудут они товарища КУЙБЫШЕВА как блестящего проводника национальной политики ЛЕНИНА—СТАЛИНА, когда он в качестве члена Турнбюро ЦК РКП(б) и члена Туркомиссии ВЦИК вел исключительно ответственную работу по укреплению советской власти в Средней Азии.

На XI съезде партии товарищ КУЙБЫШЕВ был избран в члены ЦК РКП(б), а затем и его секретарем.

В 1923 г. он был избран председателем реорганизованной по указанию В. И. ЛЕНИНА ЦКК РКИ, где он, выполняя заветы ЛЕНИНА об улучшении государственного аппарата, об обеспечении единства партии, вел последовательную, непри-

миримую борьбу со всеми уклонами от генеральной линии партии, беспощадно, сурово разоблачая зиновьевско-троцкистскую оппозицию, правых уклонистов, всех, кто извращал учение МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА—СТАЛИНА, всех врагов партии и рабочего класса.

После смерти Ф. Э. Дзержинского товарищ КУЙБЫШЕВ был председателем ВСНХ, и здесь, руководя социалистической индустрией, он проявил себя как крупнейший организатор и знаток хозяйства нашей страны. С 1927 г. товарищ КУЙБЫШЕВ член политбюро ЦК ВКП(б).

С 1930 г. товарищ КУЙБЫШЕВ был председателем Госплана, руководя здесь составлением народнохозяйственного плана первой и второй пятилетки, заместителем председателя Совнаркома СССР, а после XVII съезда партии — председателем Комиссии советского контроля.

В большой и разносторонней политической и хозяйственной работе, которую вел товарищ Куйбышев, он умел сочетать огромный революционный размах с внимательнейшим отношением к каждому конкретному делу, умел на всех этапах социалистического строительства претворить в живое дело генеральную линию нашей партии, быть пламенным борцом за чистоту, за единство нашей партии.

Верный ученик ЛЕНИНА, ближайший соратник и помощник СТАЛИНА, Валериан Владимирович КУЙБЫШЕВ все годы своей боевой большевистской партийной работы шел в первых рядах партии. Он отдал всю свою жизнь, всего себя делу рабочего класса, делу коммунизма.

Он умер на боевом посту. Его смерть — тяжелая утрата для партии, рабочего класса, для советской власти.

Валериан Владимирович КУЙБЫШЕВ будет жить в памяти трудящихся нашей страны как один из лучших ее сынов, как один из лучших большевиков, как образец для миллионов пролетариев и трудящихся в их великой борьбе за торжество коммунизма.

Усилим революционную бдительность!

Величайшие победы одержаны рабочим классом СССР под руководством коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным на всех фронтах социалистического строительства. «Социализм сделал громадное продвижение вперед в нашей стране, социалистический уклад стал безраздельно господствующим во всем народном хозяйстве...» «Россия нэповская стала Россией социалистической», — заявил на VII съезде советов тов. В. М. Молотов.

Эти огромные победы одержаны партией в ожесточенной борьбе с классовым врагом и его агентурой. Партия разгромила кулачество, вредительские группы, контрреволюционных троцкистов, правых и «левых» оппортунистов и тем укрепила дело строительства социализма в СССР, усилила позиции международной пролетарской революции.

Классовый враг разбит, но не добит. Он не решается сейчас на открытую борьбу, но чем быстрее растет, крепнет мощь нашей страны, чем безнадежнее становится его положение, тем меньше он стесняется в выборах средств борьбы, тем с бо́льшим бешенством он сопротивляется, пытаясь нащупать слабое место, чтобы нанести удар. «Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять свое существование» [1]).

Убийство тов. С. М. Кирова, — пламенного трибуна революции, горячо любимого друга и соратника великого Сталина,—ясно показало, что классовый враг не сложил оружия, что он упорно и жестоко сопротивляется, что он не пренебрегает никакими средствами, что с ним еще предстоит решительная и беспощадная борьба.

Следствие по делу тов. Кирова установило, что виновниками злодеяния явились подлые отщепенцы, предатели и изменники из числа участников бывшей зиновьевской антисоветской группы. Следствием установлено, что, «несмотря на капитуляцию бывшей зиновьевской антисоветской группы, подпольная работа наиболее активных участников этого блока не прекратилась и продолжалась до самого последнего времени», что «основной задачей подпольной контрреволюционной террористической группы являлось стремление дезорганизовать руководство советского правительства путем террористических актов, направленных против главных руководителей советской власти, и добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы». Установлена была связь «ленинградского центра» с консулом одной капиталистической страны, получение от него денег, связи с Троцким и т. д.

В дальнейшем следствие установило, что одновременно с так называемым «ленинградским центром», под руководством которого было осуществлено убийство тов.

---

[1]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 257.

С. М. Кирова, «в г. Москве осуществлял свою контрреволюционную подпольную деятельность так называемый «московский центр», составившийся из руководителей бывшей антисоветской зиновьевской группы, не прекратившей, несмотря на свою капитуляцию, своей подпольной работы, направленной на осуществление контрреволюционных целей в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы». В состав этого «московского центра» входили Зиновьев, Евдокимов, Гертик, Бакаев, Куклин, Каменев и др.

Таким образом злодейский выстрел был произведен выродком из зиновьевской оппозиции. Зиновьев и Каменев явились прямыми вдохновителями презренных убийц.

Зиновьев и Каменев не раз выступали в роли изменников, предателей в отношении партии и рабочего класса. Достаточно вспомнить гнусную роль Каменева в первые дни Февральской революции, когда он вместе с ачинскими купцами посылал приветственные телеграммы Михаилу Романову, а еще раньше недопустимое для пролетарского революционера поведение на суде по делу большевистской фракции Государственной думы. На апрельской конференции 1917 г. именно Каменев выступил против ленинского плана борьбы партии за социалистическую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

По словам товарища Сталина, Каменев «стоял тогда в оппозиции против Ленина, против его тезисов, против большинства партии и развивал точку зрения, граничащую с оборончеством» [1]).

В Октябрьские дни 1917 г. Зиновьев и Каменев не только голосовали против восстания, но в меньшевистской газете «Новая жизнь» выдали буржуазии решение Центрального комитета о вооруженном восстании. «Молчать перед фактом такого неслыханного штрейкбрехерства было бы преступлением, — писал по этому поводу в письме «К членам партии большевиков» Ленин, — ...Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами выдали им решения рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК: «Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

На другой день после Октябрьской победы Зиновьев и Каменев совершают новый акт предательства и измены: предъявляют требование о создании «единой социалистической власти» с участием эсеров и меньшевиков и заявляют о своем выходе из Центрального комитета партии. В воззвании ЦК от 7 ноября Ленин писал: «Несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства. Товарищи! Не верьте этой лжи! Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров» [2]).

Впоследствии В. И. Ленин указывал, что это штрейкбрехерство и дезертирство Зиновьева и Каменева не являлись случайными. Последующая их борьба против партии, формы и методы этой борьбы ясно показывали, что предательская роль Зиновьева и Каменева в Октябре действительно была не случайной. Накануне XIV партийной конференции, перед XIV партийным съездом и на съезде Зиновьев и Каменев раз-

[1]) «Пути мировой революции», т. II, 1927 г., стр. 298.
[2]) В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXII, стр. 59—50.

вернули тезис о невозможности построения социализма в СССР. С этих контрреволюционных позиций они начали свои новые атаки против партии и советской власти.

Двурушничество, измена, предательство, обман являлись характерной особенностью в подлой «работе» зиновьевцев против партии и советской власти.

Ведя подрывную, клеветническую работу против партии, подготовляя конспиративно свои выступления на XIV съезде партии ложью и обманом, запугиванием подбирая большинство ленинградской областной партконференции, зиновьевцы всячески маскировали свою антипартийную работу формальными заявлениями о своей верности Центральному комитету партии. Двурушничеству они учили «свой» актив, заявляя: «Мы должны вести осторожно такую подготовительную работу к районным и губернским конференциям и к XIV съезду, чтобы свою точку зрения перед всей партией и ЦК заявить: в четверть голоса — на районных конференциях, вполголоса — на губернских партконференциях и полным голосом должна будет заявить эту точку зрения наша делегация на XIV партсъезде» [1]).

После XIV съезда партии, когда окончательно оформился блок зиновьевской оппозиции с Троцким и другими антипартийными группировками, контрреволюционная деятельность зиновьевско-троцкистского блока приняла неслыханные размеры. «Оппозиция» не стеснялась никакими средствами: чудовищная клевета на партию, организация нелегальных собраний, подпольных типографий и, наконец, открытых антисоветских уличных демонстраций — все было ими пущено в ход. Формально признавая свои «ошибки», капитулируя перед партией, заявляя о своей верности Центральному комитету партии, «оппозиция» на деле все время вела разлагающую контрреволюционную работу.

XV съезд партии так охарактеризовал капитулянтский, меньшевистский характер зиновьевско-троцкистской оппозиции: «Оппозиция в области идеологической от разногласий тактического характера перешла к разногласиям программного характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевиков.

Отрицание возможности победного строительства социализма в СССР и, следовательно, отрицание социалистического характера нашей революции; отрицание социалистического характера государственной промышленности; отрицание социалистического пути развития в деревне в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства; наконец, фактическое отрицание пролетарской диктатуры в СССР («термидор») и связанное с этим капитулянтство и пораженчество, — вся эта идейная установка превратила троцкистскую оппозицию в орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР и во вспомогательный отряд международной социал-демократии за ее пределами» [2]).

Исключенные XV съездом из партии руководители оппозиции снова начали маневрировать. Продолжая предательскую, изменническую работу против партии, Зиновьев и Каменев писали лицемерные, лживые декларации, клялись в верности партии. Двурушничество являлось основным методом их контрреволюционной работы.

В 1928 г. Зиновьев дает директиву своим сторонникам вступать в партию, подавая двурушнические, фальшивые заявления о признании своих «ошибок». Каменев пытается тогда же установить связь с лидерами правых. В 1932 г. Каменев и Зиновьев связываются с контрреволюционной антисоветской группой Рютина—Слепкова и снова исключаются из партии. Восстановленные в партии, заявляя с высокой трибуны партийного съезда о преданности партии, Зиновьев и Каменев снова и снова ведут подлую, грязную работу на этот раз по организации подпольного «московско-

---

[1]) Стенографический отчет XIV съезда, стр. 202.

[2]) ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. II, стр. 28—29.

го центра», игравшего роль «политического центра, систематически на протяжении ряда лет руководившего подпольной контрреволюционной деятельностью как московской, так и ленинградской групп».

На суде вдохновители злодейского убийства тов. С. М. Кирова вынуждены были признать, какими гнусными методами они, эти «бывшие люди», действовали против партии и советской власти. «На протяжении всей деятельности зиновьевской оппозиции в ее рядах культивировалась злоба и ненависть к руководству партии, при этом организация не останавливалась перед тем, чтобы пустить в ход клевету, ложь, обман, извратить факты, т. е. применяли все гнуснейшие средства, заимствованные из арсенала фашизма»,— заявил на суде обвиняемый Федоров.

«Когда нам вменяют в вину террористические настроения, я твердо заявляю: да, за это мы должны нести ответственность, ибо тот яд, которым мы отравляли окружающих нас в течение десятка лет, способствовал совершению преступления — убийству Кирова...» «Мы так привыкли лгать партии, что отучились отличать правду от лжи», — говорил на суде Евдокимов.

Подлые двурушники, лжецы, клеветники, предатели, — они «ничем не отличались от международной контрреволюционной сволочи», как заявил на суде Евдокимов. «Мы точно так же, как эта сволочь, ждали краха, мы жили надеждами на этот крах», — говорил он.

Таков путь злейших врагов рабочего класса, ложью, обманом, клеветой воспитавших, вдохновлявших презренных убийц Сергея Мироновича Кирова.

***

Классовый враг, его агентура в судорогах отчаяния перед лицом неизбежной гибели прибегают к гнуснейшим средствам борьбы. Маневрируя, маскируясь, двурушничая, классовый враг, разгромленный внутри страны, не чувствуя никакой опоры в массах, ищет связи, поддержки за рубежом, предлагая свои услуги империалистам, выполняя их диверсионные шпионские поручения, возлагая надежды на интервенцию, делая тщетные попытки сорвать грандиозные успехи социалистического строительства. Враг пытается использовать малейшее ослабление классовой бдительности. Товарищ Сталин еще на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г. прозорливо предупреждал нас: «Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных, оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв. Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам» [1]).

Убийство тов. Кирова показало всем, что остатки классового врага и его агентуры далеко еще не выкорчеваны. «Ослабление революционной бдительности в таких условиях опасно. Враг жесток и изворотлив, враг готов принять любое обличье, прикинуться даже другом нашей партии для того, чтобы ослабить нашу бдительность и нанести удар и в голову и в сердце» (Молотов).

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 510.

На злодейское убийство С. М. Кирова многомиллионные массы трудящихся нашей страны ответили единодушным требованием раздавить, уничтожить фашистскую контрреволюционную гадину, посягнувшую на одного из виднейших руководителей нашей партии и рабочего класса. Воля масс нашла свое выражение в приговоре Верховного суда СССР.

Выстрел в тов. С. М. Кирова сплотил массы рабочих, колхозников, трудящихся вокруг партии, вокруг ее Ленинского ЦК во главе с товарищем Сталиным.

Ни на одну минуту врагам партии и советской власти не удалось поколебать решимость партии и волю многомиллионных масс к дальнейшей борьбе за построение социалистического бесклассового общества. Ответом на злодейское преступление должно явиться еще большее усиление активности трудящихся масс нашей страны в выполнении грандиозных задач второй пятилетки, еще большее усиление революционной бдительности.

***

Надо уметь на всех участках нашей работы вскрыть, разоблачить маскирующегося врага. Для этого необходимо знать, какими методами и способами боролись против партии все антипартийные, антиленинские, уклонистские, двурушнические элементы на всем протяжении истории нашей партии. Надо внимательно изучить, как партия Ленина—Сталина разгромила кадетов, эсеров, меньшевиков всех оттенков, анархистов, «рабочую оппозицию», «демократических централистов», контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. д. Надо изучить, как партия боролась против троцкистов и зиновьевцев и в период первой революции и в период Октябрьской революции и после Октября. Надо поднять на должную высоту изучение истории нашей партии среди коммунистов и комсомольцев.

Нельзя забывать указаний товарища Сталина о троцкистских контрабандистах. Теоретический фронт и, в частности, исторический фронт за последние годы привлекал особенное внимание антипартийных, зиновьевско-троцкистских элементов. Двурушники из зиновьевско-троцкистского лагеря пытались закрепиться на некоторых участках нашего идеологического фронта. Здесь они, используя в отдельных случаях гнилой либерализм, отсутствие необходимой большевистской бдительности, пытались протаскивать зиновьевско-троцкистскую, меньшевистскую контрабанду с кафедр вузов, со страниц журналов и т. п.

Мы знаем, как враги партии пытались извратить, исказить историю нашей партии, историю социалистического строительства, прибегая в отдельных случаях к сокрытию и фальсификации исторических документов, с одной стороны, и будто бы к «объективному» показу специально подобранных, искажающих смысл исторических событий враждебных нам документов — с другой.

Мы должны помнить предостережение товарища Сталина в отношении использования документов:

«Значит ли..., что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готовностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они проводили в жизнь эти резолюции...» «Почему он [Слуцкий] не использовал наиболее надежный метод проверки Ленина и большевиков по их делам, по их действиям? Почему он

предпочел менее надежный метод копания в случайно подобранных бумагах? Потому, что обращение к более надежному методу проверки большевиков по их делам, мигом опрокинуло бы вверх дном всю установку Слуцкого» [1]).

Наш журнал и вообще архивные учреждения должны проявить в связи с этим особую бдительность как в отношении публикуемого исторического материала, так и вообще использования исторических документов в качестве источников исторического исследования. Мы знаем, что подлые двурушники, контрабандисты не брезгают средствами подлога, фальсификации.

«Ведь архивное дело — участок острейшей классовой борьбы. Троцкист или националист, бесспорно, попытается использовать и истолковать тот или иной архивный материал совсем не на пользу, а во вред социалистическому делу» (Постышев).

И здесь, на архивно-историческом фронте, нам нужно твердо помнить, что «революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам» (Сталин).

Грандиозные победы одержаны нами под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Под этим знаменем, руководимые мудрым вождем мирового пролетариата товарищем Сталиным, мы, сметая всех врагов, всех сопротивляющихся, идем к новым победам по пути мировой социалистической революции.

---

[1]) И. Сталин, Вопросы Ленинизма, изд. 10-е, стр. 474—475.

К истории борьбы за III съезд партии

(Декабрь 1903 г.—март 1905 г.)

Борьба за III съезд партии имеет исключительно большое значение в истории большевизма, в истории организации партии нового типа.

Меньшевики во главе с Мартовым и Троцким, потерпев поражение на II съезде РСДРП, создали тайную организацию с целью захвата центральных учреждений партии. Бойкот решений съезда, отказ от сотрудничества в «Искре», наконец, клевета на большевистское руководство, при лицемерных попытках скрыть свои принципиальные разногласия с большевиками — такова была «тактика» меньшевиков, которую В. И. Ленин прозвал тогда же «поганой склокой».

Когда меньшевики, используя изменнический переход к ним Плеханова, захватили в свои руки редакцию «Искры» и начали атаку на ЦК, стремясь перенести свою антипартийную дезорганизаторскую работу из-за границы в Россию, тогда В. И. Ленин в декабре 1903 г. резко поставил в письме «К членам ЦК в Россию» вопрос о немедленном созыве III съезда партии [1]). Это был революционный призыв пролетарского вождя на борьбу за действительную партийность против ясно уже показавшего себя мелкобуржуазного анархического индивидуализма меньшевиков.

Историческая необходимость ленинского лозунга борьбы за съезд чем дальше, тем больше подтверждалась всем ходом событий в стране и положением внутри партии. В условиях нараставшего революционного движения, подготовки вооруженного восстания во всю ширь стоял вопрос о консолидации большевистских сил, укреплении большевистских комитетов. Меньшевики, несмотря на всю свою «дипломатию», вынуждены были, в конце концов, показать свой разрыв со старым «искровством».

В статьях: «Чего не делать» Плеханова, «Наш съезд» Мартова, «Централизм или бонапартизм?» Плеханова, «Отчет сибирской делегации» Троцкого и т. п.—меньшевики лишний раз показали, что они идут против ленинского организационного принципа построения партии нового типа, переходят на позиции ранее разоблаченного «экономизма», отказываются, открыто переходят к тактике услужения либеральной буржуазии. Эта оппортунистическая тактика меньшевиков особенно ярко выразилась в письме новой «Искры» к членам партии осенью 1904 г. о так называемой «земской кампании».

Все это показывало, насколько был необходим немедленный созыв III съезда партии, насколько гениально было предостережение В. И. Ленина в упомянутом письме к членам ЦК в его словах: «Спасение одно—съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами. Только на этом лозунге можно поймать мартовцев, привлечь широкую массу и спасти позицию» [2]).

Однако то, что было ясно Ленину, оказалось неясным для некоторых из членов ЦК партии. Эти члены (Носков, Гальперин, Красин и др.) заняли примиренческую

---

[1]) X Ленинский сборник, стр 45—46.
[2]) Там же, стр. 45.

позицию. Они старались усыпить местные комитеты иллюзиями мира с меньшевиками, скрывали суть организационного оппортунизма меньшевиков, саботировали и прямо срывали агитацию за созыв съезда, поддерживая этим бешеную борьбу меньшевиков против съезда.

Терпеливо и настойчиво разъяснял Ленин до известного момента [1]) этим примиренцам всю пагубность для партии их позиции. Он писал им: «Партия разорвана фактически, устав обращен в тряпку, организация оплевана, — только благодушные пошехонцы могут еще не видеть этого. А кто это понял, тому должно быть ясно, что на натиск мартовцев надо отвечать натиском же (а не пошлым рассусоливанием о мире и т. п.). Для натиска и надо употребить все силы... Я думаю, что у нас в ЦК, в самом деле, бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: «Бесполезно бороться...» «Либо ЦК станет организацией войны с ЦО, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК — негодная тряпка, которую поделом выкинуть вон» [2]).

Примиренчество большинства членов ЦК партии, временное отсутствие у большевиков центрального органа за границей и условия нелегальной работы в России привели к тому, что борьба за созыв съезда приняла затяжной характер. Однако с середины 1904 г. уже было ясно, что большинство комитетов в России стоит за съезд. На конференции двадцати двух крупнейших работников во главе с Лениным в августе 1904 г. было принято обращение «К партии», которое сыграло громадную роль в ускорении всей работы по созыву съезда. Образовавшееся Бюро комитетов большинства и ленинская газета «Вперед» развернули огромную организационную и разъяснительную кампанию и тем обеспечили к апрелю 1905 г. созыв III съезда партии в Лондоне.

Работа по созыву съезда потребовала величайшего напряжения в борьбе всех сил большевиков. На этой работе, при отчаянной попытке меньшевиков сорвать ее при содействии им в этом многих их друзей во II Интернационале, при вреднейших шатаниях и путанице примиренцев, росли и закалялись большевики, неутомимо осуществлявшие ленинский план построения пролетарской партии нового типа.

Исключительно яркий образец борьбы против меньшевиков и примиренцев показал тогда товарищ Сталин.

После побега из ссылки он появляется в конце 1904 г. в городах Закавказья и ведет огромную работу по сплочению большевиков в Батуме, Чиатурах, Тифлисе, Баку. Его разоблачения примиренческого оппортунизма Носкова и других членов ЦК, его брошюра против меньшевиков «Вскользь о партийных разногласиях» имели огромное значение. Товарищ Сталин явился главным организатором делегации от Кавказа на III съезд партии.

Публикуемые ниже документы, большинство из которых — письма ряда известных старых профессиональных революционеров, ярко показывают, как их авторы воспринимали и осуществляли идею Ленина о съезде. Это лишь очень небольшая часть переписки этого периода, являющаяся дополнением к документам, опубликованным в собрании сочинений В. И. Ленина и в Ленинских сборниках [3]). В данной публикации «Красного архива» имеется письмо примиренца А. В. Носкова. В свете большевистской переписки особенно резко видны все убожество примиренческого оппортунизма и обреченность его жалкой попытки сорвать III съезд партии.

---

[1]) Таким моментом, после которого Ленин от разъяснений перешел к борьбе с примиренчеством, явилась так называемая июльская декларация ЦК 1904 г., в которой примиренцы категорически требовали прекращения агитации за съезд.

[2]) В. И. Ленин, Соч., т. XXVIII, изд. 3-е, стр. 331—332.

[3]) Ленинские сборники VII, IX, X XI и XV.

Письма, конечно, не дают полного освещения борьбы за съезд. Часто в них нет даже самых необходимых объяснений и сведений о фактах и обстоятельствах борьбы. Да это и понятно, так как их авторы работали в исключительно тяжелой нелегальной обстановке; им приходилось вести переписку чаще всего в условных выражениях; иногда в двух-трех словах они говорили о важнейших моментах, суть которых полностью раскрывается в произведениях В. И. Ленина.

И тем не менее эта группа писем четко говорит о непримиримости к меньшевистскому оппортунизму, о борьбе с ним, показывает основные этапы этой борьбы.

В первом же письме неизвестного пока автора из Костромы, от 7 декабря 1903 г., дается уничтожающая оценка первого (52-го) номера новой «Искры»: в ней «запахло мартыновщиной» — пишет автор.

В письмах до июля—августа 1904 г. чувствуется еще подготовительный период к борьбе. Работники на местах очень слабо еще информированы о сути интриг меньшевиков и примиренцев в заграничных центрах; до них с величайшим трудом, через голову примиренческого ЦК, доходят слухи о борьбе Ленина. В январе 1904 г. т. Землячка просит немедленной информации, жалуется на неработоспособность русских членов ЦК. «Как нелепо у нас все устраивается!» — заключает она. Но через месяц, в феврале, она уже отмечает недовольство примиренческим ЦК со стороны многих комитетов и безоговорочно присоединяется к выводу Ленина о том, что съезд — единственное спасение. Примерно в то же время (февраль—март) пишет из Москвы т. Красиков. Он беспощадно ругает примиренцев за двойственную игру и их мечты о примирении с Мартовым.

Несмотря на все интриги, сплетни и пр., с чем меньшевики и примиренцы выступили против большевиков, чтобы затормозить укрепление их связей с местами, летом 1904 г. связи большевиков с комитетами расширяются и укрепляются, и один за другим комитеты становятся определенно на сторону большевиков.

В июне 1904 г. т. Стасова сообщает за границу о плане действий: «Двигаться группой, завоевать комитет — и дальше». С июля 1904 г. в письмах большевиков резко меняется тон. В обширном заявлении из Одесского комитета (есть основания считать его автором т. Воровского) дается развернутая критика работы ЦК партии в России, отмечается, что «мы имеем теперь ЦК, бойкотируемый «меньшинством», утративший теперь доверие «большинства», бездеятельный и недееспособный». Вывод: «Обращаясь ко всем партийным товарищам, мы призываем их самым энергичным образом настаивать на немедленном созыве III съезда, так как только он один... может спасти ее [партию.—*П. М.*] от окончательного разброда и упадка». Особенно четко перелом в пользу съезда отражают два письма т. Землячки (август—октябрь 1904 г.). Она пишет о колоссальном впечатлении в Москве и Питере от ленинского обращения «К партии» с конференции 22-х, о полной победе над примиренцами на Кавказе и сообщает о своем маршруте по объезду комитетов, который охватывает чуть ли не всю Россию. Эти объезды, на которые, по свидетельству Н. К. Крупской, было брошено много товарищей, являются образцом боевой организаторской работы ленинцев перед революцией 1905 г. Плоды этой работы сказались прежде всего в уничтожении влияния примиренческого ЦК. В марте 1905 г. уже сам ЦК в лице уцелевшей от провала его части капитулирует перед вполне определившимся решением большинства комитетов о созыве съезда.

Достойно большого внимания настороженное, недоверчивое отношение большевиков к этой капитуляции примиренцев, которое видно в последнем письме, принадлежащем т. С. И. Гусеву. «Я совершенно не верю, — писал т. Гусев, — чтобы ЦК думал созвать съезд всерьез. Он только хочет обмануть и нас и меньшевистскую периферию, которая требует съезда». Эти опасения очень характерны для большевистской бдительности, которая сыграла тогда громадную роль в достижении

задачи: созвать съезд, чтобы еще крепче вооружить партию великими лозунгами Ленина в условиях уже наступившей первой революции.

Публикуемые письма дают материал, иллюстрирующий большевистское разрешение этой важнейшей задачи, и потому они важны для изучения истории нашей партии.

За письмами большевиков усиленно охотилась царская охранка. Она перехватывала их, снимала с них копии, а подлинники в интересах дальнейшего сыска иногда посылала адресатам. Центральный архив революции располагает сейчас только копиями писем из дел департамента полиции, с которых они здесь и воспроизведены.

Петр Милюков.

Копия полученного агентурным путем письма без подписи из Костромы, от 7 декабря 1903 г., к г-же Величкиной, Женева, Avenue de Mail, 5, Pension Maurath [1]).

Химический текст.

Передай, что 4 ноября 9 человек, сидевшие по делу о демонстрации, объявили голодовку, требуя освобождения или приговора [2]). На 8-й день голодовки приговор был им объявлен. Одного на 6 лет Восточной Сибири, двоих на 4 года, остальных на три года. По поводу голодовки распространен листок от нашей группы. Еще распространен 2-й Северного комитета в количестве 50 экз. [3]). Передовая статья в 52 номере «Искры» [4]) произвела на меня удручающее впечатление. Я думаю, что эту статью писал Мартов... Ленин вышел в отставку, и эта статья появилась в «Искре» [5]). От первого номера «Искры», как центрального органа объединенной Российской социал-демократии, запахло мартыновщиной, — как это ужасно! В статье говорится, что было бы крайне недальновидно не принимать в партию таких товарищей, которые отлично сознают несостоятельность теории ревизионизма и только из упрямства продолжают придерживаться некоторых принципов этой теории. Я ничего не понимаю, — не все ли равно для партии, по какой причине эти товарищи придерживаются принципов ревизионизма, потому ли, что они глубоко убеждены в истинности этих принципов, или потому, что они упрямы; мне кажется, что этот вопрос может интересовать разве какое-нибудь ученое пси-

---

[1]) ДП, о. о., 1903 г. д. № 1000, т. I, л. 168. — Заголовки здесь и ниже приводятся по подлинникам. — Текст публикуемых документов подготовила к печати М. А. Сыромятникова.

[2]) Речь идет о демонстрации, состоявшейся в Костроме 8 мая 1903 г. Демонстрация вызвана была упорным отказом фабрикантов удовлетворить требования забастовавших рабочих. Полиция зверски избила демонстрантов, арестовала 14 человек из них и произвела массовые обыски (ДП, о.о., 1898 г., д. № 5, ч. 49, лит. Б., лл. 27, 37.).

[3]) Экземпляр указанной листовки Северного комитета РСДРП «К костромским рабочим» имеется в деле ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 49, лит. Б, л. 56.

[4]) Передовая статья в № 52 «Искры» от 7 ноября 1903 г. под заголовком «Чего не делать» написана была Плехановым; перепечатана в сборнике «Как рождалась партия большевиков», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), стр. 464—470.

[5]) В. И. Ленин 1 ноября 1903 г. официально заявил Плеханову о выходе своем из редакции «Искры», когда ему стало ясно намерение последнего пойти на мир с меньшевиками. Заявление Ленина см. Соч., т. VI, стр. 106, а письмо его в редакцию «Искры» под заголовком «Почему я вышел из редакции «Искры» см. Соч., т. VI, стр. 124.

хологическое общество, а для РСДРП, как для партии политической, партии жизни, важно именно то, что они придерживаются этих принципов, независимо от того, по какой причине они придерживаются их. Еще говорится в статье о том, что мы должны вести борьбу с ревизионизмом, а не с ревизионистами. Что это значит? Разве бывает ревизионизм без ревизионистов и ревизионисты без ревизионизма? Что такое ревизионист? Есть ли это человек, придерживающийся теории ревизионизма из убеждения или из упрямства, — все равно. Как это ужасно, что разлад, возникший на почве оскорбленного самолюбия, привел к разногласию в области организационных вопросов, — прямо страшно делается. Вдруг опять какой-нибудь истерический старичок вдастся в амбицию, а из-за этого, чего доброго, выйдет то, что и социалистов-революционеров можно принимать в партию. Неужели подкупающая всех твердость в отстаивании своих принципов, цельность, строгое единомыслие были только кажущимися явлениями? Право было большинство съезда в таком случае, что ограничило число редакторов своего центрального органа тремя лицами [1]). Троим больше чем наполовину легче спеться, нежели семи. Разногласие троих меньше чем наполовину будет тормозить дело, нежели разногласие семи человек.

С троих лиц Российской социал-демократии легче чем наполовину взыскивать, нежели с 7 лиц. Разве партия не должна была расстаться с этим и разве первые не должны были понять это? Вдавшиеся в амбицию старики разве не должны были учить молодых считаться раньше всего с интересами партии? Разве им неизвестно, сколько драгоценного времени тратилось на устранение разногласий 7 человек по вопросу о той или другой статье в «Искре», сколько крови при этом портилось и какой тормаз создавался этим делу? И если в интересах дела требовалось избрать только троих лиц, то разве съезд мог выбрать других кроме Плеханова, Ленина и Мартова? Разве можно было заменить без ущерба для «Искры» Ленина Аксельродом, Мартова—Дейчем? Старики не могут этого понять; такова человеческая психология. Но почему не хотят понять этого молодые товарищи? Я понимаю психологию стариков и думаю, что каждому отдельному человеку безусловно необходимо считаться с одной человеческой психологией; он обязан это сделать. Но целая партия и партия политическая имеет право отказаться от этой обязанности в тех случаях, когда это противоречит ее интересам. Интересы партии должны стоять для нее выше интересов индивидуальной психологии. Напиши, что думаешь об этом. Меня все это волнует.

За последний месяц у нас арестовали 7 человек, а именно: Кулицкого и Задорина—рабочих с фабрики Каптина, рабочего Барабанова, мест. [?] Козлова, Лебедева и Сен-Жура. Последние два арестованы по указанию ярославских жандармов. Сен-Жур—нелегальный, задержан во время проезда через наш город на квартире у Ширского. Нам, костромичам, приходится жалеть только об одном из этих семи; остальные не имеют к нам никакого отношения.

Отправила обо всем этом корреспонденцию, не знаю, попадет ли.

---

[1]) Речь идет о II съезде РСДРП, происходившем с 17/30 июля по 10/23 августа 1903 г., на котором в редакцию ЦО были избраны В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и Ю. О. Мартов.

Выписка из письма с подписью «Демон» [Землячка, Р. С.], из Москвы, от 24 января 1904 г., к Jean Christian, Дармштадт. Karlsstrasse, 25, Vorderhaus, 111[1].

Химический текст.

Для Маши [заграничная часть ЦК[2])]. Шифром Чернушки.

Напишите мне немедленно и подробно о всех решениях, принятых вами. Сообщите все новое, что имеется у вас.

Сообщите Зв. [Эссен, М. М.][3]), что адрес, который я ей дала, отменяется. Сообщите мне немедленно, где находится сейчас Кон[4]). Здесь я его не застала. Не могу двинуться отсюда, не передав ему связей. Не знаю, сколько ждать его придется. Напишите немедленно, что знаете о нем. Где теперь Нил [Носков, В. А.]. Как нелепо у нас все устраивается! Дела Фауста [русская часть ЦК] из рук вон плохи. Ропот против него раздается уже из дружественных комитетов. А мы занимаемся тем, что ловим друг друга.

Жду с огромным нетерпением вашего письма, извещающего об окончательных решениях Фауста[5]). Всего вам самого хорошего! Жму крепко руки.

---

[1]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 548, л. 8.

[2]) ЦК на II съезде избран был в составе Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника и В. А. Носкова. В конце сентября 1903 г. были кооптированы в состав ЦК Р. С. Землячка, М. М. Эссен, Ф. В Гусаров и Л. Б. Красин, а в ноябре 1903 г.— В. И. Ленин и Л. Е. Гальперин.

[3]) «Зверь» (примечание в подлиннике).

[4]) «Коняга-Гальперин» (примечание в подлиннике).—Гальперин был сторонник делячески-примиренческого течения в ЦК, которое стремилось не созывать съезда, отмалчиваться от натиска ЦО и меньшевиков, под предлогом необходимости заниматься «положительной» работой. Это течение собрало большинство голосов по вопросу о созыве съезда, о чем сообщает Гальперин от имени ЦК В. И. Ленину и Ф. В. Ленгнику 16 февраля 1904 г. (см. X Ленинский сборник, стр. 352—353). Ответ Ленина от 13 марта 1904 г. (см. там же стр. 355).

[5]) Касается г. Саратова (примечание в подлиннике).

Зная шаткость настроения и позиции российских членов ЦК и пытаясь добиться действительного понимания с их стороны всей серьезности положения дел в партии и признания необходимости экстренного съезда как единственного средства избавить партию от переворота, к которому сознательно стремилось меньшинство, Ленин в письме к члену ЦК Г. М. Кржижановскому от 18 декабря 1903 г. указывал на расхождение с ним и Носковым по вопросу о тактике по отношению к меньшинству и по вопросу о созыве III съезда (см. X Ленинский сборник, стр. 74—76 или сочинения Ленина, т. XXVIII, стр. 310—312). 22 декабря 1903 г. в письме к Центральному комитету (X Ленинский сб., стр. 80—81). Ленин дает резкую отповедь по поводу разосланного по комитетам примиренческого извещения ЦК о полной якобы ликвидации конфликта между центральными учреждениями (извещение см. X Ленинский сб., стр. 79). 30 декабря 1903 г. Ленин в письме Центральному комитету резко ставит вопрос о двух течениях в ЦК—делячески-примиренческом и принципиально-политическом — и снова доказывает необходимость съезда (см. X Ленинский сб., стр. 115—117 или Соч. Ленина, т. XXVIII, стр. 317—319). Наконец, 4 января 1904 г. в письме Г. М. Кржижановскому еще раз резко отрицательно высказывается против примиренческих тенденций и за беспощадную войну с меньшинством (см. X Ленинский сб., стр. 127—129 или Соч. Ленина, т. XXVIII, стр. 322—324).

Копия письма с подписью: «Зверь» [Эссен, М. М.], из Женевы, от 14 февраля 1904 г. нов. ст. к Вениамину Яковлевичу д-ру Канель, Москва, редакция «Курьера» [1]).

Химический текст.

Напишите немедленно, как обстоят дела, что нового, кто где находится, как идет работа и пр. Ждем самого обстоятельного письма. Приеду весьма скоро. Здесь такая атмосфера, что впору свежему человеку задохнуться. Мартовцы ведут себя премерзко. Съезд — единственно возможный выход из этого невероятного положения [2]). Приеду — расскажу все подробно и материалы привезу.

Передайте в Московский комитет, чтобы кооптировали Лизу и Олю [сестры Шнеерсон].

Жду наискорейшего ответа. Крепко целую. Всем привет. Сообщите адрес Митрофана [Гусаров, Ф. В.].

Копия письма Воронова [Гальперин, Л. Е.] из Москвы, от 5 февраля 1904 г., к Ф. Регнер, Нюренберг [3]).

Химический текст.

Только что получили ваше письмо [4]). Капризы Тони [редакция «Искры»] крайне неприятны, но беда не столько в них, сколько в полной бездеятельности Маши [загр. часть ЦК], как [5]) объясняется, конечно, и раздорами, но крайне мало. Комитеты же надо до бучи взять — литературой, людьми, руководством, чтобы не обратить всю свою работу в бесполезную для партии бумажную войну со случайной победой. «За работу» — вот лозунг; огромные запросы со всех сторон и полная возможность творить чудеса, лишь были бы люди с руками. Но, к сожалению, слишком часто, вместо улыбки, встречаешь спину, потому что терпение лопается даже у друзей; другие же из всех слоев бегут к серым [6]) и либералам. Позорно! Но руки отнюдь не опускаются, — наоборот, дерзость растет с каждым днем. Ясно, что один-два удара, и дорога расчистится. Ведь до сих пор буквально ничего не было. Ведь большие планы, широкие и осуществимые.

Недостатка в творческой фантазии нет, но мало, крайне мало рук.

Деньги вышлем через неделю — 1½ недели. Не тужите, работа закипит, и вся мразь минется.

Наш лучший привет вам! Поклон от землячки.

---

[1]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 65, л. 1.

[2]) Идея созыва экстренного партийного съезда как боевой лозунг момента выдвинута была Лениным в письме его членам ЦК в России от 10 декабря 1903 г. «Спасение одно — съезд. Лозунг его: «Борьба с дезорганизаторами». (Сочинения Ленина, т. XXVIII, 3 изд., стр. 308 или X Ленинский сборник, стр. 45). Мысль же о съезде у Ленина возникла значительно раньше. «Борьба за ЦК, за скорый [летом] новый съезд — вот что нам остается», — писал он М. Н. Лядову 10 ноября 1903 г. (см. VII Ленинский сборник, стр. 222—226.)

[3]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 2, л. 7.

[4]) Речь идет, повидимому, о письме В. И. Ленина от 31 января 1904 г. (см. Сочинения Ленина, т. XXVIII, стр. 325). В этом письме Ленин сообщает о статье Плеханова «Грустное недоразумение» в № 57 «Искры» (с требованием кооптировать «меньшинство» в ЦК).

[5]) Так в подлиннике. Надо: «что».

[6]) Т. е. к с.-р.—партии социалистов-революционеров.

Выписка из письма с подписью «Демон» [Землячка, Р. С.], из Москвы, от 7 февраля 1904 г., к Карлу Мюллер, в Нюренберг, Heinestrasse, 25 [1]).

Для Маши [заграничная часть ЦК].

№ 18. Ваше письмо я получила. Пишу ключем, которым вы пользовались в этом вашем письме. Адрес, по которому вы посылали ваше письмо, отменяется. Сообщите об этом и Зв[ерю — Эссен, М. М.]. Недавно я сообщила вам адреса для писем и для «Искры». Не знаю, разобрали ли то письмо мое. На-днях сообщу вам еще.

Вести, получаемые от вас, действуют ошеломляющим образом. Желания старика [Ленин, В. И.] совпадают с моими [2]). Такой выход из положения представляется мне единственно возможным. Фауст [русская часть ЦК], повидимому, выскажется иначе. Тем скорее необходим приезд сюда Кола [Лентник, Ф. В.]. Пусть выедет при первой возможности. Его присутствие абсолютно необходимо здесь. Кон[яга-Гальперин, Л. Е.] писал уже вам свое мнение о положении дел; я не согласна ни с его оценкой событий, ни с теми выводами, которые он делает [3]). Согласна с ним в его настойчивом желании возможно скорее наладить работу Фауста. И для этого Колу нужнее быть здесь, чем у вас. Деньги через неделю вышлем вам.

Мне совершенно неизвестно, что делается сейчас на юге. За все время получила от Ла[ни — Кржижановский, Г. М.] одну короткую записочку, в которой он просит только не писать ему ничего. Удобнее всего. Если нам не удастся немедленно наладить положительную работу Фауста, мы потеряем все. Коля [Петербургский комитет] кооптировал двух противников и теперь сильно колеблется. Жду с нетерпением Кола. По возможности не задерживайте Зв[еря]. Коля уехал на несколько дней и вернется с Нилом [Носков, В. А.] и др.

Копия письма с подписью «Конт...» [Красиков, П. А.], из Москвы, от 18 февраля 1904 г., Philipp Regner, Cigarenhandlung, Neugasse, 44, Nürenberg [4]

Химический текст.

Дорогие друзья! С бесконечными трудностями добрался. Видел почти всех старейшин... Впечатление самое свинское. В особенности господ Ру [Гальперин, Л. Е.] и Бориса [Носков, В. А.]. Ру чуть ли не посыпал пеплом главу и говорит с нескрываемой злобой и ожесточением о событиях, в коих он участвовал. Трещит о положительной работе и даже договорился до того, что работе этой ничто не мешало и не мешает. Борис тянет ноту Дана [5]) о ничтожном значении съез-

[1]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 548, л. 10.

[2]) Повидимому, речь идет о необходимости созыва III съезда. В. И. Ленин в письме своем в ЦК от 31 января 1904 г., о получении которого очевидно пишет Р. С. Землячка, говорит следующее: «Мы заявляем, что единственный честный выход—съезд» (см. Соч. Ленина, т. XXVIII, стр. 325 и VII Ленинский сборник, стр. 299).

[3]) См. выше письмо Гальперина от 5 февраля 1904 г.

[4]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 24, т. I, л. 370.

[5]) Дан в своем «Письме», написанном до выхода № 53 «Искры» 25 ноября 1903 г. и напечатанном в брошюре Мартова «Борьба с осадным положением» (стр. 91), говорил, что: «созыв съезда, образование ЦК и т. д. представлялись нам нежелательными».

дов и заявляет, что съезд был ошибкой. О съезде теперь не хотят и слышать, ибо сначала, говорят, нужно заняться положительной работой. Ганс [Кржижановский, Г. М.] отошел совершенно от дел, никого не желает видеть, и, что хуже всего, голос решающий передал Борису. Борис и Ру вели себя «бюрократически». Разговор поставили на официальную ногу: «Докладывай, а мы выслушаем». При обсуждении же вопроса Б [орис] и Р [у] постарались, чтобы я не присутствовал; какие основания и аргументы легли в основу решений, таким образом, неизвестно. Факт лишь тот, что планы их самые мирные. Относительно кооптации, конечно, не пожелали ни Лап [?], ни Августа [Красиков, П. А.]. Конечно, при мире в душах этих пошехонцев, это рационально и последовательно. В то же самое время держатся за голову и с сокрушением говорят о своем недостоинстве. Насчет Бюро все-таки убедились, но назначают туда Ру и Бориса и, может быть, Лошадь [Красин, Л. Б.] [1]). Ехать к вам никто, кажется не желает. Я, с своей стороны, пока вынужден попробовать пристроиться к одному из действующих комитетов и ожидать прибытия К. [Курца—Ленгник. Ф. В.] и З. [Зверя—Эссен, М. М.]. Полное отсутствие денег, за ними путешествовал г. Ру, но, очевидно, без малейшего успеха. Говорит он об этом неохотно. Очевидно, потерпел крушение.

Копия письма с подписью «Август» [Красиков, П. А.], из Москвы, от 10 марта 1904 г. к Ф. Регнеру, Нюренберг, Neugasse, 44 [2]

Химический текст.

Надежде Константиновне [3]).

Дела из рук вон плохи. Полная прострация четвероногих животных. Меня старательно бойкотируют и от всякой деятельности отстраняют. Положительно хочется бросить все к чорту. Зловреднее всех Кон... [4]). Ведет двойственную игру и мечтает о примирении с Мартовым.

Приедут ли давно ожидаемые К. [5]) [Курц — Ленгник, Ф. В.] и З. [6]) [Зверь—Эссен, М. М.]. От этого много зависит. Настроение у четвероногих самое враждебное, общей линии—нет. Отрезают возможность нам сноситься с другими комитетами, так таки прямо и отказывают. Вообще сукины дети и подлинные бюрократы.

Копия письма с подписью «Абсолют» [Стасова, Е. Д.], из Москвы, от 11 апреля 1904 г. к Schneider, Berlin, Urbanstrasse, 67 [7]).

Химический текст.

Дорогие друзья, давненько я вам не писала, а поэтому вы и не знаете моего отношения к современному положению дел. Как-то Со-

[1]) Повидимому, речь идет о Северном бюро ЦК, организовавшемся в первой половине 1904 г. в составе Н. Э. Баумана, П. А. Красикова, Ф. В. Ленгника и Е. Д. Стасовой.

[2]) Моск. охр. отд. 1904 г., д. № 24, т. I, л. 371.

[3]) «Ульяновой». (Примечание в подлиннике.)

[4]) Вероятно, «Коняга» — Л-к Гальперин. (Примечание в подлиннике.)

[5]) «Константин». (Примечание в подлиннике.)

[6]) «Зверь». (Примечание в подлиннике.)

[7]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 233, л. 15. Документ опубликован в брошюре Г. Кровицкого: «Путь старого большевика» (к 60-летию Е. Д. Стасовой), стр. 34—35.

кол [Эссен, М. М.] писал мне и упрекал в миролюбии, но это совсем неверно, так как я не согласна с той политикой, которую проповедует Валентин [Гальперин, Л. Е.]. По-моему, он как-то совсем упускает из вида психику людей и потому не понимает, что если мы будем действовать прямо на чистоту, то это совсем не значит, что и по отношению к нам поступят так же: напротив, я думаю, что со стороны меньшинства будут по отношению к нам каверзы.

Но, по-моему, грешно молчать, когда появляются статьи такие безобразные, как, например, статья Мартова в № 60 [«Искры»] [1]). Несомненно, своим миролюбием и молчанием Фауст [русская часть ЦК] заставляет публику думать, что вина есть за ним. Молчит — значит ничего не может возразить. Валентин считает, что всякий ответ является торпедой по отношению к меньшинству. Я с этим не согласна, и думаю, что отвечать необходимо. Но здесь у нас никто не отвечает, так как сил нет, это факт очень грустный, но все же факт и потому по-моему необходимо было бы, чтобы ответы были написаны и впредь бы появлялись за подписью Ленина, но от имени Фауста. Здесь людей безбожно мало. В сущности вершителем судеб является один Валентин, так как ни Нила [Носков, В. А.], ни Никитича [Красин, Л. Б.] здесь не имеется теперь. Где Сокол? Без него прямо погибаем. Необходимо также пристроить кого-либо к литературе, а то листки Фауста прямо совсем плохи. Здесь писать, повидимому, никто не может или же нет человека, который мог бы отыскать литературные силы. Вообще же, конечно, невозможно всего требовать от Валентина, да и не таковский он человек, чтобы поспеть всюду, нет в нем ртутной быстроты, которая необходима в его положении. Напишите, пожалуйста, ваш взгляд на положение дела.

Копия письма Нила [Носков, В. А.], из Женевы, от 20 июня нов. ст. 1904 г., к Петру Панкратьевичу Васильеву, Москва, Вознесенская ул., дом и контора Шестакова [2]).

Химический текст.

Трудно передать вам мое волнение от получения вашего письма в ответ на мое от 9 июня. Натянутые нервы, жажда мира и работы, вера, что можно уладить дело, боязнь, как вы решите, — все это страшно мучило меня. И вот ваше доверие! Хорошо! У меня договор лишь такой: выступать официально от коллегии лишь обоюдно, этим договором я не считал себя связанным при разговорах с Тоней [редакция «Искры»] [3]). Задержка была в том, что она все разъезжает, и кроме того, я не мог пустить большого козыря — вашего неодобрения выходу

---

[1]) Речь идет о статье «На очереди» за подписью «Л. М.» в № 60 «Искры» от 25 февраля 1904 г.

[2]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 542, л. 14.

[3]) Речь идет о договоре Ленина с Носковым о совместном и солидарном с Лениным выступлении. Носков в то время был заграничным представителем ЦК и вторым членом в Совете партии, вместо Ленгника. Договор был подписан 26 мая при участии третьего члена ЦК М. М. Эссен. (Текст договора см. В. И. Ленин, Соч. т. VI, стр. 344. Ср. письма Н. К. Крупской Ф. В. Ленгнику и Е. Д. Стасовой от 18 июня и М. М. Литвинову от 2 июля 1904 г. — XV Ленинский сборник, стр. 87 и 95).

книги Ленина [1]). Этого не решаюсь заявить и теперь. Книгу я вам послал (книгу Ленина посылаю вновь). Судите сами. Для меня выход представляется: война (может быть, даже смерть) скрипкам [2]). Да здравствует объединение и работа! Но это, по моему убеждению, идет вразрез с желаниями (я говорю не о том, что он думает, — этого я не знаю, а то, что и звери [3]) делают). Объявление войны, возможный (но временный, я думаю) разрыв с Лениным. Этот шаг уж очень серьезен, и я, не зная положения у вас, не знаю, как решите вы. Из вашего письма я понял, что, очевидно, мы слишком близки по взглядам, чтобы разойтись тут. Я вижу, что это даст силу партии, и я взволнован тем, что не двигается... [4]). Венера едет к вам. Она будет у Мар[ка—Любимов, А. И.?] и будет стараться отобрать у него связи. Воображаю разочарование этой богини, когда она натолкнется на М — а... [4]). Я вам посылаю ответ редакции № 1 и № 2 пришлю с Клод. После долгих разговоров они подаются. Для них лишь несовместимо существование нашей и ленинской политики. Это несовместимо и для нас, мне кажется. Уехать я желал бы лишь после получения вами моих писем с Клод, и когда вы выслушаете его. Я часто вижу Тоню и успокаиваю ее. Боюсь, что, уехав, она, потеряв успокоителя, слишком занервничает. Голос передаю вам. Я узнал все, но недостаточно еще. Тоня почувствовала, что мы друзья, а не враги: недостаточно еще вспомнила, чему она должна служить [5]).

Крепко обнимаю вас ваш Н и л.

Выписка из письма Надежды Константиновны Ульяновой, из Нюренберга, от 22 июня 1904 г., к Ц. А. Дауге, Москва, Театральная пл., дом. С.-Петербургского общества страхования [6]).

Химический текст.

Сейчас получили письмо Абсолюта [Стасова, Е. Д.] от 1 июня о свадьбе М. [Маши — заграничная часть ЦК] с Ф. [Фаустом — русская часть ЦК] и ничего не поняли [7]). По чьей инициативе она устраивается? Знают ли об этом Никитич [Красин, Л. Б.] и трепетная Лань [Кржижановский, Г. М.], Валентин [Гальперин, Л. Е.]? Думают ли все они побывать у Маши? Необходимо все это знать, как можно подробнее. Вообще говоря, это вещь отличная, но при данной ситуации это оружие обоюдо-острое. Если, например, Лань [Кржижановский, Г. М.], Митр[офан—Гусаров, Ф. В.], Ник[итич—Красин, Л. Б.] не захотят

[1]) Речь идет о книге Ленина «Шаг вперед, два шага назад», которую ЦК (в России) считал нужным не печатать в партийной типографии. См. XV Ленинский сборник, стр. 24, 26.

[2]) «Скрипка»—одна из кличек П. А. Красикова.

[3]) «Зверь» — одна из кличек М. М. Эссен.

[4]) Многоточие в подлиннике.

[5]) Носков был вызван в Женеву меньшевиками и приехал с постановлением пяти членов ЦК (Красина, Гальперина, Дубровинского, Любимова и Носкова) против съезда. Он повел двойственную политику: с одной стороны, говорил Ленину, что ЦК разделяет его принципиальную позицию, с другой стороны, уверял меньшевиков, что ЦК готов итти на все уступки вплоть до кооптации в ЦК меньшевистских кандидатов (см. Лядов, «Из жизни партии в 1903—1907 гг.», стр. 40.).

[6]) ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 268, л. 34.

[7]) Речь идет о проекте созыва за границей расширенного пленума ЦК (ср. письмо Н. К. Крупской и В. И. Ленина Е. Д. Стасовой и Ф. В. Ленгнику тожественного содержания в XV Ленинском сборнике, стр. 88—90).

повидаться сами с Машей, а пошлют привет через Валентина или Нила [Носков, В. А.], то может получиться очень нежелательная вещь.

Я уже писала о первых шагах [1]), с которых начал Нил,— судя по ним, такой coup d'état [2]) был бы очень правдоподобен. Да и сейчас поведение его такое странное: с меньшинством держится дружески, а от большинства сторонится. Сокол хотел потолковать с ним, но он отказался: «С вами я говорить не обязан, мое мнение узнаете от Валентина».

По поводу письма Плеханова [3]) говорит: «Надо ответить, что с политикой Ленина мы не согласны, но что выдавать его не хотим». О какой политике он говорит, аллах его ведает.

Выписка из письма «Абсолюта» [Стасова, Е. Д.], из Москвы, от 14 июня 1904 г., к Henry Rayment, Гатлей [4]).

Химический текст.

Пишет Абсолют.

Дорогие друзья, не писала вам давно, так как решительно было недосуг. У всех нас одно время появились неприятные признаки, пришлось многое изменять, хлопот было отчаянно много и главным образом мне, ввиду моего более счастливого положения. Теперь мало по малу дело приходит в норму, но все же много еще придется повозиться. Кое-что хотим несколько сократить на летние месяцы.

План действий вообще таков: двигаться группой, завоевать комитет — и дальше. Валентин [Гальперин, Л. Е.] устранился от дел, и все теперь будет ведать Руль [Бауман, Н. Э.?]. За Валентином слежка, а потому и скрылся. Пока всего лучшего! Горячий привет!

Копия письма с подписью «Мед[ведь» — Ульянова, М. И.], она же «Женя», из Киева, от 23 июня 1904 г., в Москву, Петровка, д. Коровина, Анне Ивановне Громовой, для В. И. Токмаковой [5]).

Химический текст.

Дяденьке [Книпович, Л. М.] и Васильеву [Ленгник, Ф. В.].

Дорогие товарищи! Прочла «Искру» за последнее время и прямо в ужас пришла, во что превратился наш ЦО. Очевидно, «мир», который устраивал и такими радужными красками описал нам См[ит—Кржижановский, Г. М.], не только не привел ни к каким положительным результатам (да, очевидно, и не мог привести), но даже ухудшил дело, потому что показал меньшинству нашу уступчивость и сделал все его назойливее в его требовании. Я не знаю, как идут теперь дела у вас

[1]) Повидимому, имеется в виду письмо от 18 июня Ленгнику и Стасовой, опубликованное в XV Ленинском сборнике, стр. 87, копия которого, датированная 20 июня нов. ст., хранится в ДП, о. о. I отд. 1906 г., № 268, л. 33.

[2]) Переворот.

[3]) Речь идет об открытом письме Плеханова к Центральному комитету РСДРП под заголовком «Теперь молчание невозможно», напечатанном в № 56 «Искры» от 15 мая 1904 г., с предложением Центральному комитету отмежеваться от Ленина и его брошюры «Шаг вперед, два шага назад». Опубликовано в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 116—120.

[4]) ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 268, л. 32.

[5]) Моск. охр. отд., 1904 г., д. № 213, л. 104.

и в других комитетах, могу судить об этом только по некоторым корреспонденциям и резолюциям, к сожалению, очень немногим, помещаемым в «Искре». Может быть, и предпринято что-нибудь, чтобы изменить теперешнее положение, но, сдается, что мало (говорю так опять-таки, может быть, потому, что плохо осведомлена), сдается, что многие ваши товарищи настроены слишком мягко. Что такое «третья позиция», я плохо себе представляю — все это время хорошо показало, как легко вести положительную работу с помощью меньшинства. Да и провалы теперь такие, что этой стороной, мне кажется, нет надежды победить, листки выходят редко, статей большинства почти нет в «Искре», а меньшинство так и жарит и немало, вероятно, смущает умы. Особенно возмутительны 65 и 66 №№ с фельетоном и письмом Плеханова [1]),— ответили ли вы на это письмо? Я наседала на См[ита] со всех сторон, он возмущается им, собирался писать, но потом опять успокоился и говорит, что Каутский прав... [2]), что надо обдумать... переговорить с вами... А ведь время не терпит, правда? Казалось, что и вы думаете так, но почему же тогда объезды и агентура поручаются лицам, которые против этого и которые комитеты, принявшие резолюции «за», убеждают взять ее обратно и составить противоположную (как это было у вавилонцев [в Саратове]). Ведь он и в других местах поведет ту же линию, так что же тогда получится? Кроме того, кажется очень проблематичным, чтобы ему удалось устройство (?) и именно у Пети [в Киеве]. Он привлекался там недавно, за ним, значит, будут следить, да вообще там такая слежка теперь, что выйдет, пожалуй, что-нибудь подобное нашей печальной памяти работе [3]). Мне бы казалось, лучше другое место выбрать.

Ответьте, пожалуйста, дорогие, ответьте поскорее. Это важно не только для меня, но и для всех товарищей, которые изнервничались до истерик, слушая только меньшинство и не зная, что делается на самом деле.

---

[1]) Речь идет о фельетоне Плеханова «Централизм или бонапартизм» («Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя») в № 65 «Искры» от 1 мая 1904 г. и письме его под заголовком «Теперь молчание невозможно!» («Открытое письмо к Центральному комитету Российской социал-демократической рабочей партии») в № 66 «Искры», от 15 мая 1904 г. (опубликованы в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 497—507 и 116—120). В связи с письмом Плеханова были написаны «Открытое письмо к Плеханову» Лядова от 6 июня 1904 г. и второе за подписью 37 членов партии (опубликованы в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 121—122 и 127 —129). Конспект предполагавшегося Лениным письма-обращения ЦК «К партии» (после письма Плеханова) опубликован в XV Ленинском сборнике, стр. 35—36.

[2]) Каутский, отказавшись напечатать статью Лядова, посланную для «Neue Zeit» (научный журнал германской социал-демократии, редактором которого до империалистической войны был К. Каутский) с целью ознакомления немецких социал-демократов с сущностью разногласий внутри РСДРП, ответил на нее обширным письмом, которое было опубликовано в № 66 «Искры» в фельетоне под заголовком: «Каутский о наших партийных разногласиях», где подчеркивалось, что Каутский во всех существенных пунктах высказался против позиции большинства. Каутский в конце письма предлагал российской социал-демократии на время отложить обсуждение разногласий по организационному вопросу и обеим сторонам заключить перемирие для совместной практической работы.

[3]) Имеется в виду, очевидно, арест членов Центрального и Киевского комитетов в Киеве 1—2 января 1904 г., когда арестованы были среди других М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов, З. П. Кржижановская, работавшие в Бюро ЦК, и С. З. Дижур—хранитель денег ЦК (см. X Ленинский сборник, стр. 162, 303).

В прошлом письме я указала адрес — прибавляйте только, что для меня. Получили ли деньги, которые вам должен был привезти Петушок? Горячий привет от Медведя.

Копия рукописного заявления о необходимости созыва III съезда Российской социал-демократической рабочей партии, отправленного в конце июля 1904 г. из Одессы по адресу: L. Jäger, München, Herzogstrasse, 4 [1]).

Скоро истекает год со времени II съезда нашей партии. И печальны итоги этого года! Громадные надежды, возлагавшиеся на этот съезд, надежды, что он, наконец, объединит и скрепит партию, довершит ту организаторскую работу, которую подготовила 3-летняя деятельность «Искры», к сожалению, не сбылись. Правда, съезд выработал программу и устав партии, произвел выборы в партийные центры и принял целый ряд ценных резолюций; правда, решения съезда были приняты большинством его членов и закреплены заявлением лидера меньшинства, что они обязательны для в с е й партии; правда, сейчас же после съезда громадное большинство русских комитетов примкнуло к постановлениям съезда, но, видно, так слаба еще у нас фактическая связь партии, так слаба отпорность по отношению к дезорганизаторским тенденциям, так слабо сознание партийного долга, что группа лиц, недовольная решениями съезда, оказалась в силах расстроить ряды партии, путем бойкота захватить партийный орган, превратить в нуль всю работу съезда и отбросить партию назад к тому положению, которое она занимала во время возникновения ОК. Партии у нас сейчас нет. Никакие громкие подзаголовки на наших изданиях, ни постоянное повторение слова «партия» реальной партии не создадут.

Пора нам трезво взглянуть на вещи и не обманывать себя фикцией. Наша задача не терроризировать буржуазию и правительство эффектными предприятиями, а создать фактическую, реальную силу, пролетарскую организацию, способную осуществить свои классовые требования. Поэтому нам, социал-демократам, не к лицу «нас возвышающие обманы». «Низкая же истина» является действительностью очень низкой. Фактическое положение дел до крайности печально. Несмотря на создание съездом ЦК, состояние партии осталось таким же, каким было до съезда и даже хуже того. Связь между отдельными комитетами существует постольку, поскольку сами комитеты заботятся об установлении ее, нередко благодаря личным знакомствам; большинство комитетов друг о друге ничего не знают, целые районы (как, например, юг) стоят вне всякой связи с ЦК, транспорт литературы из-за границы совсем приостановился; местное издание ЦК — это исключительно перепечатки из старых брошюр или статей из «Искры». Прокламации общепартийного характера либо совсем не появляются, либо появляются настолько поздно, что комитеты не дождавшись сами вынуждены поправлять промахи ЦК. Так было, например, с русско-японской войной; так же и с «1 мая», когда многие комитеты полу-

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 69, лл. 10—12. Письмо в выдержках опубликовано в статье Д. Кардашева «К истории зарождения Бюро комитетов большинства» в «Пролетарской революции» 1929 г., № 10 (93), стр. 83—85. Автором письма, по предположению т. Кардашева, является В. В. Воровский, который входил в состав Южного бюро, наряду с И. Х. Лалаянцем и В. О. Левицким. Местопребыванием Южного бюро был г. Одесса.

чили только рукописи прокламаций, а многие совсем ничего не получили.

Наконец, полную беспомощность проявил ЦК пред лицом наших общепартийных задач, как празднование 1 мая, организация борьбы против войны, разработка общего плана действий в такое тревожное время. Эта бездеятельность ЦК заставила южные комитеты искать ближайший районный центр, каким явилось для них Южное бюро. Это бюро, основанное более полгода тому назад ЦК, но потом брошенное им на произвол судьбы, без всякой помощи и даже без связи с центром, вынуждено было собственными силами провести объединение южных комитетов. И это удалось ему, за исключением комитетов, не пожелавших объединиться, и в этой работе ЦК — по крайней мере, некоторые члены его — вместо помощи старались ставить возможные препятствия деятельности Южного бюро [1]). Когда же возникло — значительно позднее — аналогичное Северное бюро, то оба бюро должны были связаться по собственной инициативе. ЦК и в этом случае проявил свою обычную бездеятельность. А между тем никто иной, как ЦК, постоянно призывал товарищей к положительной работе, негодуя на «большинство» за то, что оно доказывало необходимость борьбы с дезорганизаторской деятельностью «меньшинства». Но призыв к «положительной работе» остался пустым звуком, ибо за словом не последовало дела. Таким образом, мы имеем теперь ЦК, бойкотируемый «меньшинством», утративший теперь доверие «большинства», бездеятельный и недееспособный.

Еще хуже теперь обстоит дело с ЦО, обратившимся в боевое орудие «меньшинства». Со времени кооптации он служит преимущественно для нападок на позицию «большинства», на комитеты, придерживающиеся постановлений съезда, и в значительной мере на отдельных лиц, неприятных теперешней редакции. Служа взглядам и интересам меньшинства партии, в то время как большинство вообще лишено возможности высказываться, «Искра» не может представлять из себя партийного органа. Таким образом, у нас нет ЦК, у нас нет и ЦО. Нет тех учреждений, которые могли бы объединить партию, нет и непосредственной прочной связи между комитетами, помимо центров,—у нас нет партии. Есть только торжественная фикция, как она существовала раньше с 1898 года.

А между тем такое состояние долее нетерпимо. Оно грозит превратиться в хронический разброд, в прежнее кустарничество и отсрочит вопрос объединения партии на неопределенное время. Если наши центры не хотят или не в силах взять на себя задачи сплочения партии, пока это возможно еще сделать, то пусть инициатива этого сплочения идет снизу от самих комитетов. Целый ряд комитетов возбудил недавно этот вопрос, приняв резолюцию о созыве III съезда, но, видно, благой почин заглох в «делах» ЦК. Виноваты здесь в значительной мере те комитеты, которые, не сознавая всей важности момента, не поддержали товарищей в их требовании III съезда.

Обращаясь ко всем партийным товарищам, мы призываем их са-

[1]) Южное бюро объединяло вокруг себя три наиболее мощных комитета юга: Одесский, Николаевский, Екатеринославский. Оно организовано было в феврале 1904 г. при ближайшем участии В. И. Ленина, как представителя заграничной части ЦК; примиренческим ЦК оно было распущено в августе 1904 г. после «июльской декларации», но не прекратило своей деятельности.

мым энергичным образом настаивать на немедленном созыве III съезда, так как только он один, только это суверенное учреждение партии может спасти ее от окончательного разброда и упадка. Если же этот призыв не соберет требуемого уставом числа голосов, тогда сочувствующие идее созыва съезда комитеты вынуждены будут устроить частный съезд, конференцию для обсуждения положения дел, ибо лучше спасти от разброда хоть часть партии, сорганизовав и объединив ее, чем в ожидании деятельности ЦК допустить до полной дезорганизации всей партии.

Выписка из письма с подписью «Медведь» [Ульянова, М. И.], из С.-Петербурга, от 15 августа 1904 г., к г-ну Болонь, Льеж, rue Bonne Nouvelle, 110 [1]).

Химический текст.

Дорогие! Я известила о вашем плане, послала и резолюцию, но ответа о том, что все это получено и что он думает предпринять, еще нет [2]). А, может быть, надо бы действовать скорее. У вас, вероятно, уже есть последние «постановления» ЦК (на случай, пошлю их вам завтра), они попали мне в руки случайно, но слышно, их будут рассылать по всем комитетам [3]). Там он заявляет, что будет вести «решительную борьбу» против созыва съезда в настоящее время, приглашает товарищей не считаться с разделением на «большинство» и «меньшинство», а лишь с с.-д. работоспособностью принимаемых в комитеты работников, признает полную законность ЦО и далее в таком же духе. Вероятно, он и ведет очень интенсивно эту борьбу против съезда, и может получиться такая история, что даже те комитеты, которые составили желательные резолюции, будут менять их. Надо бы скорее начать объезды и если... [4]) объедет южные комитеты, надо бы кому-нибудь объехать северные, иначе уйдет слишком много времени. Здесь сейчас из своих вполне людей только Тихоня, ее, я думаю, можно бы было посвятить в это — она ведь вполне своя, и, чтобы не терять времени, она могла бы, за неимением никого другого, раздать эту резолюцию хотя в некоторые комитеты. Разослать нельзя, потому что ни с кем нет связей. Если можете указать кого-нибудь другого, укажите, если же находите, что можно поручить указанной, дайте телеграмму об этом прямо мне (какого-угодно содержания).

---

[1]) ДП, о. р., 1904 г., д. № 5, ч. I, т. 33/2, л. 82.

[2]) Повидимому, это письмо было ответом на письмо Н. К. Крупской от 14 (1) августа 1904 г. (см. XV Ленинский сборник, стр. 108), в котором предлагалось размножить и разослать по комитетам прилагавшийся «манифест» — резолюцию состоявшейся за границей 12—14 августа н. ст. конференции сторонников большинства («Декларация 22-х»). Текст резолюции под заголовком «К партии» написан В. И. Лениным (см. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 353—359). Впервые резолюция напечатана была отдельным листком в типографии Рижского комитета РСДРП в августе 1904 г., куда, повидимому, и посылала резолюцию М. И. Ульянова. В Риге в то время работал М. М. Литвинов.

[3]) Речь идет об «Июльской декларации» ЦК. Декларция была составлена и принята членами ЦК — примиренцами (Красин, Гальперин, Носков) без участия Ленина и против него (см. В. И. Ленин, Соч. т. VI, стр. 407—409). Ленин тотчас же по получении этого постановления опротестовал его в письме к членам ЦК от 18 августа 1904 г. (см. XV Ленинский сборник, стр. 111—112).

[4]) В подлиннике многоточие. Возможно, что речь идет о Землячке, см. письмо ниже, стр. 29.

Копия письма Землячки [1]), из Москвы, от 29 августа 1904 г., к Карлу Мюллеру. Нюренберг, Heynestrasse, 25 [2]).

Химический текст.

Маше [заграничная часть ЦК].

Дорогие друзья! Наши дела обстоят прекрасно. Питерский и Московский комитеты присоединились к резолюции 22-х товарищей [3]). В Питере я столкнулась с делегатом от ЦК, приехавшим туда с декларацией. Победа одержана полная, и он уехал совершенно уничтоженный и прибитый. Из комитетов только Тульский взял обратно резолюцию за съезд. Еду сейчас туда. Резолюция 22-х произвела огромное впечатление. Всякие колеблющиеся элементы переходят на нашу сторону благодаря этой резолюции. Что касается друзей, то резолюция эта буквально с ликованием принимается ими. Я придаю ей большое значение: с ней начнется новая эра нашей борьбы. С нее начнется настоящее... [4]) большинства. Из Тулы я еду на юг. По дороге свяжусь с комитетами, обязываю их перепиской, сама аккуратно пишу. Повсюду делаются союзы для боевых организаций, это подняло, не только оживило, публику. Комитеты в плачевном состоянии. Работа почти не ведется. Повсюду страшный недостаток сил. По слухам, моя вологодская прогулка окончится неудачно. Но я все же поеду. Говорят, они примирительно настроены.

В Питере теперь все большинство. Арестовано два, вами присланных в тюке [5]). Лидер меньшинства бежал [6])—за ним началась слежка. Москва — твердокаменная, но в плачевном состоянии находится — беспорядочном.

Шлю привет.

Землячка.

Копия письма с подписью «Валерия» [Землячка, Р. С.], из Одессы, от 7 октября 1904 г., к Е. Паншиной, Петербург, Владимирский проспект, частный ломбард, против Владимирской церкви [7]).

Химический текст.

Дорогие друзья мои! Я писала уже вам, что на Кавказе нами одержана полная победа [8]). Задержалась здесь ввиду отсутствия денег.

[1]) «Известная Зинаида Трелина». (Примечание в подлиннике).

[2]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 1696, л. 29. Начало письма использовано в статье Д. Кардашева «К истории зарождения Бюро комитетов большинства» в «Пролетарской революции», 1929 г., № 10, стр. 87.

[3]) См. стр. 28, прим. 2.

[4]) Многоточие в подлиннике.

[5]) Повидимому, речь идет об аресте двух пудов литературы.

[6]) «Забияка». (Примечание в подлиннике.)

[7]) ДП. о. о., 1904 г., д. № 2392, л. 179.

[8]) Резолюции Кавказского союза, Тифлисского и Имеретинско-Мингрельского комитетов, принятые в сентябре 1904 г., с протестом против июльской «декларации» ЦК и с выражением солидарности с постановлением конференции «22-х» в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 351—352.

В деле борьбы за большевистскую партию во время подготовки к III съезду на Кавказе сыграл большую роль т. Сталин. В результате деятельности большевиков в ноябре 1904 г. состоялась конференция кавказских комитетов, резолюции которой опубликованы в XV Ленинском сборнике, стр. 249—253.

Страшно досадно. Завтра выезжаю отсюда. Поеду в Киев, Воронеж, Тулу, Москву, Тверь, Ярославль, Нижний, Урал и Сибирь, если будут деньги. Примите этот маршрут во внимание. На-днях состоялась конференция южных комитетов, на которой присутствовала З[емлячк]а [1]). Резолюции ее вышлют вам на-днях [2]). Конференция поручает выбор Орг. комитета конференции 22-х. Одесский комитет на собрании вынес решение сообщить конференции 22-х желание его видеть в составе его Р[ядов]ого [Богданов, А. А.], Ник. Ив. [Николай Иванович — И. Х. Лалаянц?] и З[емлячк]у. Считаю необходимым немедленно разыскать Р[ядов]ото, чтобы ему передать все связи с комитетами и поручить ему сорганизовать бюро, опирающееся, по нашему проекту, на 5 пунктов.

Кроме того необходимо немедленно сорганизовать финансовую группу, специально ведающую наши денежные источники.

Одесса получила письмо от ЦК, в котором он извещает его, что предаст суду Интернационального бюро З[емлячк]у, если она будет продолжать настаивать на своем протесте [3]). Страшная угроза! Хорошо бы комитетам, хорошо знающим З[емлячк]у, вынести резолюции о доверии к ней. Необходимо комитетам вынести резолюции о доверии и поддержания литературной группы Ленина и Бонча[-Бруевича] [4]).

Из-за границы вы получаете, конечно, вести. Факты знаменательны, неправда ли? Очень бы нужно было вас повидать. Если урву денька два, приеду. Обнимаю и жму горячо руки. Чувствую себя хорошо и бодро. Комитеты прекрасно настраивают.

---

[1]) «Землячка» — Зинаида Трелина. (Примечание в подлиннике.)

[2]) Резолюции Южной конференции см. XV Ленинский сборник, стр. 217—219.

[3]) Члены ЦК примиренцы на июльском заседании объявили т. Землячку вышедшей из состава ЦК, использовав то, что она вступила членом в Петербургский комитет и неофициально говорила некоторым членам ЦК о своем предположительном выходе из ЦК (см. ее письмо Ленину от 1 августа 1904 г. — XV Ленинский сборник, стр. 104). Ленин в письме членам ЦК от 18 августа 1904 г. резко подчеркнул, что «они не имели права на это» (см. там же, стр. 111). В № 77 «Искры» от 5 ноября 1904 г. было помещено заявление о вызове т. Землячки на третейский суд «за ложное заявление с целью дезорганизации партии». Ленин выступил печатно по этому делу (см. «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией, В. И. Ленин, Соч. т. VI, стр. 377—380).

[4]) Ввиду того, что ЦО и Совет партии были в руках меньшевиков, а ЦК шел на безусловное примирение с ними, Ленин и Бонч-Бруевич в конце лета 1904 г. организовали большевистское издательство для издания брошюрной литературы, посвященной отстаиванию принципов «большинства» и разоблачению антипартийной деятельности центральных учреждений.

Этим издательством были выпущены брошюры, отстаивающие принципиальную позицию большевиков: «Борьба за съезд»—Н. Шахова (В. В. Воровского), «Долой бонапартизм», «На новый путь» — Галерки (М. С. Ольминского) и др. в № 73 «Искры» от 1 сентября 1904 г. опубликовано было «разъяснение» Совета партии, направленное против этого издательства, о недопустимости помещения партийного заголовка (Российская социал-демократическая рабочая партия) на изданиях, выпускаемых отдельными членами партии. Резолюции Московского, Тверского и Северного комитетов с выражением сочувствия и доверия возникшей литературной группе и о полной солидарности со взглядами Ленина сохранились в делах департамента полиции и опубликованы в «Красном архиве», т. LXII, стр. 167—169.

Выписка из письма без подписи, из Женевы, от 5 декабря 1904 г. нов. ст., Самуилу Наумовичу Басову, почтовое отделение Сухобуримское, Красноярского уезда, Енисейской губернии, деревня Коврино [1]).

Теперь перехожу к новостям. Положение дел в партии теперь таково: 21 комитет высказались за немедленный созыв съезда и, вообще, говорят, большинство партии в России стоит за нас, так называемых «твердокаменных». Центральные учреждения всячески стараются съезд оттянуть и делают на каждом шагу форменные гадости. «Искра» превращена в их руках в «настоящий сартир», но, во всяком случае, съезд скоро будет, с центральными учреждениями или без них, но мы его соберем, и организационный конфликт так или иначе будет разрешен, пусть даже будет самое худшее — раскол... [2]). Но ведь лучше раскол, чем тот разврат, который воцарился теперь благодаря нашим генералам «Новой искры» в партии, вместо работы. Новая «Искра» теперь уже толкует о ликвидации «прежнего искризма», даже договорилась до того, что последний был вреден, что он препятствовал развитию партии (устами Аксельрода), причем лозунги меняются, как модная барышня шляпки [3]). Злые языки пустили даже в ход довольно остроумный анекдот, что в новую «Искру» требует кооптации товарищ Акимов [Махновец, В. П.] (известный оппортунист), и он даже выпустил листок под заглавием «Караул, ограбили» (это намек на то, что меньшевики повторяют в новой «Искре» под видом новых слов прежнюю брехню рабовладельцев) [4]). Да, партия теперь не существует: гг. Аксельроды, Марковы и К° разбили ее, превратили в нуль. Ну, да, авось, дело скоро устроится. Мы и большинство русских товарищей созовем съезд, восстановим партию и снова положим в основу нашей работы оплевываемые теперь «Искрой» принципы старой «Искры». Ну, будет толковать о партийных неурядицах. Они вам, не читавшему нашей обширной литературы по организационному вопросу, наверное, мало понятны. Перейду к новостям более общего характера.

Из литературы — вышел скандальный листок (сплошная глупость) «Искры» об отношении социал-демократов к земцам и ответ на этот листок Ленина (издание нашей группы) [5]). Издания «Искры»: «Социализм в Японии», «Из материалов по Якутскому процессу» (речи Розенталя и др.). Издания нашей группы (большевиков или так называемых твердокаменных) по организационному вопросу: Галерки [Ольминский, М. С.], «Долой бонапартизм» и «На новом пути», Галерки и Рядового [Богданов, А. А.] «Наши недоразумения», содержащие установку нашей точки зрения [6]), затем Рядового «Либеральные програм-

---

[1]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 1075, т. 2, лл. 87—88.

[2]) Многоточие в подлиннике.

[3]) Речь идет о статье Аксельрода под заголовком «Письма к товарищам рабочим» в № 80 «Искры» от 15 декабря 1904 г.

[4]) Акимов В. П. (Махновец), представитель оппортунистического течения в РСДРП — «экономизма». Вместе с Кричевским и Мартыновым издавал за границей журнал «Рабочее дело».

[5]) Речь идет о «Письме к партийным организациям», выпущенном редакцией «Искры» в ноябре 1904 г. (В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 410—416) и о брошюре Ленина: «Земская кампания и план «Искры» (Соч., т. VII, стр. 1—20), в которой он подверг резкой критике всю политику меньшевиков, стремясь показать рабочим, что меньшевики хотят свести роль рабочей партии к роли прихвостня буржуазии.

[6]) Брошюры М. С. Ольминского («Галерки»): «Долой бонапартизм», «На новый путь», М. С. Ольминского и А. А. Богданова («Рядовой») «Наши недоразумения».

мы» и популярная брошюрка «О социализме», 8-й номер популярного органа «Рассвет» [1]).

Адрес для переписки со мной: Genéve, routhe Caroline, 9, mr. Maximoff

Копия письма «Большинства» [Крупская, Н. К.], из Нюренберга, от 13 марта 1905 г. нов. ст., Анне Абрамовне Изаксон, Москва, Патриаршие пруды, д. 6, Баскова, кв. 14 [2]).

Химический текст.

Ключ Макара [Александров, И. П.].

Дорогие товарищи!

Получили письмо ваше от 22 февраля, — письмо это, по нашему счету, четвертое [3]). Мы же, кроме полученных вами писем, писали еще 25 февраля и 4 марта, — получены ли они [4])? Каждое письмо посылаем в двух экземплярах на адреса Изаксон и Лубоцкому; который из этих двух адресов годен? Дядя Том [Бонч-Бруевич, В. Д.] писал, что вы получили литературу с оказией, напишите точно, чего, сколько, чтобы знать, что посылать в следующий раз. Кажется, до 7-го номера [«Вперед»] включительно. Пишет и еще дядя Том, что вам не нравится 7-й номер, но почему, не пишет. Напишите вообще свой отзыв о «Вперед», как отнеслись к нему рабочие? Из Москвы нет совершенно корреспонденций, пишет только дядя Том, рабочие что-то не пишут. Из других городов — Питера, Николаева и Одессы — начинают писать, и их письма одни из самых интересных. Как дела с типографщиками? Меньшевики утверждают, что в Москве образовалась особая Московская группа, которая завязала повсюду связи и энергично работает.

В № 89 «Искры» Совет отлучает от партии всех, кто идет на съезд [5]). Голоса опять там подделаны. Насчитано к 1 января 1905 года 75 голосов (33 × 2 = 66 + 9 у ЦК, ЦО и Совета). Выдуманы комитеты Кавказский [6]), Кубанский, которые никогда не утверждались, а затем наврано, что комитеты Полесский и Северо-западный утверждены к 1 мая 1905 года [7]). На деле они утверждены только 1 апреля 1905 года. Все это указано в № 10 «Вперед» [8]).

вышедшие в издании Бонч-Бруевича и Ленина, опубликованы в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 201—254 и 133—197.

[1]) «Рассвет» — социал-демократический листок для сектантов, под редакцией В. Бонч-Бруевича, выходил с января по сентябрь 1904 г.; всего вышло 9 номеров.

[2]) ДП., о. о., 1905 г., д. № 6, л. 13.

[3]) Письма от 22 февраля в этом деле не имеется.

[4]) Копии указанных писем см. ДП., о. о. 1905 г., д. № 6, л. 7 и л. 10.

[5]) Речь идет о «Постановлении Совета партии от 8 марта 1905 г.», напечатанном в № 89 «Искры».

[6]) В подлиннике «Кавказский», надо «Казанский».

В вышеуказанном постановлении Совета партии от 8 марта 1905 г. указывается среди правоспособных организаций (по вопросу о созыве съезда) Казанский комитет и не называется совсем «Кавказский». О том, что Казанский и Кубанский комитеты не утверждались, говорит и В. И. Ленин в своем письме С. И. Гусеву от 18 марта, опубликованном в «Пролетарской революции» 1925 г., № 2 (37), стр. 65.

[7]) Так в подлиннике. Надо: «января», так как в вышеуказанном постановлении Совета партии Полесский и Северо-западный комитеты значатся в числе правоспособных к 1 января комитетов.

[8]) Имеется в виду заметка Ленина под заголовком «Кого они хотят обмануть?», опубликованная впервые в № 10 «Вперед» от 2 (15) марта 1905 г. в отделе «Из партии» (см. В. И. Ленин, соч. т. VII, стр. 156—157).

Мартынов издал брошюру «Две диктатуры». Не знаю, видели ли вы ее. Редакция «Искры» особенно рекомендует эту брошюру вниманию читателей. В ней развивается та мысль, что для пролетариата было бы несчастием, если бы власть попала теперь в его руки. Он не в состоянии был бы в силу того, что нет еще объективных предпосылок для этого, ввести социалистическое производство, попал бы в затруднительное положение и скомпрометировал бы себя. Мораль из этого та, что пролетариат и не должен стремиться захватить власть, а должен предоставить пока что власть буржуазии, а ввиду этого с ней следует обходиться не очень уж серьезно, [так как] можно запугать ее, и она ударится тогда в реакцию. Этот хаотизм стал, было, развивать и Мартов, но в дело вмешался Плеханов и поправил дело, написал статью в другом совершенно духе; написал в другом духе и Парвус (предисловие к брошюре Троцкого [1]). У них — кто в лес, кто по дрова. На рефератах меньшевики продолжают развивать тоже мартыновскую чушь. «Впередовцы», конечно, энергично выступают против этой чепухи, за что и прославились якобинцами. Немецкий «Vorstand» [ЦК германской с.-д. партии], знакомый с русскими делами по письмам Аксельрода, осведомил все немецкие газеты, чтобы они имели в виду, что в русской социал-демократии два течения, и чтобы они отнюдь не помогали «впередовцам», а Аксельрод собственноручно написал в редакцию письмо, что Ленин издает еженедельный орган якобинского направления, что группа «Вперед» — это отколовшаяся от социал-демократии группа молодых студентов и отставных литераторов. Как видно, немецкая партия осведомлена достаточно о том, что делается у нас в партии и достаточно беспристрастно. Понятно теперь, почему меньшевики хотели бы, чтобы разногласия в нашей партии уладил бы не съезд, а немцы.

Пишите чаще и посылайте корреспонденции.

Копия письма без подписи [Крупская, Н. К.], из Парижа, от 13 марта нов. ст. 1905 г., к д-ру Брауншгейну, для Вильгельмины в Харьков, Рымарская, свой дом [2]).

Химический текст.

Рощину и Эдуарду.

Дорогие друзья! Письмо ваше от 20/II получено. Очень рады, что у вас дела идут на лад. Напишите точно, что именно вам доставлено с оказией, чтобы знать, что послать со следующей. Листка о 19 февраля мы еще не получали, пришлите его поскорее, а также систематически высылайте все издаваемое вами. Озаботьтесь, чтобы из Харькова шло побольше корреспонденций, особенно рабочих. Это важно и для того, чтобы показать, что у харьковской группы «Вперед» есть связи, что она ведет широкую работу среди рабочих [3]). Теперь мы получаем довольно много корреспонденций, и 9 и 10 №№ [газеты «Впе-

[1]) Речь идет о брошюре Троцкого «До 9 января», с предисловием Парвуса.

[2]) ДП., о. о., 1905 г., д. № 1666, прод. II, л. 19.

[3]) Группы «Вперед» — большевистские организации, образовывались в противовес меньшевистским «группам при ЦК». Группа «Вперед» в Харькове организовалась 30 января 1905 г. Одним из инициаторов и организаторов ее был Санин. В состав группы входили: Артем (Сергеев), Д. Двойрес, Г. Мерцалов и др.

ред»] выходят по 6 страниц. Как относятся рабочие к «Вперед»? Видели ли листки Бюро, обсуждались ли они в кружках рабочих? [1]). Составлены ли доклады к съезду? Адрес для денег вы уже вероятно получили, повторяю его на всякий случай. An Herrn August Hintz Kaufmann, Berlin. Parkstrasse, 31/b.

Говорят, что ЦК — за съезд, между тем Совет объявил анафему— отлучение от партии — всем, кто примет участие в съезде [2]). Чтобы доказать незаконность съезда, он заявляет, что при Ленине еще было утверждено 33 организации, что есть прямая ложь, ибо о Кубанском комитете никто никогда не слыхал, а Полесский, Северо-западный и Уральский получают право голоса с 1 апреля 1905 г. Конференции были до января, когда по счету самого Совета, было 26 комитетов. За съезд высказалось тогда не 10 комитетов, как считает Совет, а 13, т. е. половина комитетов, а к январю, когда стало 29 комитетов, имелось, кроме 13 предыдущих, еще 3 резолюции (Тульского, Воронежского и Казанского), т. е. 16 комитетов из 29, если выбросить со счета Екатеринославский комитет, который большевики отдали (?) по случаю революции меньшинству, все же выходит 16 из 29, причем из Саратова пишут, что они за съезд (резолюции мы еще не имеем); совершенно неизвестно, как смотрят на дело Урал, Сибирь, Астрахань и Самара.

Съезд, очевидно, состоится только большевистский. Оно отчасти и лучше, ибо будет меньше склоки, все внимание можно будет уделить решению массы практических вопросов, которых накопилось тьма. Готовите ли доклады к съезду? Среди французов и немцев Совет собирает громадные деньги, Плеханов и Аксельрод рассылают по своим знакомым французским и немецким социалистам письма самого безобразного содержания. Так например, редактору Leipziger Volkszeitung Аксельрод послал письмо, начинающееся так: «Дорогие товарищи, наши партийные разногласия приняли, наконец, ужасающий размер. Группа Ленина издает еженедельную газету «Вперед» якобинского направления...». Все немцы осведомлены о том, что «группа «Вперед», эта не официально отколовшаяся от партии группа, состоит из молодых студентов, отставных литераторов». Немецкий «Vorstand» [ЦК германской с.-д. партии] сделал распоряжение, чтобы немцы все деньги присылали Аксельроду и т. д. Французам Дейч заявил, что за меньшинство 40 организаций, на основании чего и получил семь десятых всех собранных во Франции денег. Вообще безобразие ужасное...

Вот относительно «Вперед» чего-чего они только ни говорили; все, по их словам, было в их руках. Кампания с комиссией Шидловского яснее ясного показала, что комитет и работает отлично и влиянием пользуется громадным. Несмотря на противодействие меньшинства комитет провел свой план действий. Все 300 выборщиков (выбранных

---

[1]) Листки Бюро комитетов большинства были напечатаны в газете «Вперед»: 1) «Насущные вопросы» — в № 9 от 29 февраля (19 марта) 1905 г. (см. «Вперед» и «Пролетарий», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. I, стр. 124—126); 2) «Отношение РСДРП к либералам» в № 10 от 2 (15) марта 1905 г. (см. там же, вып. II. стр. 3); 3) «Ответ германским товарищам» (на предложение Бебеля) от 24 февраля 1905 г. в № 11 «Вперед» от 10 (23) марта 1905 г. (см. там же, вып. II, стр. 37). В этом же номере приводится часть воззвания Бюро комитетов большинства «Ко всем рабочим», изданного в России в связи с комиссией Булыгина (стр. 34); 4) «Организационный вопрос» в № 13 от 23 марта (5 апреля) 1905 г. (см. там же, вып. II, стр. 68).

[2]) См. стр. 32.

всеми рабочими С.-Петербурга) отказались от выборов—сделали именно то, за что агитировал комитет. Это первый раз, что социал-демократии удалось организовать такой широкий политический протест. Получаете ли вы «Вперед» в конвертах? Пришлите побольше адресов для этой цели. Все ли брошюры, изданные большинством, вы видели?[1]).

Ну, кончаю. Шлем горячий привет, желаем всяческих успехов! Пишите.

Копия с письма с подписью «Нация» (Гусев, С. И.), С.-Петербург, от 8 марта 1905 г., к Лейтнер, в Нюренберг, Леблерштрассе, 34, колониальная торговля[2]).

№ 3. Личное для Ленина.

Прилагаемый при сем документик—большой важности. Он вручен мне Н-чем [Никитич—Красин, Л. Б.]. Стоит внимательно приглядеться к этому документику («готовиться к III партийному съезду», «по возможности в самом непродолжительном времени»), чтобы понять, что это чистейшее жульничество и что Н-ич испугался успехов, о которых он осведомлен. «По возможности самое непродолжительное время»— это 2—3 месяца. Я стою за то, чтобы ответить категорическим (мотивированным) отказом. А оснований для отказа у нас без конца: постановление Совета, поручение 17—18 комитетов, из которых 13 нас избрали и дали определенный мандат немедленно созвать съезд: мы прямо не имеем никакого права входить в сделки и соглашения без согласия на то комитетов, давших нам мандат. ЦК опоздал на 2 месяца: комитет, давший нам мандат, дал ЦК месяц срока для ответа, бюро ждало больше месяца; отказаться от всего, что нами уже сделано и начинать все сызнова, откладывая дело на неопределенное далекое будущее, было бы поистине преступлением по отношению к партии. Наконец, в том составе, в каком мы здесь теперь (3 ч.) мы не можем, не имеем права решать вопрос. Так мы и ответим, а когда получится ваше мнение (вместе с Р.) [Рахметовым — Богданов, А. А.], тогда мы сможем дать мотивированный отказ, который немедленно и опубликуем. Пусть близорукие обвиняют нас в том, что мы отказались от последней возможности объединиться и примириться. У нас есть полное формальное право отказаться от соглашений, потому что по уставу съезд созывается Советом, и решение ЦК может быть им отменено. Если Совет, после своей последней резолюции, выскажется за созыв съезда «по возможности в самом непродолжительном времени», он скомпрометирует только себя. А если съезд будет, то тогда мы еще посмотрим: объединиться никогда не поздно, примириться мы всегда успеем, и чем позже, тем лучше, потому что тем большей силой мы будем и тем слабее будут меньшевики. Но я совершенно не верю, чтобы ЦК думал созвать съезд всерьез. Он только хочет обмануть и

[1]) Имеются в виду следующие брошюры: Н. Ленин «Шаг вперед, два шага назад» (май 1904 г.), Галерка (М. С. Ольминский) «Долой бонапартизм» (август 1904 г.), Галерка и Рядовой (А. А. Богданов) «Наши недоразумения» (сентябрь 1904 г.), Рядовой «О социализме» (сентябрь 1904 г.), Н. Шахов (В. В. Воровский). «Борьба за съезд» (октябрь 1904 г.), Галерка «На новый путь» (октябрь 1904 г.), Н. Ленин «Земская кампания и план» «Искры» (ноябрь 1904 г.), Рядовой «Либеральные программы» с приложением статьи Галерки «Семейный спор» (ноябрь 1904 г.), Орловский (Воровский) «Совет против партии» (ноябрь 1904 г.).

[2]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 69, л. 7.

нас и меньшевистскую периферию, которая требует съезда. Жду немедленного ответа на это письмо [1]).

Копия с приложенной к письму записки.

4 марта Центр. комитет постановил обратиться к комитетам партии с призывом готовиться к III партийному съезду и с своей стороны решил принять меры к созыву съезда по возможности в самом непродолжительном времени. Так как успех общепартийного съезда и скорейшее осуществление его созыва находятся в зависимости от дружной работы по возможности всех товарищей и организаций, высказывающихся теперь за съезд, то Центр. комитет обращается к Организационному бюро комитетов так называемого большинства с предложением взаимного согласия в этом деле и совместной работы в целях скорейшего созыва съезда и осуществления наиболее полного представительства на нем всей партии. ЦК РСДРП [2]).

Копия письма без подписи, из С.-Петербурга, от 12 марта 1905 г., к К. Мюллер, Нюренберг, Heinestrasse, 25 [3]).

Химический текст.

1) Воронежский комитет считает необходимым, ввиду переживаемых Россией событий и обнаружившейся неспособности партийных центров руководить деятельностью партии, созыв третьего съезда, одобряет программы комитетов большинства, надеется, что Бюро комитетов большинства, реорганизовавшись в ОК (Организационный комитет), примет меры к участию на съезде представителей всех работающих организаций и создаст действительное единство партии.

Воронежский комитет РСДРП [4]).

2) Признавая необходимым немедленный созыв третьего съезда и принимая во внимание, что ЦК, несмотря на настоятельную потребность в созыве съезда, высказанную большинством комитета в ряде своих резолюций, не предпринял никаких мер, Нижегородский комитет поручает ОК (Бюро комитетов большинства) организацию третьего съезда. Признавая необходимым, чтобы на третьем съезде была представлена вся партия, мы высказываем пожелание, чтобы ЦК принял на себя организацию съезда, и, в случае согласия с его стороны на это, ОК (Бюро комитетов большинства) должен передать ему полномочия по созыву съезда; причем мы считаем необходимым, чтобы ОК (Б. к. б.) принимал участие в идейной подготовке съезда.

Начало февраля 1905 года.

Нижегородский комитет РСДРП.

3) Принимая во внимание то, что ЦК доказал свою полную неспособность понять важность переживаемого исторического момента и своей деятельностью только способствовал деморализации партии,

[1]) Письмо опубликовано в «Пролетарской революции», 1925 г., № 2 (37), стр. 55—56.

[2]) Это воззвание «К партии», датированное 6 марта 1905 г., было опубликовано в № 13 «Вперед», от 5 апреля (23 марта), 1905 г. См. «Вперед» и «Пролетарий», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. II, стр. 80.

[3]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 1666, т. 2, лл. 40—41.

[4]) Первая резолюция Воронежского комитета о необходимости созыва III съезда, принятая в октябре 1904 г., опубликована в № 3 «Вперед» от 11(24) января 1905 г. (см. «Вперед» и «Пролетарий» вып. I, стр. 46).

упорно отказываясь от организации съезда [1]), долженствующего положить конец междоусобиям и разрешить ряд вопросов, выдвинутых последним годом борьбы пролетариата с самодержавием и капиталом.

Февраля 1905 года.

Северный комитет РСДРП.

4) Петербургский комитет приветствует Бюро к. б. и выражает этому бюро, как ОК , свое доверие.

Февраля 1905 года.

Петербургский комитет РСДРП.

5) Московский комитет, стоя на точке зрения большинства партии, в принципе присоединяется к программе съезда, выработанной ОК (Бюро к. б.) и, согласно постановлению конференции Северных комитетов, поручает ОК созвать третий съезд, выражая при этом желание, чтобы ЦУ (центральные учреждения) приняли участие в попытке партии организоваться.

Начало февраля 1905 года.

Московский комитет РСДРП.

Собрание организаторов, выслушав предложение ОК созвать немедленно съезд, высказалось за необходимость немедленного созыва съезда и выражает надежду, что ЦУ примут участие в попытке партии организоваться. (+ 10 — 2).

Начало февраля 1905 года [2]).

Группа пропагандистов, выслушав обращение ОК ко всем партийным организациям и познакомившись с резолюциями по этому поводу МК и собрания организаторов при МК, присоединяется к постановлению МК о созыве съезда через Бюро большинства и выражает надежду, что III съезд внесет полный мир в партию и что постановления III съезда будут на деле обязательны для всех членов партии. (+ 4 — 4).

6) Признавая необходимым немедленный созыв III съезда, Екатеринбургская группа Уральского комитета выражает свое доверие Бюро к. б., как ОК, и выражает желание, чтобы ему была поручена организация созыва съезда.

Февраля 1905 года.

Екатеринбургская группа Уральского комитета РСДРП.

7) Пермская группа ЦК признает настоятельно необходимость III съезда и предлагает Бюро к. б. взять на себя роль ОК.

Февраля 1905 года [3]).

8) Уфа присоединилась.

---

[1]) В подлиннике публикуемого документа, повидимому, пропуск следующих слов: «и, систематически подрываясь под созидательную работу партии, Северный комитет поручает ОК (Бюро комитета большинства) созыв съезда» (согласно текста резолюции, опубликованной в № 8 «Вперед»).

[2]) Резолюции Северного комитета, Московского комитета и собрания организаторов Московского комитета опубликованы впервые в № 8 «Вперед» от 15(28) февраля 1905 г. (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. I, стр. 118). Резолюция Северного комитета от 30 октября 1904 г. опубликована в «Красном архиве», т. LXII, стр. 167.

[3]) Резолюции Екатеринбургской группы Уральского комитета и Пермской группы опубликованы впервые в № 11 «Вперед» от 10(23) марта 1905 г. (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. II, стр. 38).

9) Ввиду важности переживаемого исторического момента и необходимости разрешения тактических вопросов, выдвинутых ходом революционной борьбы в России, с одной стороны, и отсутствием фактического руководящего центра партии—с другой, мы признаем настоятельную потребность в созыве экстренного съезда партии. Принимая во внимание полную нашу неосведомленность об отношении ЦК к вопросу о созыве экстренного съезда и признавая физическую невозможность предварительного ознакомления с мнением ЦК по этому вопросу, мы признаем Бюро к. б. партии за ОК по созыву съезда и высказываем пожелание, чтобы ЦК принял на себя организацию съезда, и в случае согласия с его стороны на это ОК должен передать ему полномочия по созыву съезда.

Февраля 1905 года.[1])

Вятский комитет (Группа Уральского комитета)[2]).

---

[1]) Текст резолюции Вятского комитета опубликован в № 11 «Вперед» от 10(23) марта 1905 г., как резолюция Уральского комитета (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. II, стр. 38).

[2]) Резолюции с мест о созыве III съезда по мере поступления в редакцию опубликовывались в газете «Вперед»; именно резолюция Минской группы, принятая 26 января 1905 г., напечатана в № 7 (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. I, стр. 103); резолюция Имеретинско-мингрельского комитета 24 февраля и Батумского комитета 21февраля — в № 11 (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. II, стр. 38); резолюции Самарского и Смоленского комитетов — в № 14 от 30 марта (12 апреля) 1905 г. (см. там же, стр. 10); Луганской организации — в № 17 (см. там же, стр. 169), а так же отдельных организаций и кружков — в № 12 и 14 (там же, стр. 59 и 101).

23 февраля (8 марта) 1905 г. в № 9 «Вперед» сообщалось о получении резолюций комитетов, сочувственно откликнувшихся на призыв ОК по созыву III съезда: Петербургского, Московского, Северного, Нижегородского, Тверского, Тульского, Воронежского, Рижского, Одесского, Кавказского союзов, а в № 12 от 16 (29) марта 1905 г. — от Уральского, Казанского, Саратовского и Полесского и групп: Бобруйской, Харьковской и Киевской организаций «Вперед» (см. «Вперед» и «Пролетарий», вып. I, стр. 137 и вып. II, стр. 59). Резолюция Харьковской группы «Вперед», опубликована в сборнике «1905 г. в Харькове», стр. 31.

К истории „Кровавого воскресенья“ в Петербурге

(Доклады прокурора Петербургской судебной палаты Э. И. Вуича министру юстиции)

В. И. Ленин считал событие 9 января крупнейшим историческим фактом — «первым днем русской революции»—и придавал этому дню огромное значение. «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще,— писал тогда В. И. Ленин,— подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений, вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры... На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих, всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»[1]).

В. И. Ленин считал необходимым всестороннее изучение событий 9 января и указывал, что социал-демократия должна «позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях»[2]). Изучение истории 9 января вооружало рабочий класс на борьбу с самодержавием. Это изучение не только вскрывает основные исторические вехи, приведшие рабочий класс к диктатуре пролетариата, но и вооружает пролетариат на борьбу за строительство социализма в нашей стране и во всем мире.

Самодержавие всячески старалось заставить рабочий класс забыть происшедшее 9 января. Но рабочий класс ежегодно вспоминал жертвы 9 января, пред'являя самодержавию счет за совершенные им убийства.

Перед выступлением рабочих утром 9 января один из ораторов на Васильевском острове говорил: «Мы идем на великое дело, и мы можем гордиться этим. Кто «мы»? Мы — «ничтожные рабочие» [3]). Рабочий класс не забывал великих дел, совершенных 9 января. Изучение 9 января началось сейчас же после событий, сейчас же, в первые месяцы 1905 г., начали собираться показания и воспоминания участников шествия 9 января. Они вскрывали характер гапоновских организаций, настроение рабочих, их цели, конкретно описывали встречу с войсками на улицах Петербурга. Участники событий 9 января Варнашев, Павлов, Карелин и др. дали ряд воспоминаний о жизни и деятельности рабочих накануне 1905 года, о роли Гапона. Сам Гапон написал свои воспоминания, где он старался всячески обелить свою деятель-

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, 3-е изд., т. VII, стр. 82.
[2]) Там же, стр. 90.
[3]) «Былое» 1906 г., т. I, стр. 212.

ность, и дал ряд несомненно интересных сведений о своих организациях. Рутенберг, член партии с.-р., не отходивший от Гапона в дни 9 января и участвовавший в совершении смертной казни над ним, когда стала известна предательская роль Гапона, тоже издал свои воспоминания. Воспоминания о деятельности московской охранки дал ее начальник Зубатов. Он в этих воспоминаниях описывает Гапона и указывает размер содержания, получавшегося Гапоном за «труды» свои от охранки.

Огромный материал, подтверждающий показания мемуаристов, дополняющий, углубляющий и расширяющий их, дает пресса о событиях 9 января.

В. И. Ленин, чутко следивший за событиями из эмигрантского далека, тщательно собирал описания событий, помещавшиеся в заграничной прессе корреспондентами с мест. Эти материалы, являясь непосредственным фотографическим снимком событий, дают целый ряд черт и подробностей, которых нет в мемуарной литературе. Пресса нашей партии на своих страницах подробно описала ход и обстановку событий. Без этих материалов сейчас нельзя воспроизвести подробной картины 9 января и нельзя дать полного анализа этих событий.

Особую группу источников о событиях 9 января составляют документы царских архивов. Целый ряд моментов без этих материалов был бы нам неясен. Эти источники стали доступны и известны только тогда, когда диктатура пролетариата открыла историкам доступ в архивные хранилища царизма. Так, вопрос о роли войск, об их числе, подготовке — был неясен без этих документов. Было известно, что войска расстреливали толпы рабочих, шедших с пением и портретами царя к пустому Зимнему дворцу, но далеко не были известны подготовка войск, их расположение, план и непосредственно самые действия. Архивы сохранили эти документы, а советские историки их опубликовали. По архивным данным стал известен количественный размах стачек конца 1904 года и начала 1905 года в Петербурге, рост стачек, история стачек отдельных заводов, изменения в настроении стачечников. Доклады фабричной инспекции о событиях в Петербурге с начала января 1905 года являются одним из ценнейших исторических документов.

К такому же виду документов относятся и доклады прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции о событиях 9 января в Петербурге. Мемуаристы дают общую картину событий, газетные сведения и корреспонденции ее пополняют, правительственные документы регистрируют события день за днем. Нужно только помнить, что документы царских чиновников однобоки, последних интересует количественная сторона, их интересуют «преступления» рабочих и «подвиги» слуг царизма. Вскрытие смысла и значения событий — дело историка, историка-большевика.

Основные источники о 9 января в Петербурге в настоящий момент уже опубликованы, и по сравнению с ними издаваемые документы вносят не так много нового, но они подтверждают то, что известно из партийной прессы начала января 1905 г. Донесения прокурора Петербургской судебной палаты, как и документы фабричной инспекции, дают возможность изучить, как шло нарастание рабочего движения день за днем, как и в каких формах проходило оно в Петербурге втечение всего января, т. е. до 9 января и после него.

Публикуемые документы еще раз ставят вопрос о необходимости суммировать все данные о событиях 9 января, чтобы тем самым выполнить ту задачу, которую поставил В. И. Ленин еще в январе 1905 г.

С. Пионтковский.

I.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 4 января 1905 г.[1])

3 января 1905 года на Путиловском заводе забастовали все рабочие, в числе около 12 000 человек, предъявив требование о возвращении 4 товарищей, уволенных администрацией завода от службы, а также удаления одного мастера, грубо обращавшегося с подчиненными. Решение прекратить занятия было принято на общем собрании членов местного «рабочего клуба», основанного летом прошедшего года с разрешения градоначальника и при материальной поддержке министерства внутренних дел, причем выдающуюся роль в этом обществе[2]) играет священник С.-Петербургской пересыльной тюрьмы о. Георгий Гапон. На упомянутом собрании появилось несколько евреев-интеллигентов с целью произнесения агитационных речей, а одна курсистка начала раздавать прокламации, но лица эти были немедленно удалены[3]). Перед забастовкой представители «клуба» являлись для объяснений к фабричному инспектору, который однако не вступил с ними в переговоры, ссылаясь на то, что упомянутое учреждение не призвано к обсуждению подобных вопросов. Сего 4 января в 7 часов утра большое количество рабочих явилось на завод и, пройдя по мастерским, удалилось, не нарушив порядка.

Инцидент на Путиловском заводе, не имеющий политического характера, произвел неприятное впечатление в министерстве внутренних дел как результат деятельности такого собрания рабочих, которое находится под покровительством властей и руководством священника.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 5 января 1905 г.

4 января на Путиловском заводе стачка продолжалась. Рабочие не приступили утром к работе и принудили разойтись по домам кочегаров и машинистов, так что печи и освещение завода погасли, и весь день завод бездействовал. Около 6 часов вечера в главную контору явилась депутация от «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», состоявшая из 40 человек и имевшая во главе одного из учредителей упомянутого «Собрания», председательствовавшего на последних заседаниях «Собрания», священника Георгия Гапона.

---

[1]) Публикуемые документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве революции, фонд мин. юст., III угол. отд., 1905 г., № 16472.— Текст документов подготовила к печати Е. В. Горелкина.

[2]) Речь идет о зубатовской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», устав которого был утвержден товарищем министра внутренних дел Дурново 15 февраля 1904 г.

[3]) По сообщению начальника петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 2 января 1905 г. состоялось экстренное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», на котором «пытались разбросать прокламации состоящий под особым надзором полиции витебский мещанин Мендель Перцев Явич и брат его Израиль. Мендель Явич был в минувшем году арестован 20 июля по делу местной социал-демократической организации». — ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 1, л. 7.

Этот последний, от имени депутации, прочел управляющему заводом нижеследующие требования:

1) Уволить мастера Тетявкина и принять обратно двух рабочих — Сергунина и Субботина.

2) Рабочий день 8 часов.

3) Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской и затем должна считаться обязательной; что же касается старых расценок, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании.

4) Должна быть учреждена на Путиловском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирала бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

5) Нормальная плата для чернорабочего не должна быть ниже рубля.

6) Отмена сверхурочных работ. В случае их необходимости, один час за два.

7) За брак, не зависящий от рабочего, завод уплачивает сполна.

8) Женщинам-чернорабочим плата должна быть не ниже 70 коп., и для детей их должен быть устроен приют-ясли.

9) Медицинский персонал завода должен быть более внимателен к рабочим, особенно к раненым.

10) Улучшить санитарные условия некоторых мастерских, особенно кузнечной.

11) Никто не должен потерпеть от забастовки.

12) Время, в которое не производились работы, не должно считаться прогульным, и администрации предлагается уплатить по средней расценке заработной платы.

По поводу каждого отдельного пункта требований священник Гапон давал объяснения и возражал на замечания, делаемые директором завода, причем неоднократно обращался к сопровождавшим его рабочим со словами: «Не так ли, товарищи?». Директор завода, со своей стороны, указал основания, по которым требования рабочих являлись неосуществимыми, после чего депутация удалилась, заявив, что они обратятся со своими ходатайствами к правлению акционеров завода.

Требования, предъявленные рабочими к заводской администрации, были изложены на гектографированных листках, подписанных священником Гапоном, и распространены среди рабочих.

Втечение сегодняшнего дня стачка продолжалась. Рабочие держат себя совершенно спокойно. Среди них и в настоящее время находится священник Гапон, принимавший, повидимому, деятельное участие в совещаниях рабочих. В 6 часов вечера началось новое заседание «Собрания», обсуждающее, по слухам, дальнейшее течение стачки.

Сегодня же началась забастовка на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре, расположенной в пределах Петергофского участка.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 5 января 1905 г.

Сего числа утром на Невской бумагопрядильной мануфактуре, расположенной на Малой Болотной улице, рабочие-прядильщики, явившись на фабрику, обратились к администрации завода с просьбой об увеличении на 20% заработной платы и об уменьшении рабочего дня. После того как администрация фабрики им отказала, прядильщики, в количестве около 300 человек, прекратили работу и разошлись по домам. Остальные рабочие, общее число которых доходит до 2 000 человек, продолжают работать.

В то же время на Невской ниточной мануфактуре, расположенной рядом с вышеупомянутой Невской бумагопрядильной мануфактурой, забастовала часть рабочих, в количестве около 300 человек, предъявив те же требования, как и рабочие Невской бумагопрядильной мануфактуры. Остальные рабочие до обеденного перерыва продолжали работать.

Сегодня же утром на Невском судостроительном и Механическом заводе, находящемся в пределах Шлиссельбургского участка, группа рабочих пароходо-механической мастерской, явившись при начале работ на завод, обошла все прочие мастерские и убедила рабочих прекратить работы. К 8-ми часам утра все рабочие, в количестве около 6 000 человек, прекратили работы, не предъявив никаких требований к заводской администрации. На вопросы управляющего заводом, обращенные к некоторым из рабочих, почему они прекращают работы, последовал ответ, что они «сами этого не знают» и что «их убедили».

Вчера, после обеденного перерыва, на Франко-русском заводе, находящемся в пределах 2-го участка Коломенской части, рабочие предъявили дирекции завода ряд требований об увеличении платы, о введении 8-часового рабочего дня и об увольнении некоторых из служащих и после этого прекратили работу. Сегодня утром все рабочие завода, в количестве около 2 000 человек, к работам не приступили.

На всех вышеупомянутых фабриках и заводах при прекращении работ никаких беспорядков рабочими произведено не было.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 7 января 1905 г.

Сего числа к забастовавшим ранее заводам и фабрикам присоединилось большинство заводов города С.-Петербурга, а именно:

В Шлиссельбургском участке забастовали рабочие на Обуховском заводе, на императорской карточной фабрике, на Спасско-Петровской бумагопрядильной фабрике, в количестве 3 тысяч человек, из коих большинство женщины, на Невском стеариновом заводе в количестве 700 чел., на трубопрокатном заводе Северного общества в количестве 300 чел., на Александровском механическом заводе — мастерских Николаевской железной дороги, в количестве около 3 тысяч чел., на писчебумажной фабрике братьев Варгуниных в количестве 600 женщин, на фабрике шерстяных изделий Торнтон, в количестве 1100 чел.,

из коих большинство женщины, на императорском фарфоровом заводе в количестве 230 чел., на фабрике Паля, в количестве 2 тысяч чел., и на нескольких мелких фабриках и заводах, как-то: лесопильном заводе Громова, столярной мастерской Алексеева и др. При этом в указанном участке рабочие воспрепятствовали движению паровой конки.

В Петергофском участке прекратились работы на заводе Тильмана, на Тентелевском химическом заводе, на Триумфальной мануфактуре, на заводе Аргура Коппель, на заводе Клемма и Пинта.

В Петербургской части забастовали рабочие на всех фабриках и заводах, расположенных в 1-м участке указанной части; что же касается до остальных участков, то во 2-м участке забастовали 800 рабочих на железнопромышленном заводе, около 500 чел. на заводе бр. Леонтьевых и около 700 чел. на мануфактуре Воронина; в 3-м участке забастовали рабочие на фортепьянной фабрике Шредера в количестве 300 чел., на чугунолитейном завода Лангензиппена в количестве около 700 чел., на бумагопрядильной мануфактуре Бекка и на заводе электрических сооружений Лоренса.

В Суворовском участке Балтийский судостроительный и механический завод морского ведомства, на котором работало около 3 200 чел., закрыт по распоряжению управляющего морским министерством на 3 дня, считая с 7 января. Забастовали следующие заводы: проволочный и гвоздильный завод, в количестве около 1 900 человек, ситценабивная фабрика Воронина и К°, в количестве около 400 человек, кожевенные заводы бр. Брусницыных — около 300 человек, Зверкова — около 250 человек, Парамонова — около 150 чел., Северное стекольно-промышленное общество — около 150 чел., стекольная фабрика Франка — около 250 человек, картонажная фабрика «Прогресс» — около 80 чел., товарищество пневматических машин — около 50 чел., писчебумажная фабрика Паллизена — около 400 чел., железоделательный завод Пульмана — в количестве 100 чел., товарищество книгоиздательства Вольфа — в количестве 200 чел., фабрика красок Месонье — в количестве 70 чел., селитренный завод — в количестве 50 чел., ружейная фабрика Шаффа — в количестве 50 чел., Сименс и Гальске — в количестве 75 чел. и другие промышленные предприятия с числом рабочих не менее 50 чел. в каждом. При этом на Газовый завод, до сих пор еще не забастовавший, вызвана рота Финляндского полка с целью воспрепятствовать доступу на завод рабочих с других заводов и тем предотвратить, по возможности, стачку, так как упомянутым заводом освещается Васильевский остров. К находившемуся в Гребной гавани пироксилиновому заводу морского ведомства в первом часу дня сего числа подошла толпа рабочих с забастовавших заводов, в количестве около 2 000 человек, но на завод не проникла, причем управляющий заводом предупредил, что примет все зависящие от него меры к недопущению забастовки.

Сего же числа партия рабочих с Путиловского завода, в числе нескольких сот человек, явясь на фабрику Воронина, расположенную в пределах 2-го участка Петербургской части, потребовала прекращения работ, а затем направилась на фабрику Керстен, на железопрокатный завод и на фабрику братьев Леонтьевых, находящиеся в том же участке.

Во 2-м участке Коломенской части, кроме ранее забастовавшего Франко-русского механического завода, прекратились работы на водочном заводе Бекман и К°.

На Галерном острове забастовали рабочие на судостроительном заводе морского министерства в количестве 3 000 человек.

В 1-м участке Выборгской части забастовали рабочие — около 1 500 человек на С.-Петербургском металлическом заводе, в количестве около 1 000 человек на машиностроительном заводе «Феникс» и в количестве около 1 000 человек на механическом заводе Розенкранца.

Во 2-м участке Выборгской части забастовали рабочие на телефонной фабрике Эриксона в количестве 300 чел., на машиностроительном заводе «Людвиг Нобель» в количестве 800 человек, на заводе Лесснера около 200 чел., на заводе Баранова около 300 чел. и на Ново-Сампсониевской мануфактуре около 1 000 рабочих.

В 1-м и 3-м участках Нарвской части прекратились работы на вагоностроительном заводе (около 2 000 раб.), на фабрике механической обуви (около 2 300 раб.), в мастерских Варшавской железной дороги (около 2 000 раб.), на заводе товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры (около 3 500 раб.), на фабрике Российской бумагопрядильной мануфактуры (около 900 раб.), на заводе «Арматура» (около 500 раб.), на чугунолитейном заводе Паля, на мануфактуре Воронина (около 70 раб.) и на мануфактуре Аух. Все остальные заводы и фабрики в пределах 3-го участка Нарвской части сегодня закрыты их хозяевами. В районе 2-го участка Нарвской части забастовка распространилась на все фабрики и заводы.

В Охтенском участке забастовали рабочие на Охтенской бумагопрядильной фабрике.

Во 2-м участке Рождественской части прекратили работы на механическом заводе Оуэра 150 человек и на вилопрокатном и лопаточном заводе Шпигеля 142 человека.

На некоторых из выше перечисленных забастовавших заводах и фабриках сегодня утром рабочие хотели приступить к работам, но к ним приходили партии рабочих с соседних, уже ранее забастовавших, заводов и убеждали прекратить работы, после чего и начиналась забастовка.

В 4-м участке Спасской части арестовано шесть человек за подстрекательство рабочих к забастовке. Рабочие держат себя на забастовавших заводах и фабриках совершенно тихо и спокойно. В некоторых местах разбрасывались прокламации, между прочим, с надписями: «Долой войну!» [1])

На некоторых заводах рабочие расходились, не представив никаких требований к управляющим заводами, на прочих же предъявлялись требования, схожие с требованиями, предъявленными рабочими на Путиловском заводе.

По сообщенным полицией сведениям, забастовавшие рабочие намереваются сегодня вечером собраться в разных отделениях «Собра-

[1]) Прокламация с лозунгами «Долой войну!» была издана Петербургским комитетом РСДРП и начиналась словами: «Товарищи! Долго мы терпели! Обижали нас и оскорбляли все, кто только этого желал». Опубликована в сборнике социал-демократических листовок «1905 год в Петербурге», выпуск I, 1925 г., изд. Ленинградского Истпарта, стр. 14.

ния фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» для обсуждения требований, которые ими будут предъявлены администрациям заводов, причем на одном из совещаний, имеющем состояться в отделении, помещающемся на Цветочной улице, будет, по всей вероятности, председательствовать священник Георгий Гапон.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 8 января 1905 г.

7-го сего января забастовали еще следующие заводы и промышленные заведения.

В 1-м участке Выборгской части — чугунолитейный завод Лесснера (600 человек), табачная фабрика «Гаванера» (220 человек) и рабочие в С.-Петербургском арсенале (1 000 человек), т. е. вместе с ранее забастовавшими — все заводы, расположенные в пределах названного участка (в числе 5 370 рабочих), причем только на двух заводах, «Феникс» и Лесснера, забастовка возникла самостоятельно, на остальных же работы были прекращены по настоянию рабочих с других заводов.

В Охтенском участке, сверх Охтенской бумагопрядильни, прекратились работы на пивоваренном заводе «Новая Бавария» и на канатной фабрике «Нева». К судостроительному заводу Крейтона подошла толпа забастовавших рабочих с других заводов с намерением заставить прекратить работы и на заводе Крейтона, вследствие чего туда вытребована была, по распоряжению градоначальника, сотня казаков. Вскоре рабочие, прекратив работы, удалились с названного завода, а казачий отряд возвратился в казармы.

Во 2-м участке Выборгской части к ранее забастовавшим присоединились все остальные заводы, расположенные в пределах названного участка (9 600 рабочих на 23 заводах).

Во 2-м участке Васильевской части забастовали рабочие, в количестве около 8 000 человек, на казенном трубном заводе, откуда забастовка распространилась на все остальные заводы, расположенные в пределах названного участка.

В 4-м участке Петербургской части прекратились работы на судостроительной верфи великобританского подданного Ильс (рабочих около 80 человек).

В 3-м участке Рождественской части забастовали рабочие на альбомной фабрике «Бехли», в количестве около 200 человек, на сталелитейном заводе «Моран», в числе 20 человек, на лесной бирже Беляева в количестве около 300 человек, и в мастерской городских конно-железных дорог 2 группы в числе 80 человек.

7-го же января забастовали рабочие на чугунолитейном и механическом заводе Сан-Галли, в количестве около 900 человек, на С.-Петербургском орудийном заводе, в количестве около 800 человек, и на расположенных в пределах 2-го участка Литейной части промышленных предприятиях — Фрезе (экипажная мастерская) в количестве 100 человек, Мосс (кузнечная мастерская), в числе 70 человек, и в типографиях «Нового времени», «Руси», «Слова» и на фабрике акционерного общества «Слово», в количестве всего около 500 человек, причем рабочие мастерской Фрезе, забастовав первые, направились к мастерской Мосса, убеждая работавших на последней при-

соединиться к ним, а затем двинулись к другим мастерским, расположенным в названном участке.

Сего числа забастовали рабочие на придворно-конюшенной рессорной фабрике, в количестве 248 человек, и на расположенных в районе Шлиссельбургского участка керосиновых складах общества «Мазут», Тер-Акопова, бр. Нобель, общества «Нефть и Олеум» (в количестве всего около 200 человек) и на мелких мастерских Петухова и Львова.

Сего же числа рабочие с заводов, расположенных в пределах 1-го участка Выборгской части, стали собираться в чайной, помещающейся в доме № 4 по Оренбургской улице, и на прилегающих улицах; вскоре туда прибыл священник Гапон и, повидимому, произнес в чайной речь; после того как он удалился, рабочие стали по очереди входить в чайную и, по добытым местной полицией сведениям, давать подписку в том, что они не будут отступать от предъявленных ими требований.

Вчера к типографии правительствующего сената стали подходить рабочие других забастовавших заведений и уговаривать типографских рабочих присоединиться к забастовке; при этом некоторые рабочие типографии, направляясь к последней, подвергались насильственному удержанию со стороны собравшейся толпы. Сегодня утром рабочие явились в типографию и приступили к занятиям, но после обеденного перерыва, опасаясь угроз со стороны забастовавших, прекратили работы.

Вчера вечером в типографию морского министерства вошла толпа посторонних рабочих в количестве около 500 человек, потушила огни и принудила приостановить работы, угрожая в противном случае побоями; сегодня половина рабочих не явилась в типографию, а другая продолжает занятия, по настоянию администрации, ввиду срочности исполняемых работ. Типография охраняется командой матросов.

Типография министерства финансов также прекратила работы по настоянию рабочих других забастовавших заведений, угрожавших в случае несогласия на забастовку насилием.

Ввиду забастовки рабочих на типографиях издаваемых в столице газет последние сего числа не вышли в свет, за исключением «Правительственного вестника», «Ведомостей С.-Петербургского градоначальства» и «St.-Petersburger Zeitung».

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 8 января 1905 г.

Сейчас получены сведения, что по инициативе свящ. Гапона предполагается сборище рабочих завтра, 9 января, в 2 часа дня на площади перед Зимним дворцом для подачи петиции государю императору. По этому поводу выяснено, что о. Гапон, после безуспешных переговоров с администрацией и акционерами Путиловского завода, а затем и с властями, пришел к убеждению, что между рабочими и царем существует средостение, которое необходимо миновать. Поэтому он словесно и путем гектографированных объявлений призывает рабочих собраться и итти к царю с крестом и молитвою и просить его величество войти в положение рабочего люда. При этом

требования заключают в себе такие условия, как свобода печати, слова, союзов, стачек и даже «социализация земли». Названный священник приобрел чрезвычайное значение в глазах народа. Большинство считает его пророком, явившимся от бога для защиты рабочего люда. К этому уже прибавляются легенды о его неуязвимости, неуловимости и т. п. Женщины говорят о нем со слезами на глазах. Опираясь на религиозность огромного большинства рабочих, Гапон увлек всю массу фабричных и ремесленников, так что в настоящее время в движении участвует около 200 000 человек. Использовав именно эту сторону нравственной силы русского простолюдина, Гапон, по выражению одного лица, «дал пощечину» революционерам, которые потеряли всякое значение в этих волнениях, издав всего 3 прокламации в незначительном количестве. По приказу о. Гапона рабочие гонят от себя агитаторов и уничтожают листки, слепо идут за своим духовным отцом. При таком направлении образа мыслей толпы она, несомненно, твердо и убежденно верит в правоту своего желания подать челобитную царю и иметь от него ответ, считая, что если преследуют студентов за их пропаганду и демонстрации, то нападение на толпу, идущую к царю с крестом и священником, будет явным доказательством невозможности для подданных царя просить его о своих нуждах. Поэтому в случае столкновения толпы с полицией или войсками произойдет кровопролитие, которое будет сигналом к беспорядкам, в которых примет участие вероятно около 100 000 рабочих, при поддержке революционеров. Безработица уже в заметной степени наложила отпечаток раздражения на массу. Ввиду сего может заслуживать внимания мнение о том, что появление к просителям кого-либо из приближенных к особе его величества, быть может, остановит движение, если в том же направлении успокоения подействует свящ. Гапон на увлеченных им рабочих.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 8 января 1905 г.

Сего числа среди рабочих стали появляться объявления от «Собрания фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» следующего содержания: общество рабочих объявляет, что 9-го сего января, в 2 часа дня, все рабочие должны собраться у Зимнего дворца, где будет подана его величеству государю императору просьба о содействии к удовлетворению рабочих нужд.

По сведениям, сообщенным градоначальником, будут приняты меры к недопущению завтра рабочих в центральные части города; из Петергофа и Царского Села вызваны кавалерийские части.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 9 января 1905 г.

Согласно решению, принятому на совещаниях большинства отделений «Собрания фабрично-заводских рабочих», происходивших под председательством Георгия Гапона, участники упомянутого «клуба» и, главным образом, рабочие Путиловского завода принимали втечение последних дней меры к распространению забастовки на все фабрики и отдельные мастерские. Для этой цели группы стачечни-

ков ходили по городу, проникая в отдельные ремесленные заведения, принуждая служащих к прекращению занятий и приглашая их явиться днем 9 января на Дворцовую площадь для поднесения рабочими петиции его императорскому величеству.

Вместе с тем, как донес пристав Шлиссельбургского участка, в 7-м отделении упомянутого «Собрания» члены такового под председательством Гапона решили явиться на названную площадь вооруженными и оказывать полиции и войскам сопротивление. Сего 9 января описанный план забастовщиков был приведен в исполнение, причем движение началось в Нарвской части, где в 11½ часов дня около 3 000 рабочих, соединившись в толпу в пределах Петергофского участка и захватив взятые самовольно из молитвенного дома четыре хоругви, несколько образов, а также эпитрахиль и ризу (повидимому, в надежде на присоединение к ним Гапона), двинулись по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам, где находился уже наряд полиции, с приставом 1-го участка Нарвской части Значковским во главе, а равно эскадрон конно-гренадер и две роты 93-го пехотного Иркутского полка.

Когда толпа, неся в середине хоругви, образа и два олеографических портрета государя императора, приблизилась к наряду полиции, то пристав Значковский потребовал, чтобы к нему вышел предводитель рабочих, но на это послышались крики, приглашавшие толпу двигаться дальше. Ввиду этого Значковский предупредил, в присутствии воинской силы, что он должен будет прибегнуть к ее содействию для прекращения беспорядков, и вслед затем обратился к начальнику отряда конно-гренадерского эскадрона. Последний, направившись в толпу, разделил ее на две части, причем кто-то из рабочих ударил вахмистра образом по голове, а в другого нижнего чина был произведен выстрел из револьвера. Когда эскадрон прошел через толпу, то последняя сомкнувшись двинулась дальше. Вследствие этого начальник пехотной части приказал протрубить несколько раз боевой сигнал, а затем раза четыре скомандовал «К прицелу», после чего был дан первый залп, при котором толпа легла на землю. Однако, поднявшись снова, рабочие пытались итти вперед, но в них было произведено еще четыре залпа. Толпа бросилась в сторону и рассеялась, оставив на месте около 45 убитых и тяжело раненых, а также хоругви, портреты его величества, эпитрахиль и ризу. Точное число получивших повреждения еще не установлено. В то же время выстрелами тяжело ранен пулею в спину навылет помощник пристава Петергофского участка Жолкевич и смертельно ранен околоточный надзиратель Шорников, вскоре умерший в больнице. Более никаких крупных беспорядков в Нарвской части до сего времени не происходило.

Приблизительно около того же времени скопища рабочих стали образовываться на Петербургской стороне, куда с Выборгской стороны направилось около 400 мастеровых через Сампсоньевский мост. Однако же группа эта была рассеяна двукратною атакою кавалерии и частью вернулась обратно. Вместе с тем по направлению от Геслеровского переулка к Троицкой площади двигалась толпа в составе около 3 000 человек, имея среди себя священника Гапона. Когда скопище это приблизилось к бульвару, идущему от Троицкого моста, то шествие было остановлено нарядом полиции, которая потребовала

удаления демонстрантов, но, ввиду их отказа и после нескольких предупреждений со стороны полиции и войсковых начальников, в толпу был произведен залп ротою Павловского полка, после чего на рабочих двинулись лейб-уланы. Толпа рассеялась, успев подобрать с собою убитых и раненых, из коих до 40 человек доставлены товарищами в Петропавловскую больницу. Число же убитых определить пока невозможно.

Часа через полтора после этого на Каменноостровском проспекте, на углу Малой Посадской улицы, образовалась толпа фабричных числом около 200 человек, среди которых неизвестные лица успели произнести какие-то речи и распространить преступные прокламации.

Около 12 часов дня из улиц, прилегающих к Дворцовой площади, стали стекаться группы рабочих, прибывших, повидимому, из Городского района. На линии между главным штабом и адмиралтейством толпа была задержана полицией и войсками, расположенными на означенной площади. Вследствие неисполнения скопищем нескольких требований полиции разойтись рота Преображенского полка произвела два залпа, после которых на земле осталось довольно заметное число убитых и раненых, часть которых была унесена демонстрантами. Вслед затем толпу атаковала кавалерия, которая и рассеяла манифестантов, преследуя их по прилегающим улицам. При этом на Морской улице в разъезд Конно-гренадерского полка, шедший под командою офицера Соловецкого, было произведено два выстрела из револьверов, не причинившие однако никому вреда. В этой местности озлобление рабочих против воинских частей и отдельных военных было весьма резкое, причем было несколько случаев нападения на генералов, офицеров и юнкеров. Из числа пострадавших известны генерал Рудановский и состоящий при главном штабе генерал-майор Эльрих, из которых первому нанесены побои, а второй получил удар ножом в висок и отправлен в дворцовый госпиталь. Из групп фабричных слышались, между прочим, возгласы по адресу военных: «В царя стрелять из пушки умеете, а от японцев бежите». Около 4-х часов дня толпа рабочих собралась на Мойке около дома графа Строганова, но была рассеяна залпами пехоты, причинившими 10 лицам поранения. Другая кучка фабричных напала на городовых, стоявших около 1-го участка Адмиралтейской части, и, отняв у одного из них шашку, нанесла ему несколько серьезных ран, после чего злоумышленники были рассеяны выстрелами подоспевших полицейских чинов.

На Васильевском острове около 12 часов дня к дому № 35 по 4-й линии, в котором помещается чайная того же «Общества фабрично-заводских рабочих», стала собираться толпа, достигшая вскоре до 6 000 человек, причем было замечено, что мастеровые гнали от себя нескольких студентов и курсисток. Означенная толпа по 4-й и 5-й линиям направилась к Неве, но около Академии художеств была задержана полицией, тремя ротами лейб-гвардии Финляндского полка, отрядами лейб-улан и казаков. После установленных предупреждений со стороны полиции скопище было атаковано кавалерией, которая оттеснила демонстрантов по той же улице к Среднему проспекту. Вслед за этим часть толпы, числом до 1 500 человек, двинулась по Среднему проспекту и, войдя на 14-ю линию, стала приближаться к оружейной мастерской Шаффа, напав на которую, забастовщики

успели похитить до 30 сабельных клинков. Прибывшие вслед за этим к месту происшествия воинские части разогнали рабочих, которые вернулись на Средний проспект. При этом, по распоряжению полковника Финляндского полка, задержан руководивший этой группой фабричных какой-то студент, при котором оказался револьвер и прокламация. Некоторые из тех же мастеровых успели отнять тесак у музыканта названного полка. Около 4-х часов дня та же толпа, скопившись у вышеупомянутой чайной, стала сооружать баррикады и с этою целью опрокинула ряд телеграфных и телефонных столбов, выбив несколько ворот и воспользовавшись лесным материалом из строящегося дома, расположенного напротив чайной. Перед баррикадой была протянута через улицу проволока от телефона; на самой же баррикаде появился красный флаг. Проволока была удалена подошедшею пехотою, после чего на баррикаде появился какой-то человек, обратившийся с зажигательною речью к солдатам, а из-за баррикады слышались крики «ура». После установленных предупреждений пехота произвела залп, которым был убит означенный оратор и тяжко ранен другой из демонстрантов, а затем пехота атаковала баррикаду штыками. Толпа бросилась в ближайшие дома 4-й и 5-й линий, откуда вскоре был сделан выстрел в войска, часть же толпы скрылась в названный строящийся дом. Отсюда был вывешен красный флаг и посыпались в солдат камни. После угрозы воинской команды сделать залп в этот дом забастовщики скрылись оттуда, но тем не менее толпа, разделившись на отдельные группы, продолжала бесчинствовать в означенной местности, причем около 200 человек напали на управление 2-го участка Васильевской части, разбили окна, разломали двери, не причинив повреждений никому из служащих в участке, которые отстреливались из револьверов. В то же время несколько лиц, из коих один был вооружен шашкою, напали на полицейского пристава, но, ввиду угрозы с его стороны револьвером, скрылись во двор дома. В пятом часу дня на Малом проспекте, между 4-й и 8-й линиями, толпа, достигшая до 8 000 человек, соорудила новую баррикаду, причем в этом месте, повидимому, находился священник Гапон. Баррикада эта была атакована войсками, произведшими несколько выстрелов в толпу, которая и рассеялась, но означенный священник, подлежащий безусловному арестованию, успел скрыться.

Втечение всего вечера группы рабочих производили крайние бесчинства в разных частях города, причем разбиты некоторые винные лавки, разрушено несколько магазинов и лавок, разбиты фонари на площади Казанского собора, выбиты окна во дворце великого князя Сергея Александровича и т. п. На Васильевском острове начались случаи поджогов телеграфных столбов, обливаемых керосином.

Число убитых и раненых, а равно задержанных в разных местах города демонстрантов определить пока невозможно, но в канцелярию градоначальника поступили сведения о 50 убитых и приблизительно 200 раненых [1]).

[1]) Это количество убитых и раненых ни в коей мере не соответствует действительности. По сведениям департамента полиции, в день 9 января «оказалось 91 человек убитых и до 333 человек раненых» (ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. I, л. 150), но и эта цифра далеко отстает от действительной. По подсчетам революционных организаций количество убитых составляло около тысячи человек, ранено еще больше.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 января 1905 г.

Втечение ночи на 10 января небольшие группы демонстрантов производили беспорядки на Малом проспекте Васильевского острова, разбивая лавки и магазины, причем до 7 часов утра разъездами воинских частей было задержано около 130 лиц, из коих рабочий Цыганов нанес железной палкой поранение дворнику, отправленному затем в больницу св. Марии Магдалины. У одного из задержанных оказался револьвер с 18 патронами, а у другого — прокламация от 8 января.

В прочих частях города в продолжение ночи резких нарушений порядка не было.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 января 1905 г.

Сего числа город охранялся попрежнему военными патрулями и отрядами конницы и пехоты. Втечение дня беспорядков, которые требовали бы вмешательства вооруженной силы, не возникало; лишь на Васильевском острове полиции приходилось прибегать к содействию кавалерийских частей для рассеивания скоплявшихся во множестве на различных улицах рабочих, в остальных же местах собравшиеся толпы не производили каких-либо крупных нарушений порядка.

К ранее забастовавшим рабочим примкнули сегодня рабочие с расположенных в пределах Полюстровского участка фебрики Ефимова и Полюстровского гвоздильного завода. Около пяти часов пополудни забастовали и удалились с работ также рабочие электрического завода «Гелиос», вследствие чего к указанному времени погасло электричество, освещающее Невский проспект, на протяжении от Казанского собора до Николаевского вокзала, а равно Михайловскую улицу и площадь, так как означенная местность снабжается электричеством с названного завода. Невский проспект охраняется конными патрулями, и беспорядков на нем в продолжение дня не возникало.

Около 2 часов дня перед Александровской больницей собралась толпа, доходившая до 1 000 человек и желавшая осведомиться о состоянии здоровья доставленных в больницу после вчерашних беспорядков раненых. Толпа вела себя спокойно.

Около 3 часов дня на Сергиевской улице, против дома № 43, в котором помещается экипажная мастерская Шобера, стала собираться толпа рабочих, преимущественно с забастовавшего С.-Петербургского орудийного завода, с целью добиться прекращения работ в вышеназванной мастерской. Приставу 4-го участка Литейной части удалось путем увещеваний воздействовать на толпу, которая вскоре рассеялась в прилегающие улицы.

Около 7 часов вечера на Васильевском острове толпа рабочих стала направляться к Андреевскому рынку, намереваясь грабить лавки. Дальнейших сведений пока нет.

Около 8 часов вечера стало заметно значительное скопление рабочих на Петербургской стороне, причем на Колтовской улице и Большом проспекте проходившими демонстрантами были разбиты стекла в нескольких магазинах.

Около того же времени отказались от работы инженеры и рабочие «Первого электрического общества».

Вечерний спектакль, шедший вчера в Александринском театре, прекратился после первого действия. Во время антракта неизвестный мужчина, назвавшийся членом Вольно-экономического общества, поднялся со своего места в партере и обратился к публике с речью, в которой сообщил события дня, указал на число убитых и раненых во время происходивших беспорядков и в заключение выразил убеждение, что теперь время траура, а не веселия, и что, кто останется в театре, тот бесчестный человек. Речь вызвала аплодисменты; затем говорили речи на ту же тему студент университета и студент политехнического института. Публика стала покидать свои места и расходиться. По распоряжению дирекции театра и пристава 2-го участка Спасской части, спектакль был прекращен, причем был подвергнут личному задержанию второй оратор, оказавшийся студентом С.-Петербургского университета Портянко, личности же двух других, державших речи, установить не представилось возможным.

Настроение обывателей довольно тревожное. Многие лавковладельцы закрывают свои торговые заведения и, в случае неимения оконных ставень, заколачивают окна досками. В Гостином дворе с наступлением сумерок стали закрываться все магазины, а также часть магазинов на Невском проспекте.

По донесению полиции Петербургской части, держится слух, что демонстранты намереваются сегодня ночью устроить нападение на полицейские участки.

По сведениям, полученным в 9 часов вечера из канцелярии градоначальника, в продолжение настоящего дня воинские части, охраняющие порядок в столице, к стрельбе не прибегали.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 11 января 1905 г.

По полученным сведениям, 10-го сего января прекратились работы на Сестрорецком оружейном заводе; беспорядков не возникало, завод охраняется местной воинской командой в 38 человек.

Вчера же около 9 часов вечера на электрический завод «Гелиос» вызвана была рота солдат из электротехнической школы, заменившая забастовавших, под опасением угроз со стороны демонстрантов, рабочих. Сегодня последние возобновили работы.

Во время происходивших вчера вечером на Петербургской стороне уличных беспорядков было разграблено в районе 2-го участка Петербургской части 14 магазинов.

Сего числа забастовали Охтенский пороховой завод, число рабочих на котором доходит до 2 000, и электрический завод Бельгийского акционерного общества; на последний вызвана рота солдат, заменяющая удалившихся рабочих, благодаря чему три электрических машины продолжают работать.

Город охраняется попрежнему военными патрулями. Беспорядков, которые требовали бы вмешательства военной силы, не возникало. В разных местах города попрежнему собирались более или менее значительные толпы рабочих.

На Невском проспекте, охраняемом разъездами драгун и казаков, наблюдалось довольно значительное скопление народа; магазины Гостиного двора оставались закрытыми.

Вечером на Невском проспекте имел место случай поранения патрульного солдата одним из участников уличной демонстрации.

О каких-либо иных инцидентах, чем-либо выдающихся, сведений в продолжение настоящего дня не поступило.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 13 января 1905 г.

Сего числа в городе наблюдалось полное спокойствие; ни на окраинах столицы, ни в центральных частях города каких-либо уличных беспорядков не возникало.

Сегодня же возобновились работы на многих заводах, в частности на Обуховском заводе, на императорской карточной фабрике, С.-Петербургском орудийном заводе, в С.-Петербургском арсенале, на Александровском сталелитейном заводе, мастерских Николаевской железной дороги, кабельном заводе Рыбина, на фабрике товарищества Американской резиновой мануфактуры и на керосиновых складах Нобеля и «Мазут», причем на некоторых из перечисленных заводов к работам приступила лишь часть рабочих; так, в арсенале из общего числа 900 рабочих — 558 человек, на Александровском заводе из 2 000 рабочих — до 500 человек, на некоторых же, как на Обуховском и орудийном заводах, все рабочие.

Сего же числа возобновились работы в типографиях Маркса и «Нового времени».

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 13 января 1905 г.

13 января 1905 года, около 2-х часов дня, на Преображенском кладбище (по Николаевской железной дороге) собралось около 25 лиц, повидимому, интеллигентов и рабочих, и произносили революционные речи над могилами убитых 9 января демонстрантов. При этом раздавались угрожающие клятвы отмстить за погибших. Из числа этих лиц 8 человек задержано и заключено под стражу. Ввиду отдаленности места происшествия подробности последнего еще не выяснены.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 14 января 1905 г.

Сего числа в городе наблюдалось полное спокойствие. Лишь на Васильевском острове, в районе 2-го участка Васильевской части, в 3 часу дня к возобновившим работы фабрикам — железных изделий Посселя и переплетной Гаевского — явилась небольшая толпа рабочих с Путиловского завода с целью принудить рабочих вышеназванных фабрик прекратить работы. Для водворения порядка были вызваны рота городовых и отряд конно-полицейской стражи, при появлении которых участники беспорядка тотчас же рассеялись.

По сведениям, сообщенным шлиссельбургской уездной полицией, 12 января и в последующие дни на Шлиссельбургской ситценабивной

мануфактуре Губерт и К° партия рабочих пыталась препятствовать правильному ходу работ на фабрике, требуя повышения заработной платы и сокращения рабочего времени, причем в ночь на 13 января недовольные разбивали стекла в окнах квартир, занимаемых мастерами-англичанами; фабрика продолжает работать, и настроение большинства рабочих спокойное.

Сегодня возобновились работы на многих заводах, в частности на Балтийском заводе, Трубочно-литейном, императорском фарфоровом, Пироксилиновом, Охтенском пороховом заводе, в снаряжательном отделе огнестрельных припасов, на фабриках Петровско-Спасской, братьев Варгуниных, Паля, Торнтон и др., причем на некоторых из перечисленных заводов к работе приступила лишь часть рабочих. Так, на Петровско-Спасской мануфактуре из 3 000 рабочих—до 1 000 человек, на фабрике Паля из числа 2 000 — половина рабочих.

II

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 25 января 1905 г.

24-го сего января, в час пополудни, забастовали рабочие, в числе 2 600 человек, на Вагоностроительном заводе, расположенном в пределах 1-го участка Нарвской части, предъявив администрации завода различные требования и, в числе их, выдачу заработной платы за «прогульные» дни во время первой забастовки рабочих. Сего числа работы не возобновлялись. Беспорядков не было. Администрацией вывешено объявление, что, если рабочие до 28 января не приступят к работе, они подвергнутся увольнению.

Вчера вторая смена рабочих гильзового отдела Патронного завода, в числе 602 человек, явившись в шесть часов вечера на работы, около 9 часов покинула мастерские и, собравшись во дворе, предъявила вышедшему к ним начальнику завода генерал-майору Шепелеву требование об отмене обыска рабочих при входе на завод, об увеличении заработной платы чернорабочим до 1 рубля в день и увольнении нескольких мастеров. Первое требование рабочих было удовлетворено. Вслед затем забастовавшие спокойно разошлись. Сего числа работы в названном отделе не прерывались.

Сего же числа, около 11 часов утра, рабочие мануфактуры Боронина, расположенной в районе 3-го участка Нарвской части, прекратили работы и, собравшись перед конторой, предъявили директору фабрики требование о выдаче им платы за «прогульные» дни, хотя бы в половинном размере. После продолжительных переговоров, окончившихся около 7 часов вечера, директор обещал рабочим доложить домогательство их правлению мануфактуры и сообщить им решение последнего завтра к 4 часам пополудни. Рабочие, попросив освободить их от работ до назначенного часа, спокойно разошлись. Порядок ничем нарушен не был.

На забастовавшем несколько дней тому назад Машиностроительном заводе Лесснера работы вчера возобновились.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 28 января 1905 г.

Сего числа забастовало несколько заводов.

Рабочие Путиловского завода, явившись по обыкновению к 7 часам утра на работы, через полчаса начали покидать мастерские, разбив в некоторых из них стекла, и затем, выйдя на улицу, стали обходить отдельными толпами расположенные в Петергофском участке заводы, причем девятнадцать из числа последних, в частности Триумфальная бумагопрядильная мануфактура, чугунолитейный завод Александрова, шоколадная фабрика принцессы Ольденбургской, газовый завод Пинш и К°, мыловаренные заводы Граната и Архипова, электротехнический завод Глебова, были принуждены прекратить работы. Попытки забастовщиков прервать занятия на Петергофском химическом заводе и Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре успеха не имели. Порядок охранялся нарядами полиции и жандармов, а также эскадроном Конного полка, ротой Измайловского полка и сотней уральцев. Директором Путиловского завода вывешено объявление о закрытии завода на неопределенное время.

Около 11 часов утра толпа рабочих с вышеупомянутого завода, в количестве 300 человек, появилась в районе 2-го участка Нарвской части, намереваясь добиться прекращения работ на расположенных в пределах названного участка фабриках и в частности на фабрике товарищества Резиновой мануфактуры, но при появлении на Лейхтенбергской улице, где забастовщики заставили прекратить работы на заводе искусственной шерсти Буша, толпа была остановлена отрезавшими ей дальнейшее движение нарядами полиции, которой удалось рассеять толпу и заставить ее повернуть обратно еще до прибытия вызванных для поддержания порядка эскадрона Конного полка и роты Измайловского полка.

Сего числа прекратились также работы на ситценабивной фабрике Воронина, расположенной в пределах Суворовского участка, вследствие неудовлетворения требования рабочих об уплате им денег за прогульные дни во время первой забастовки, а в 4 часа пополудни на фабрике механического производства обуви.

Забастовка на Вагоностроительном заводе продолжается. Ввиду непрекращения ее рабочие, согласно заранее вывешенному объявлению дирекции завода, подлежат завтра увольнению.

Сего же числа, после панихиды в Казанском соборе по скончавшемся год тому назад писателе Михайловском, присутствовавшие на ней студенты и курсистки, в числе до 800 человек, направились к Невскому проспекту, причем стали раздаваться отдельные голоса, запевшие «Gaudeamus», но, дойдя до Казанского моста, были тотчас же рассеяны нарядом полиции, после чего порядок на Невском проспекте ничем более нарушаем не был.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 30 января 1905 г.

В видах прекращения волнений, происходящих в фабричном населении, генерал-губернатор сделал распоряжение об арестовании и высылке из столицы рабочих, замеченных в подстрекательстве това-

рищей к беспорядкам. Вследствие сего и на основании имевшихся по этому предмету в охранном отделении сведений подвергнуты обыскам и задержанию в ночь на 29-е сего января 21 человек и в ночь на 30-е число еще 27 лиц. При обысках обнаружено: у рабочего Андрея Выборнова — 250 экземпляров преступных прокламаций, а у крестьянина Федора Николаева Шарикова — 30 оттисков нелегальных воззваний. Задержанные препровождаются в С.-Петербургскую пересыльную тюрьму, а кроме того предстоит еще около 8 арестов, во исполнение означенного распоряжения генерал-губернатора. Высылке предполагается подвергнуть только тех лиц, о коих не будет возбуждено формальных дознаний.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 1 февраля 1905 г.

27-го минувшего января, в 3 часа дня, мастерские адмиралтейских Ижорских заводов вновь прекратили работы и разошлись по домам, вследствие чего, по распоряжению управляющего морским министерством, работы приостановлены впредь до изъявления мастерскими желания работать на предложенных им условиях.

На Вагоностроительном заводе с 31 января началось увольнение всех забастовавших рабочих и прием новых.

На Выборгской стороне, в пределах 2-го участка Выборгской части, приостановились работы на ткацкой мануфактуре Воронина, Чешера и К°.

Вчера вечером на Путиловском заводе вывешено было объявление об открытии завода. Сего числа рабочие явились в мастерские, но, не приступая к работам, вскоре вновь разошлись. На остальных фабриках, расположенных в районе Петергофского участка, работы возобновились.

Сего же числа рабочие товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры заявили во время обеденного перерыва требование об увеличении заработной платы и прекратили работы.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 3 февраля 1905 г.

Сего числа рабочие С.-Петербургского орудийного завода, около 9 часов утра, самовольно прекратили работы, предъявив администрации завода требование об освобождении из-под стражи арестованных несколько дней тому назад, по распоряжению охранного отделения, восьми товарищей их и, не произведя беспорядков, разошлись.

Сего же числа рабочие Российской бумагопрядильной мануфактуры, помещающейся в районе 3-го участка Нарвской части, не приступая к работам, заявили фабричной дирекции требование о повышении сдельной платы и сокращении рабочего времени. Дирекция, соглашаясь на последнее, не считает возможным удовлетворить первое требование рабочих без предварительного обсуждения этого вопроса с представителями других бумагопрядилен в Петербурге.

На Путиловском заводе, фабрике товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры и на Вагоностроительном заводе работы возобновились.

Рапорт прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции от 5 февраля 1905 г. № 362.

Имею честь донести вашему превосходительству, что заседания особой комиссии в составе совещательного при с.-петербургском градоначальнике присутствия для рассмотрения дознаний о лицах, задержанных полицией во время бывших в городе С.-Петербурге беспорядков, начались 15 и закончились 28 минувшего января.

Всех заседаний состоялось 9. Особой комиссией рассмотрены дознания о 688 лицах. Из этого числа: освобождено от взысканий 435 человек, подвергнуто аресту на срок от 3-х недель до 3-х месяцев за нарушение обязательных постановлений с.-петербургского градоначальника — 218, высланы из города С.-Петербурга, с воспрещением жительства в столице и С.-Петербургской губернии, на срок от 1 года до 4 лет — 20, переданы судебным властям — 10 и переданы в распоряжение с.-петербургского губернского жандармского управления — 5.

Первоначально комиссия предполагала подвергнуть высылке всех лиц, замеченных в подстрекательстве рабочих к стачке, и аресту всех тех, кои принимали участие в сборищах на улицах города и не разошлись по первому требованию полиции. Этими положениями комиссия руководствовалась первые три заседания, но затем, ввиду состоявшегося 19 января милостивого обращения его императорского величества к депутации рабочих[1]), практика комиссии подверглась изменению.

20-го того же января состоялось особое заседание комиссии, которая, войдя в рассмотрение высочайших слов, нашла, что прощение его императорским величеством вины рабочих должно повести за собою освобождение от взысканий: 1) рабочих, принимавших участие в стачке, и подстрекателей к таковой, действовавших без прямого насилия, и 2) всех лиц, принимавших участие в сборищах на улицах, если они не были замечены в ношении запрещенных орудий, не совершили насилия в отношении частных лиц или их имущества и неповинны в преступлениях, предусмотренных общеуголовными законами. Мнение комиссии было внесено в особый журнал, тогда же утвержденный с.-петербургским генерал-губернатором.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 11 февраля 1905 г.

Сего числа рабочие Путиловского завода, по установленному гудку, в 7 часов утра приступили к работе во всех мастерских, но в 10 часов утра работу прекратили, выгнали из мастерских тех, которые желали трудиться, а затем все ушли с завода, не заявив ни администрации, ни полиции о причинах забастовки. Следует однако полагать, что причина эта заключается в том, что администрация

[1]) 19 января 1905 г. царь принял у себя «депутацию» из 34 рабочих, организованную и подобранную полицией по инициативе петербургского генерал-губернатора Трепова. Речь царя перед депутатами, полная гнусного лицемерия, была напечатана в № 3 газеты «Право» от 23 января 1905 г. По поводу этой «депутации» Ленин писал: «Эта гнусная комедия не обманет, конечно, русский пролетариат, который никогда не забудет кровавого воскресенья. Пролетариат поговорит еще с царем иным языком». Ленин, Соч., т. VII, стр. 98.

завода не сочла возможным принять в полном объеме все требования рабочих, изложенные ими в 22 пунктах [1]), и что речь директора завода Смирнова, опубликованная сегодня в газетах, указывает на то, что некоторые из этих пунктов отклонены.

Вчера забастовали рабочие Невского судостроительного завода вследствие того, что в соседних мастерских Николаевской железной дороги было сбавлено, по требованию рабочих, время на один час (до 9 часов) и увеличены расценки.

Под влиянием тех же причин забастовали сегодня рабочие Обуховского завода.

Не работает завод Берда (Франко-русский судостроительный), на котором рабочие (свыше 2 000 человек) окончательно рассчитаны, причем им объявлено, что завод закрывается.

На фабриках Воронина и Чешера, мануфактурах Резиновой и Невской нитяной работы продолжаются.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 14 февраля 1905 г.

Втечение 13 февраля состоялись почти на всех заводах и фабриках выборы рабочими уполномоченных для назначения депутатов в комиссию члена Государственного совета Шидловского [2]). Выборы не произведены на заводах: Путиловском, машиностроительном «Феникс» и нефтяного производства бр. Нобель из-за неявки достаточного количества мастеровых, а на чугуннолитейном заводе Лесснера рабочие разошлись до окончания выборов вследствие беспорядка, учиненного одним из них, начавшим громко произносить преступные выражения. Списки выбранных получены частным образом в охранном отделении, но на основании таковых не выяснен еще вопрос о том, в какой мере в число уполномоченных вошли фабричные, известные отделению по своей неблагонадежности. Того же 13 февраля по распоряжению охранного отделения задержаны нижеследующие лица, пытавшиеся проникнуть на некоторые заводы и мануфактуры с целью преступной агитации во время упомянутых выборов: студент С.-Петербургского университета Николай Николаев Крестинский, крестьянка Раиса Петрова Николаева, мещане Иуда Вульфов Сивошинский, Александр Николаев Рехтзаммер, слушательница Высших женских курсов Людмила Константинова Ефимова и нелегальный, назвавшийся поселянином Екатериненштадтской колонии Альбертом Фридриховым Ретлингом, который, по негласным сведениям, входит в состав «С.-Петербургского комитета социал-демократической рабо-

[1]) Требования рабочих Путиловского завода, изложенные в 22 пунктах, и ответ на них администрации опубликованы в сборнике материалов по истории Путиловского завода «Путиловец в трех революциях», 1933 г., изд. Главной редакции истории фабрик и заводов, стр. 91.

[2]) Чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы и обмануть их различными обещаниями, царским указом от 29 января 1905 года была создана комиссия члена Госуд. совета сенатора Шидловского «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых». Во время выборной кампании в комиссию большевики провели широкую агитацию среди рабочих, разоблачая фальшивость правительственной политики. В результате успешной агитации большевиков рабочие предъявили комиссии политические и экономические требования, в ответ на что 20 февраля 1905 года правительство объявило о ее роспуске.

чей партии». Кроме того арестованы явившиеся на тайную сходку фабричных дочь священника Ольга Петрова Иваницкая, принадлежащая к тому же сообществу, и неизвестная женщина, отказавшаяся назвать себя. Все поименованные лица заключены под стражу и подвергнуты в ночь на 14 февраля обыскам, результаты коих еще не вполне выяснены.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 15 февраля 1905 г.

Из числа бастовавших заводов в Петербурге: обе Резиновые мануфактуры, Новая бумаго-прядильня и заводы: Франко-русский (бывший Берда), Невский судостроительный и Обуховский закрыты, причем рабочим выдан расчет с тем, что через некоторое время желающие будут вновь приниматься на службу. Резиновые мануфактуры едва ли будут скоро открыты, и таким образом около 600 рабочих и работниц останутся на довольно продолжительный срок без средств к существованию. На ткацкую фабрику Чешера рабочие являются, но к занятиям не приступают, настаивая на выполнении их требований хозяевами, которые однако ни на какие уступки не соглашаются ввиду убыточности предприятия, вызываемой кризисом в ткацкой промышленности. Положение служащих на этой фабрике, повидимому, становится тяжелым и, вероятно, принудит их отказаться от своих домогательств.

14 февраля забастовали рабочие на Сестрорецком заводе (в числе около 2 000 человек) ввиду отказа действительного тайного советника Шидловского допустить в руководимую им комиссию делегатов от названного завода, как не входящего в район Петербурга и его пригородов. Настроение этих рабочих вполне спокойное, но для охраны завода генерал-губернатор командировал из Кронштадта три роты пехотного полка.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 15 февраля 1905 г.

При рассмотрении в охранном отделении вещей, взятых при обыске у арестованной 13 сего февраля дочери священника Ольги Иваницкой, обнаружено письмо, составленное, судя по почерку, студентом С.-Петербургского университета Сергеем Викторовым Кудрявым, уже привлекавшимся ранее к делу политического характера. Из этого письма видно, что Кудрявый, пользуясь своими связями с рабочими машиностроительного завода Лангензиппена, успел склонить их включить в свои заявления, подлежащие предъявлению в комиссию действительного тайного советника Шидловского, все политические требования, выработанные в С.-Петербургском комитете Российской социал-демократической рабочей партии. Означенные домогательства изложены в форме прокламации названного сообщества, которая читалась Иваницкою на сходке рабочих, где она была арестована, причем отобрана у нее и самая прокламация [1]). Ввиду этих данных Куд-

[1]) Начальник петербургского охранного отделения в донесении директору департамента полиции от 14 февраля 1905 г. за № 2769 сообщал, что Ольга Иваницкая является организатором Петербургского района РСДРП, 13 февраля была арестована на сходке рабочих, где читала прокламацию Петербургского комитета РСДРП (ДП,

рявый в ночь на 15 сего февраля обыскан и заключен под стражу на основании положения усиленной охраны.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 18 февраля 1905 г.

18 февраля 1905 года действительным тайным советником Шидловским объявлено выборным от рабочих, что все ходатайства, предъявленные ему относительно условий занятий председательствуемой им комиссии, оставлены им без удовлетворения кроме просьбы о гарантии личности депутатов. Долженствовавшие произойти в тот же день собрания выборщиков по 9 группам промышленных предприятий почти нигде не состоялись вследствие неявки рабочих, кроме собрания в клубе при заводе Нобеля, где выборщики по группе производства из волокнистых веществ избрали своих депутатов. Наблюдая за недопущением в упомянутое собрание посторонних лиц, чины полиции задержали нескольких фабричных, не имевших права входа на означенное заседание, причем один из арестованных, предъявивший чужой заводской билет, оказался в действительности помощником присяжного поверенного Георгием Носарем (привлекавшимся в 1899 году к дознанию политического характера)[1]). Означенный Носарь препровожден в распоряжение охранного отделения.

С 6 часов вечера того же дня начали возникать забастовки в заречных частях города. В пределах районов 2-го Васильевского и 2-го Выборгского участков прекратились работы почти на всех заводах, причем на некоторых из них остановка занятий состоялась под влиянием требований ходивших по улицам групп рабочих. Одна из таковых разбила ворота у типографии Вольфа, но была рассеяна воинскою командою, и то же повторилось около фабрики «Лаферм», где толпа была разогнана эскадроном лейб-гвардии Конного полка. Пострадавших не имеется.

По полученным приставом 2-го участка Выборгской части негласным сведениям, среди выборщиков от рабочих, собиравшихся 17 февраля в «Народном доме гр. Паниной» и выработавших ряд политических требований для предъявления таковых в комиссии сенатора Шидловского, шли разговоры о том, что в случае неудовлетворения этих домогательств необходимо начать массовые забастовки, а затем перейти и к вооруженной демонстрации. Представляются ли приведенные заявления окончательным решением большинства выборщиков, не выяснено.

В ближайшее время должен состояться за границей III съезд представителей социал-демократических групп в видах восстановления единства организации Российской социал-демократической рабочей партии, разделившейся во время II съезда, в 1903 году, на фрак-

---

о. о., 1905 г., д. № 5, ч. I, л. 33). Прокламация опубликована в сборнике социал-демократических листовок «1905 год в Петербурге», выпуск I, 1925 г., изд. Ленинградского истпарта, стр. 99.

[1]) В 1899 г. Георгий Носарь привлекался к дознанию по делу о студенческих волнениях как член «Организационного комитета при СПБ университете». См. Д. П. Обзор важнейших дознаний за 1899 г., стр. 147.

ции «большинства» и «меньшинства». Программа занятий предстоящего съезда выработана особым Бюро местных комитетов, примыкающих к фракции «большинства», причем в первом пункте этой программы доказывается, что в случае соединения стачки с демонстрацией последняя должна быть непременно вооруженною и что нельзя создавать «всеобщей» стачки, не подготовившись заранее к «вооруженной борьбе», являющейся неизбежным результатом подобной стачки.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 19 февраля 1905 г.

Сегодня около 12 часов рабочие, в числе до 500 человек, собрались на сходку в загородной местности, за Московской заставой, но рассеялись, увидев приближение конного и пешего полицейских нарядов. Говоривший на сходке речь известный охранному отделению агитатор рабочий Симонов успел скрыться; из остальных же участников сходки задержано 30 человек, которые доставлены в полицию для разборки и удостоверения личностей.

В общем порядок в городе сегодня нарушен не был. Только на Васильевском острове на казенном трубочном заводе потребовалось содействие разъездов Уланского полка, чтобы рассеять смену, которая явилась в два с половиной часа, но работать не пожелала и отказалась удалиться, а на увещания начальника завода и местного полицеймейстера отвечала площадной бранью. По прибытии разъездов толпа была оттеснена ими без сопротивления. Среди собравшихся рабочих разбрасывались воззвания, составленные от имени социал-демократической рабочей партии и заключавшие требования об отмене положения об усиленной охране и о дозволении преследовать полицию в общем порядке за противозаконные аресты, с устранением действия 1835 ст. уст. уг. суд. Задержано при этом шесть человек.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 21 февраля 1905 г.

Сего числа, около 10 часов утра, на Путиловском заводе рабочие большинства мастерских прекратили занятия и стали обходить остальные отделения, где работы продолжались, принуждая их присоединиться к забастовщикам; несколько человек из числа забастовавших, войдя в кузнечную мастерскую и увидав в ней одного рабочего, продолжавшего свои занятия, стали наносить ему побои. Явившийся в названную мастерскую служащий завода Петров с целью разогнать участников беспорядка произвел из револьвера выстрел в воздух, никому вреда не причинивший. О случившемся полицией составлен был протокол и производится дознание. Подвергшийся нападению рабочий получил лишь незначительные ушибы. Вслед затем все рабочие покинули завод и спокойно разошлись по домам. Администрация завода объявила рабочим, что в случае невозобновления завтра работ завод будет закрыт на неопределенное время.

Сегодня не работало значительное количество заводов и фабрик, в

частности, кроме вышеупомянутого Путиловского завода, Обуховский, Балтийский, судостроительный завод Семянникова, арсенал, Охтенская бумагопрядильня и бумагопрядильная фабрика, в доме № 60 по Обводному каналу, прекратившая работы по требованию выборных. На Патронном заводе сегодня происходило увольнение рабочих и выдача им расчета ввиду уклонения их от работы в предшествовавшие дни.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 22 февраля 1905 г.

Ввиду имевшихся в с.-петербургском охранном отделении сведений о том, что после отказа 18 февраля выборщиков в семи группах избрать из своей среды депутатов в комиссию сенатора Шидловского некоторые рабочие из числа указанных выборщиков деятельно агитируют среди фабричного населения столицы за общую забастовку на всех заводах, с.-петербургский генерал-губернатор 21 февраля сделал распоряжение о задержании названных агитаторов и об удалении их затем из пределов генерал-губернаторства. До сего времени задержано и заключено под стражу в порядке положения об охране семь человек, а именно: мещане Густав Иоганнов Полингас, Василий Сергеев Абрамов, он же Николаев, и Иван Иванов Богданов и крестьяне Сергей Гаврилов Шикалов, Николай Ларионов Тарараев, Андрей Андреев Кругликов и Иван Иванов Бобров. Сведений об аресте остальных намеченных шести лиц еще не поступало.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 22 февраля 1905 г.

Сего числа возобновились работы на Путиловском заводе, Вагоностроительном, Никольской мануфактуре, Чешера и К° и некоторых других заводах.

Продолжают не работать из наиболее крупных фабрик и заводов: Обуховский завод, Балтийский, Охтенская бумагопрядильня, Новая бумагопрядильня, расположенная на Обводном канале, орудийный завод, закрытый с 18 сего февраля по распоряжению начальства, и арсенал.

Сего же числа прекратились работы в паровозных мастерских Александровского завода Николаевской железной дороги.

Вчера несколько рабочих с забастовавших заводов, расположенных в районе 2-го участка Выборгской части, пытались ворваться во двор красильной фабрики Асмана с целью принудить рабочих названной фабрики к прекращению работ, но были задержаны подоспевшей полицией и в числе семи человек подвергнуты задержанию, с зачислением за канцелярией с.-петербургского градоначальника.

Случай насильственного прекращения работ имел место 21 февраля также на Путиловском заводе, где приемщик Петров, не допуская забастовавших рабочих лафетно-снарядного цеха в кузницу, ранил одного из рабочих в голову.

Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 24 февраля 1905 г.

В ночь на 23 февраля подвергнуты аресту в порядке положения об охране шесть рабочих из числа выборщиков в депутаты в комиссию сенатора Шидловского, а именно: Андрей Кириллов Коновалов, Павел Михайлов Ляхов, Николай Сергеев Смирнов, Алексей Иванов Иванов, Никодим Францев Виткевич и Петр Александров Злыднев, причем при обыске у Коновалова обнаружены заряженный револьвер, ружье, патроны к ним и пироксилиновая шашка. После окончания обыска названный Коновалов покушался на самоубийство и причинил себе перочинным ножом рану на шее, но был тотчас же обезоружен и отправлен в приемный покой Васильевской части. Жизнь Коновалова вне опасности.

Дневник А. Н. Куропаткина

(31 марта — 21 ноября 1904 г.)

Публикуемый в настоящем томе «Красного архива» дневник А. Н. Куропаткина является продолжением частей дневника, опубликованных во II (1922 г.) и V (1924 г.) томах «Красного архива» и охватывающих период с 17 ноября 1902 г. по 25 марта 1904 г.

Значение первой опубликованной части дневника метко показано М. Н. Покровским в предисловии к ней, написанном в 1922 г.: «Разоблачающее значение куропаткинского дневника отнюдь не в том, чего боялись коронованные «хозяева» в записках Витте например. У Куропаткина и следа нет той ядовитой картины всего, что не им или «не по его» сделано... Наивной преданностью он ужасен. Все глупости и подлости, сказанные при нем «обожаемым монархом», воспроизведены с благоговейностью: в итоге получается такой букет, что даже знаменитое собрание речей Николая перед ним пасует.

В первой части дневника читатель найдет немало ярких штрихов для характеристики грабительских планов царизма на Дальнем Востоке. Чего, например, стоит отрывок из записи 16 февраля 1903 года! «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Манчжурию, итти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы...»

Авантюристические захватнические планы Николая II, окруженного безобразовской бандой, могут выдержать сравнение лишь с японскими планами «раздела мира» во время и после мировой войны 1914—1918 гг. Эти планы были изложены в 1923 г. японским публицистом Каиро Сато: «Япония должна получить верховную власть над Китаем и русскими владениями на Дальнем Востоке... Япония заинтересована в том, чтобы на этой обширной территории господствовал приемлемый для Японии политический строй... На территории Сибири должно быть распространено влияние японской культуры».

Авантюристская политика царизма напоминает нам о планах б. японского премьер-министра барона Танака: «В программу нашего национального роста входит, повидимому, необходимость вновь скрестить наш меч с Россией на полях Манчжурии и Монголии в целях овладения их богатствами. Манчжурия и Монголия являются Бельгией Дальнего Востока. В наших войнах с Россией и САСШ мы должны будем заставить Манчжурию и Монголию перенести все ужасы войны».

О захватнической программе японской военной партии говорил тов. Сталин на XVII съезде партии: «Одна часть военных людей Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья, при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Нетрудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно,

мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не все здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения».

Грабительские планы японской военной партии имел в виду тов. Ворошилов, говоря на XVII съезде нашей партии: «Дальний Восток покрыт тучами. Оттуда может разразиться военная гроза. Невзирая на усилия, которые проявляют наши дипломаты, нам до сих пор не удается внушить правящим кругам Японии, что мир лучше войны, что война с нами будет для японских империалистов не легкой, не простой и не маленькой. Война, если нам ее навяжут, будет большой, серьезной войной. Это будет война с большевиками и — в наше время. Эта война будет дорого стоить инициаторам. Этого не следует упускать из виду тем из наших дальних соседей, кто думает легко поживиться на чужой счет... Только безграничной тупостью, только глубоким невежеством и обреченностью можно объяснить мечты наших врагов о каких-то завоеваниях за наш счет, о каком-то уничтожении коммунизма. Только ограниченность и глупость, которые, очевидно, являются неизбежным следствием обреченности капитализма, могут внушать этакие мысли нашим классовым врагам».

Уже давно в Японии возникли широкие планы империалистических захватов на азиатском континенте. Осуществление этой программы японского империализма проводилось постепенно. Важнейшими этапами на этом пути были: японо-китайская война 1894—1895 года, участие Японии в интервенции великих держав в Китае в 1900 году, наконец — русско-японская война 1904—1905 гг., начатая Японией при поддержке Англии (англо-японский союз 1902 г.), при нейтралитете США, в обстановке противоречий между Францией, Англией и Германией, причем эта последняя рассчитывала на ослабление военной мощи России в Европе, как следствие затяжной войны на Дальнем Востоке.

Своеобразие русско-японской войны заключалось в том, что в этой войне столкнулись два империалистических соперника, находившиеся на различном уровне развития и обладавшие неодинаковой мощью.

Япония еще в начале XX века «стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене» [1]). К 1904 году буржуазная, но «молодая» и «свежая» Япония сумела создать сравнительно небольшую, но хорошо обученную армию, с инициативным командным составом, использовавшую лучшие образцы европейского военного искусства и, несмотря на некоторые технические недостатки, в общем снабженную передовой техникой. Ее морские силы были первоклассные. Политическое воспитание грамотного японского солдата имело своим содержанием отсталую религиозную идеологию, которая была умело использована в подготовке армии преуспевавшей в своем развитии буржуазией.

Культурный уровень японского офицера и солдата в условиях экономического подъема страны был для того времени сравнительно высок. Боец японской армии, не заглядывая в будущее японского империализма, легко давал себя убедить в том, что он защищает свою страну от агрессии русского царизма.

В противоположность передовой японской армии русская царская армия представляла собой картину отсталости, дезорганизации, скверной боевой подготовки, слабого тыла и плохого военного руководства.

Яркую характеристику всей войны и в частности кампании 1904 года, значительный период которой охватывает публикуемая часть дневника Куропаткина, дал Ленин в своей статье «Падение Порт-Артура», помещенной в газете «Вперед», в январе 1905 г., глубоко вскрыв все изъяны царизма и царской армии в Манчжурии в 1904 г.

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., 3-е изд., т. IV, стр. 165.

«Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского обозревателя (в «Times») «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела,—того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией... Отсталыми и никуда негодными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия» [1]).

Как вывод из военного краха русского царизма, явившегося в значительной степени следствием его глупой и преступной авантюристской политики, Ленин указывал, что «война передовой страны со страной отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль». Отмечая эту роль, приветствуя поражение царской армии как начало революции, Ленин и партия большевиков возглавили революционную борьбу, показывая всемирно-исторического значения пример борьбы пролетариата против империализма и поджигателей империалистической войны.

Плохое руководство Куропаткина как командующего манчжурской армией, под начальством наместника Алексеева, назначенного главнокомандующим сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке, не было главной причиной всех поражений царской армии в 1904 г. В частности Куропаткин не имел непосредственного отношения к войне и поражениям на море, которые сыграли огромную роль в ходе и исходе войны в целом. Но Куропаткин как военный министр имел самое непосредственное отношение к подготовке войны с Японией на суше.

Выступая против наступательной политики на Дальнем Востоке, в своей записке по манчжурскому вопросу (ноябрь 1903 г.) Куропаткин писал, что «война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этой войной, чтобы увеличить смуту и пр.» [2]).

В декабре 1903 г. он с удовлетворением отмечал в своем дневнике (3/XII), что ему «в значительной мере удалось направить главные усилия наши опять на запад». Он предлагал тогда аннексировать Северную Манчжурию ценой «уступки» Южной Манчжурии и Квантунской области (с Порт-Артуром). Куропаткин считал, что из-за Северной Манчжурии войну вести стоит, из-за Южной же Манчжурии и из-за Кореи не стоит. Николаю он указывал, что Россия не готова к войне в железнодорожном отношении. «Три поезда в сутки не такая сила, чтобы можно было своевременно собрать армию в 300 000 человек и, главное, питать ее: надо выиграть время». Куропаткин боялся, что война охватит все границы [3]).

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., 3-е изд., т. VII, стр. 47—48.
[2]) «Красный архив», т. II, стр. 90.
[3]) Там же, стр. 96.

Но уже 20 (7) января в результате дипломатических переговоров, которые направлял Николай II, пришлось ему докладывать, что положение дел на Дальнем Востоке стало так ненадежно, что требуются новые усиления войск.

8 февраля (26 января) вечером Куропаткин получил от Витте известие, что японцы напали неожиданно на русский флот в Порт-Артуре и утопили несколько кораблей. После долгих колебаний Николай назначил его командующим манчжурской армией, без прибавления титула военного министра. 14(1) марта Куропаткин выехал в Манчжурию и 28(15) марта прибыл в Ляоян.

Война развертывалась очень медленно. Нанеся ряд ударов русскому флоту и заблокировав его в Порт-Артуре и Владивостоке, добившись господства на море, Япония могла беспрепятственно перебросить одну из своих армий (Куроки) в Корею. В течение двух-трех месяцев эта армия медленно двигалась на север и только 8 апреля подошла к р. Ялу.

В начале войны в Манчжурии находилось всего около 100 000 русских войск, разбросанных по всей стране. По району, имеющему по фронту (вдоль железной дороги от Мукдена до Сеньючена) 200 верст и в глубину (от той же железной дороги к Ялу и далее к Анчжу) 300 верст, были разбросаны части одной дивизии пехоты и одной дивизии кавалерии [1]).

Оборона Порт-Артура не была готова, гарнизон в 12 батальонов был недостаточен. Еще 27 (14) февраля Куропаткин высказывал опасение, что для выручки Порт-Артура придется перейти в наступление еще недостаточно сосредоточенными силами.

План Куропаткина заключался в сборе главных сил у Ляояна и Мукдена, после чего должно было начаться наступление. Прикрыть это сосредоточение можно было выдвижением достаточных сил к р. Ялу. Но силы, посланные туда, были недостаточны и притом имели плохое руководство. «Командующий дивизией (6-й стр.) г.-м. Трусов ленив и не энергично распоряжался. Отнесся к выпавшей на его долю задаче апатично», — пишет Куропаткин 30 (17) марта [2]).

В сражении при Тюренчене 1 мая (18 апреля) этот отряд был отброшен на Фынхуанчен, а затем он отошел дальше на северо-запад к перевалам (Модулинскому и Феншуйлинскому).

В течение мая три японских армии высадились: у Бидзиво (2-я — Оку), у Дальнего (Дайрена) (3-я — Ноги) и Дагушаня (4-я — Нодзу).

25 (12) мая 2-я японская армия перешла в наступление, чтобы отрезать Порт-Артур, осада которого была возложена на 3-ю армию.

В начале июня под давлением из Петербурга Куропаткин послал отряд Штакельберга (40 000 чел.) на выручку Порт-Артура. Этот отряд у Вафангоу встретился с передовыми частями 2-й японской армии и после боя 14—15 (1—2) июня, в котором японская артиллерия имела решающий перевес, отошел на север.

В начале июля в командование японскими армиями вступил маршал Ояма.

29 (16) июня 1-я армия овладела Мотиенским перевалом, который командующий Восточным отрядом ген. Келлер покинул без всякого основания. Месяц спустя, 31 (18) июля, 1-я армия овладевает Янзелинским перевалом, угрожая флангу русской армии с востока.

За это время, к 23 (10) июля, 2-я армия продвинулась на север до ст. Дашичао. Русские войска (ген. Зарубаев) после боя отходят к Хайчену, где японские войска были задержаны. Ввиду угрозы со стороны 1-й японской армии Куропаткин отводит свои силы дальше на север к Ляояну.

---

[1]) «Красный архив», т. V, стр. 83.
[2]) Там же, стр. 97.

С 24 (11) августа по 2 сентября (20 августа) продолжалось в этом районе сражение, в котором японские войска понесли большие потери: русские войска дрались упорно, но при бестолковости русских генералов и из-за ряда тактических ошибок, вследствие угрозы со стороны армии Куроки, которая переправилась у Сыквантуня, охватив русский фланг, Куропаткин, боясь быть отрезанным, решил отойти дальше на север к р. Шахе, где обе армии окопались.

В начале октября Куропаткин решил перейти в наступление, чтобы отбросить японцев до р. Тайдзыхе, пытаясь обойти их с востока. Но японцы узнали об этом плане из громогласного воззвания Куропаткина, приняли меры, и в результате сражение на р. Шахе (4—18 октября н. ст.) кончилось неудачей, большими потерями русской армии и сохранением прежних позиций.

После этого сражения началась позиционная война, прерванная мукденским сражением в феврале 1905 г.

До этого еще 2 января пал Порт-Артур.

В публикуемой части дневника читатель найдет немало данных для выявления ряда причин военного поражения русской армии. Глубоких причин Куропаткин, конечно, не поможет нам вскрыть. Но убийственные характеристики многих представителей высшего командного состава царской армии, которыми изобилует дневник и которые в основном соответствовали действительности, позволяют уяснить один из факторов поражения царской армии. Немало интересных указаний имеется о взаимоотношениях с Алексеевым. Не лишены интереса замечания о действиях морских сил.

Дневник бросает также свет на стратегию самого Куропаткина. Нерешительность, непрекращающаяся боязнь за тыл и фланги, навязчивые мысли об отходе, отсутствие веры в успех наступательных операций, которых всячески добивалось его начальство—царь и наместник Алексеев, и которые он вынужден был проводить, не имея шансов на успех,—таковы черты этой стратегии, отражающие начавшееся разложение самодержавия. Особенно характерна в этом отношении запись от 4 августа 1904 г., излагающая — после разгрома порт-артурской эскадры — тревожные переживания Куропаткина, монархиста, верного слуги царизма, боявшегося революции в результате военного поражения.

Заслуживают также внимания некоторые данные, характеризующие Куропаткина как администратора, но его мероприятия в тылу армии не могли спасти армию от поражений и разгрома, причины которого так блестяще указал Ленин.

С. Будкевич.

1904 г. [1])

31 марта.

Сейчас получил из Порт-Артура горестное известие, что броненосец «Петропавловск» во время маневра нашего флота из Порт-Артура к стороне Талиенваня против лагеря 10 стрелкового полка наткнулся на мину и пошел ко дну [2]). Спасено несколько офицеров, в том числе в. к. Кирилл Владимирович, легко раненый, и до 50 нижних чинов, но адмирал Макаров погиб! Воистину нам не везет с минами. Почти несомненно, что эта мина наша, что, как погибли «Енисей», «Боярин» [3]),

[1]) Печатаемый дневник хранится в ГАФКЭ, особ. отд., ф. 1112, тетрадь № 21.

[2]) Броненосец «Петропавловск» 31 марта 1904 г. в виду японской эскадры наскочил на одну из плавучих мин, взорвался и погиб вместе с вице-адмиралом С. О. Макаровым, его штабом и почти со всем экипажем.

[3]) Минный транспорт «Енисей» погиб 29 января 1904 г. при постановке им минного заграждения; «Боярин» погиб 30 января 1904 г. в Талиенванской бухте.

так теперь погиб «Петропавловск», от неуменья наших моряков справляться с минами. Они все время глумились над минами инженерного ведомства гальваническими, но их свободно плавающие, самодействующие мины, оказывается, более страшны нам, чем врагам нашим. Третьего дня, по донесению Стесселя, одна из таких мин морского ведомства была прибита к берегу. 12 нижних чинов, потащившие ее берег, были разорваны на части.

Погиб даровитый, авторитетный и энергичный адмирал. Трудно заменить его. Надо прислать Скрыдлова или Рожественского. Оба они плохо уживаются с Алексеевым. Хуже всего то, что Макаров, по общему отзыву, успел приподнять дух моряков. Теперь, несомненно, опять последует падение духа, а вместе с тем уменьшится вероятие, что мы возьмем верх над японским флотом.

До 30 вымпелов японских судов видны перед Порт-Артуром. По-видимому, готовится высадка второй армии у Ялу, дабы войти в связь с первою армиею. Это будет облегчение для меня, ибо определится направление главного удара на нас японцев. Но, ввиду подавленности нашего флота, продолжаю опасаться отчаянного шага со стороны японцев: высадки в Дальнем или Талиенване с целью овладения Циньчжоускою позициею и наступления к Порт-Артуру для овладения им.

1 апреля.

Сейчас встречал и долго сидел у наместника, проезжавшего в Порт-Артур. Есть слух (по телеграфным рассказам), что Алексееву предложено ехать в Порт-Артур государем и притом предложено вступить в командование флотом. Страшная катастрофа с «Петропавловском» объясняется Алексеевым не миною, а взрывом всех мин, находившихся на корабле. В две минуты все было окончено. Алексеев скорбит не только об Макарове, но и о всем его штабе, погибшем вместе с ним. Погиб Моллас, начальник штаба морского, Агапеев, ген. штаба, Васильев и др. Все, по словам Алексеева, даровитые люди. Погибли и все планы, соображения. Потеря незаменимая. Говорят, погиб и наш художник В. В. Верещагин, сидевший у меня и обедавший с нами лишь несколько дней тому назад. Тоже совершенно незаменимая потеря. Так как броненосец «Паллада» тоже получил пробоину от мины (Алексеев не имеет еще ясного донесения), то, по словам наместника, у нас из 6 броненосных кораблей осталось для действия только два[1]). Он мне сказал, что, приехав в Порт-Артур и осмотревшись, вероятно, пришлет мне депешу, чтобы я продолжительное время не рассчитывал на содействие флота. Считает, что во флоте дух должен быть подавлен. Винит Макарова, что он был слишком подвижен. Всюду хотел быть сам. Погиб не только сам, но с ним и целая группа даровитых людей. Говорил: «Вот винили Старка, прислали Макарова, что же дело лучше пошло?» Тут, по его словам, что-то фатальное, против чего борьба невозможна. Все же, по его словам, к июню «Ретвизан» и «Цесаревич» будут опять готовы к бою.

---

[1]) Минной атакой в ночь с 26 на 27 января 1904 г., которой начались военные действия со стороны японского флота под командой адм. Того, были выведены из строя «Ретвизан», «Цесаревич» и «Паллада». Утром 27 января во время артиллерийской перестрелки японцы вывели еще из строя броненосец «Полтаву» и два крейсера — «Аскольд» и «Новик».

Просил наместника двинуть из состава Порт-артурского гарнизона 15 полк вперед на позиции к Дальнему и приготовить один крепостной полк, если начнется высадка южнее Циньчжоу. Наместник обещал усилить гарнизон командами судов, кои находятся на починке. Относительно пункта высадки ему представляется, что японцы высадятся в Дагушане или в Бидциво. Ему представляется, также возможным, что они направят высадку во Владивостокский район.

6 апреля.

Эти дни оканчивал объезд мест, выбираемых для расположения ожидаемых подкреплений, осмотрел позиции у Айсандзяня, осмотрел вновь прибывшие части.

Выбранные места для лагерей хороши, но вода для них не обеспечена: надо делать опыты с колодцами.

Позиция у Айсандзяня очень сильна с фронта, но требует больших сил, не менее двух корпусов, и фланги, особенно левый, обходим без особых затруднений. Полк. Языков и шесть офицеров работают успешно. До 4 000 чел. рабочих китайцев работают медленно, но упорно. Длина позиции до 12 верст. Дал указания ген. Романову исследовать вопрос об усилении левого фланга с целью противодействия обходу. Замечания ген. Величко все оказались очень дельными и правильными. Проехал в этот день до 30 верст верхом.

Вчера смотрел семь, восемь вновь прибывших сотен казаков, одну батарею, роту сапер, два с половиною санитарных транспорта, один подвижной лазарет. Все части представились хорошо. Слабее других казаки, много лошадей в худых телах, есть, на мой взгляд, слабосильные.

Ренненкампф надеется поправить их. Говорит, что поступили в полк несравненно в худшем еще виде. После делал ученье казакам и двум бригадам пехоты в присутствии иностранных агентов. Прошло сносно, но казаки не умеют хорошо гикать при атаке, лучше пусть кричат «ура».

Государь император прислал мне депешу, в которой, признавая особо важное значение за Харбином, указывает на необходимость остановить в Харбине первую Сибирскую дивизию (три полка), дабы ее можно было двинуть в Приамурье, если японцы сделают там высадку[1]). Послал распоряжение остановить эшелоны первой дивизии в Харбине, но не признаю необходимости этой меры. Харбин лучше всего защищается расстояниями: до Владивостока 730 верст. В случае опасности со стороны Владивостока можно направить туда все подходящие с запада подкрепления, не задерживая первой дивизии. Если же она будет задержана, то я втечение всего апреля месяца не получу для подкрепления войск армии ни одного батальона пехоты. А между тем в центре у меня слабо, и весь мой резерв заключается во 2-м корпусе из 28 батальонов.

Алексеев уехал, по высочайшему повелению, в Порт-Артур, где государь предложил ему вступить лично в командование флотом. Кажется, такая воля государя, мудро и решительно выраженная, не нравится Алексееву и его приближенным.

---

[1]) Депеша эта — ответ на ходатайство Жилинского Сахарову задержать эту дивизию в Харбине. (Примечание в подлиннике.)

Японцы все усиливаются на Ялу. Подвели туда и мы два головных полка 6 стр. дивизии. Подкрепляем 3 стр. дивизию четвертыми батальонами, но транспортная часть совершенно еще не устроена, и я с трудом добиваюсь возможности обеспечить 20 000 ртов и 5 000 лошадей, отброшенных от железной дороги на 240 верст, при отсутствии достаточных местных средств. Болезненность в армии пока незначительная.

9 апреля.

В Порт-Артуре начинают тревожиться сильнее, чем бы следовало. Отозвали 15 полк с позиций у Дальнего в состав гарнизона Порт-Артура в опасении, что японцы сделают попытку овладеть Порт-Артуром, высадившись где-либо вблизи от Порт-Артура. Прежде все не хотели усиливать на Квантуне войск, надеясь на силу укреплений. Теперь Жилинский телеграфирует мне, что укрепления слабы местами по левой профили. Вера в наш флот в Порт-Артуре у Алексеева и Жилинского упала. Тем не менее мне телеграфируют, что при высадке вблизи Порт-Артура флот сделает вылазку и вступит даже в неравный бой.

На Ялу вчера охотники 11 стр. полка, 33 чел. с двумя офицерами, сделали необдуманную попытку переправиться на неприятельский берег на трех лодках. Были встречены огнем японцев. Отплыли они на наш берег под прикрытием огня орудий, но потеряли ранеными двух офицеров, убитыми и ранеными более половины всех участвовавших в вылазке.

10 апреля. Ст. Шахе.

Ездил на ст. Шахе (южная) — в переходе от Мукдена. Выбирал лагерь для Сибирской каз. дивизии. Место, по южно-манчжурскому масштабу, порядочное. По русскому — почва глинистая, в дождь дороги становятся вязкие. Речка не пересыхает вполне. По берегам есть плотные дюновые отложения, где можно становиться биваком. Есть деревни, но не так богатые, как под Ляояном. Главное, что местность в версте к югу от станции не заливается в период дождей. Колодцев много и все они обильны водою. Фуража местного некоторое количество будет найдено. Выбрал Шахе, чтобы поближе иметь поддержку на Синьминтинском направлении, если оттуда пойдут японо-китайские войска[1]). Надо устроить платформу.

13 апреля.

Вчера получилось известие о начавшейся переправе японцев через р. Ялу[2]). Начали переправляться против нашего крайнего левого фланга у Сяопусихе в 60 верстах по прямой линии от Ичжоу. У нас там была только казачья застава, которая и отступила, не потеряв соприкосновения с противником, потеряв двух казаков убитыми, одного раненым. Переправилось две роты и несколько человек конницы. Японцы через рукава Ялу усердно производили наводку нескольких мостов. Ночью на 12 апреля высадились на остров севернее Тюренчена и оттеснили нашу охотничью команду 22 полка. Начальник команды нор. Семенов убит. По донесению Трусова, все лошади охотничьей команды погибли. Утром высадившиеся части японцев — пехота и артиллерия—направились на

[1]) В окрестностях Синьминтина стоял 40-тысячный корпус китайского ген. Ма, внушавший Куропаткину серьезные опасения.

[2]) Переправа японцев через Ялу происходила с 12 по 17 апреля 1904 г.

нашу позицию у Тюренчена, но орудийным огнем были приведены в полное расстройство и отступили. Отступила, кажется, через речку и артиллерия. Но позиции у Кашталинского (Шахедзы) и Мищенко (прибрежные) спокойны. Все мне представляется, что не ведут ли японцы демонстрации против нашего левого фланга, готовя главную атаку против правого. Засулич пока распоряжается толково.

Сегодня же я получил от Жилинского депешу, в которой преподается указание наместника, в случае атаки Порт-Артура с суши, чтобы я с манчжурскою армиею оказал Порт-Артуру возможно быструю и энергичную помощь. Уйти из района сосредоточения—из Ляояна на 300 верст вперед, имея на фланге армию японцев по Ялу, — дело рискованное и противоречащее указанию государя, переданному наместнику Сахаровым, о том, чтобы мы в действиях войск соблюдали осторожность и приступили к решительным наступательным действиям только после сосредоточения достаточных сил.

Приму решение, когда придет час, принимая во внимание по возможности всю сложную обстановку, в которой приходится действовать.

14 апреля.

Сегодня утром получил депешу Засулича о том, что началась ночная атака Тюренчена. Позже, как я и ожидал, оказалось, что атаки не было произведено. Чувствуется, что у Трусова больше нервности, чем бы то следовало, но надеюсь, скоро привыкнет к боевой обстановке.

Получил подробности нападения на охотников 22 полка. Их было 60 человек с 2 офицерами. Забрались с лошадьми на остров, чуть ли не на нос японцам, и прозевали их. Нападение, как доносят, 1 500 чел. было неожиданным. Японцы убили часового и начали чуть не в упор расстреливать наших охотников. Перебили почти всех лошадей. Много убили людей. Оставшиеся в живых перебрались на другой берег на лодках (?), причем был убит отступавший последним поручик Семенов. Люди отступили горами и поодиночке присоединяются к отряду. Назначено дознание. Опасаюсь, что японцам достались и ружья убитых.

В Ляояне уже несколько дней живет великий князь Борис Владимирович. Стал очень мил. Бог даст, так пойдет и далее. Сегодня сопровождал меня на ученье 31 бригады (полковое). Из бригады вывели на ученье только 9 рот. Остальные 23 в расходе по постройке укреплений, разработке дорог и пр.

Укрепления у Ляояна очень быстро растут. Если я успею получить еще 20 батальонов 1 и 2 Сибирской дивизии, то можно надеяться, что отступать далее Ляояна не будем. Принимаю меры получить эти батальоны. Прошу привезти мне 12 бат. 2 дивизии вместо трех сибирских казачьих полков и прошу, как только выяснится наступление японцев, отпустить ко мне в Ляоян и окрестности 1 Сибирскую дивизию (10 бат.), задержанную в Харбине, по желанию государя императора, как общий резерв для направления к Владивостоку, если бы туда японцы направили свои силы.

15 апреля.

11 апреля я осмотрел прибывшие в Ляоян и еще не осмотренные мною 9 сотен казаков, 7 батарей, в том числе две казачьих, две понтонных роты и полевой подвижной № 10 госпиталь.

Сотни представились так же, как и ранее представившиеся. Все же много лошадей слабых. Офицерский состав значительною частью надежный. Много добровольцев из гвардейской кавалерии со значками пажеского корпуса.

Две казачьи батареи представились посредственно. О том щегольском отличном виде лошадей и всей упряжи, к которым я привык, нет и помину. Лошади местные, шаклатые. Под орудиями лошади еще среднего сорта, но под конною прислугою и ящиками слабы. Пять батарей, пришедших—две из России (4-я батарея 3 и 6 арт. бригады) и три дивизион. (35 бригады), перевооружившиеся в Харбине, представились хорошо. Обоз четырехколесный тяжел. Две понтонные роты представились хорошо. Прибывшая из России по конскому составу много лучше. Рота понтонная 2 сап. (Вост.-сиб.) батальона мобилизована местными лошадьми и много мелких. Преодолели грязный переход хорошо. Сломалось одно дышло. Самые понтоны тяжелы. Распределил эти роты: одну по Ляохе (по полуроте в Даване и против Синьминтина) и одну в Ляояне и Мукдене по полуроте.

11 апреля произошел разрыв временного моста льдом на западной ветви, не доходя Хайлара (или пройдя его). Вчера движение было восстановлено, с пересадкою пассажиров. С 16-го начнем передавать вагоны.

Идущий из России и вступивший в Манчжурию понтонный батальон предоставляю временно в распоряжение Хорвата (довезя его до Харбина) для починки мостов.

Сегодня осмотрел всю льготную Забайкальскую казачью дивизию с двумя батареями, отправляющуюся сегодня в Шахе на стоянку. Читинского полка 4 сотни, скрепя сердце, отправляю завтра на подкрепление Засулича, у которого в центре казаков нет. Идут с вьючным обозом. Дивизия представилась в походном, но мужественном виде. Надеюсь на эту дивизию и на ее командира.

16 [?] апреля.

Японцы сегодня усилились на правом берегу Ялу и на левом р. Эйхо. Угрожают левому флангу нашего расположения на Ялу. Мы действуем более пассивно, чем бы следовало. Казалось бы, была — и еще есть — полная возможность переходом в наступление по левому берегу Эйхо сбросить их с высот у Лизавена и высоты 146. Передвинутый полк вчера к Чатау плох, несколько усиленный из общего резерва, мог бы выполнить эту задачу.

Получилось известие, что сегодня японцы бомбардируют Владивосток.

Осмотрел вчера на этапном пункте 1 и 2 бат. 23 полка. Нашел их в порядке. Посылал на штурм вала. Бегали молодцами. Идут на Саймадзы. Дал лично подробные указания командиру полка. Внушает доверие. Генерального штаба. Роль будет трудная. Войдет в состав отряда Карцева и вместе с ним должен будет прикрывать левый фланг расположения армии.

Сегодня тоже посетил этапный пункт. Второй раз видел прибывших к нам 800 запасных. Народ рослый, сильный.

Осмотрел все три батальона 23 полка. Представились очень хорошо. Прекрасный народ. Кажется, полк в порядке. Обедал 3-й батальон в 5 часу. Поэтому ужина не варили. Дадут чай. Приказал вечером вы-

дать мясо порциями на руки, чтобы сами себе поджарили шашлыки. Осмотрел и батареи 31 бригады. Отличные люди и лошади. Тут же был выстроен 2 парк, только что возвратившийся из Фынхуанчена. Повозки выдержали, но лошади очень похудели. Надо недели две их поправлять. Не всюду доставали им корм на этапах. На перевалах впрягали в зарядные ящики по 10 лошадей. Люди имели тоже несколько утомленный вид. Несмотря на то, что они обедали рано, им ужина еще не готовили. Приказал частью покормить их по ротам стрелков и артиллеристов и кроме того выдать по ½ фунта мяса на шашлыки. Место еще не убрано должным порядком. Колодезная вода хороша.

17 апреля.

Разорван телеграф между Фынхуанченом и Ляньшань-Гуанем (наш магазин перед Фейшунлинским № 1 перевалом). Известий от ген.-лейт. Засулича нет в самые тревожные дни. Меры для быстрого восстановления разрушенного телеграфа заблаговременно приняты не были, хотя я уже предупреждал об этом неделю тому назад. Телеграфная линия не военная, но, очевидно, она должна стать военной.

Утром ездил осматривать одно из строящихся вокруг Ляояна укреплений: опорный пункт № 6. Работа подвигается успешно.

Осмотрел открытую военную хлебопекарню, которая приступает к работам. Все в порядке (на 16 тысяч порций). Другая тоже готова к открытию. Две остальных еще не открыты. Так их и надо оставить: на случай отступления или наступления легче ими распорядимся.

Осмотрел два транспорта. Выдержали работу лучше парки, но и тут много лошадей запавших. Плохо то, что вчера пришли, а сегодня большую часть опять двигают с 23 полком. Двуколки выдержали путь хорошо. Транспорт в 350 лошадей. Поднимает 3 500 пудов. Полезного груза только 10 пудов на двуколку мало.

Начальник транспорта говорил мне, что трасс китайской дороги по перевалам плох. Что он нашел обходные дороги, сокращающие в общем путь на 30 верст до Фынхуанчена. Поручил ему сделать глазомерную съемку, описание и представить лично мне. Поручил обозначить сворот на новую дорогу.

Осмотрел продовольственный пункт и баню. В рабочем виде, но работают хорошо.

На кладбище поклонился братской могиле убитых в Ляояне в 1900 году. Порядочно.

Один хороший памятник окончен, но надписи не сделали. Приказал окончить.

Сейчас получил по восстановленному телеграфу добрую весточку от Засулича. Наши стрелки 22 полка (батальон и две охотничьих команды) атаковали японцев на их позиции на правом берегу р. Ялу и, поддержанные огнем с правого берега Эйхо, заставили их отступить от высот у с. Лизавена к Ялу, под обрыв. Японцы оставили нам 10 трупов и 26 своих раненых. Это были два батальона 4 гвард. полка и горная батарея. Мы потеряли 4 убитыми, 13 ранеными.

Позже получил депешу о переправе японцев у Амбихе. Наши две роты, две сотни и 2 горных орудия, после слабого сопротивления, отступили слишком далеко, а сотни, если исполнено было приказание

войскового старшины Гусева, ушли еще дальше. Засулич хочет завтра сбить и этих японцев. Назначил два батальона и охотничью команду. Телеграфировал ему, чтобы подготовлял подобные предприятия возможно основательно. Неудачи, даже небольшие, крайне нежелательны.

Командир 6-й дивизии ген.-майор Трусов оказался, по заявлению Засулича, не соответствующим своему положению. Нервничал и трусил. Истомил войска. Все говорил об отступлении. Повлиял на настроение вверенных ему войск.

Приехал ген.-лейт. бар. Штакельберг, новый командир 1 Сибирского корпуса. Военный выдающийся.

20 апреля.

Пережил тяжелых двое суток. Третьего дня был в Мукдене. Осматривал местность для лагеря корпуса и для батальона Сретенского резервного полка. Батальоны представились хорошо, но офицеров поразительно мало, есть роты по одному ротному командиру и то подпоручику из запаса. В двух батальонах всего 12 обер-офицеров с адъютантами. Мне сделал визит и долго сидел у меня дзянь-дзюнь. В 12 часов или около часа пополудни получил депешу от Засулича, что японцы бомбардируют Тюренчен из 120-миллиметровых и полевых батарей[1]). У нас тяжелые потери. Смертельно ранен батарейный, ранен Мейснер, бригадный. Что он сам там был, понял, что держаться нельзя, и приказал отступать. Отступили в порядке.

Приехав в Ляоян в 6 часов, получил депешу начальника почтово-телеграфной конторы в Фынхуанчене, что он снимает аппараты и отступает на Ляоян. Захаров нашелся и приказал оставаться. Тогда мы получили известие от коменданта Фынхуанчена, что туда появились одиночные люди с поля сражения, что обозы охватила паника вследствие нападения японской кавалерии... Затем Сахаров получил длинную депешу генерал-майора Трусова, отозванного в Ляоян за малодушие. Она начиналась заявлением, что он был прав, указывая на необходимость отступления. Его не послушали, нас обошли, и отряд разбит, что орудия потеряны. Явился верхом командир батареи с 50 конными артиллеристами. (Потом говорили, что этот именно командир первый прискакал к обозам и распространил панику.) Что явился знаменщик 22 полка со срезанным знаменем, говоря, что полк уничтожен, и пр. Что он, Трусов, решил принять общее командование в Фынхуанчене и делает распоряжение об общем отступлении в Ляоян. Я тотчас приказал ему продолжать путь до Ляояна и командование принять Столице ген.-майору (командиру бригады) и собрать все находящиеся и прибывающие обозы, построить их в порядке, рассчитать вооруженных нестроевых, принять меры к прекращению паники и охраны против возможного появления японской конницы. Позже, извещенный о панике в обозах в Фынхуанчене, оставил на позиции два полка с ген.-майором командиром бригады. Распорядился выдвинуть одну роту к реке Эйхо, на возможный путь появления конницы японцев, и двинул первоначально обозы третьего разряда на два перехода, а обозы 2 разряда на один переход. Полковник Добронравов, ехавший эту ночь в Фынхуанчен, встретил эти обозы в порядке. Мне прочли записку Орановского

[1]) Бой под Тюренченом начался в 5 час. утра 18 апреля 1904 г.

Засуличу с позиции у Пьямыня, где он устраивал войска. Он писал, что полки 9 и 10 вполне сохранились, остальные «в жалком состоянии».

При панике в обозах опрокидывали повозки, опрокинули повозки Красного креста, и китайцы разграбили все.

Засулич, по его донесению, возвратил всех лошадей из Фынхуанчена к повозкам, и все повозки были собраны. К утру выяснилось, что мы потеряли 22 орудия и 8 пулеметов [1]). Показывали, что потеряли потому, что большинство людей и лошадей было перебито, а на людях нельзя было тащить вследствие гористой местности. 9 и 10 полки остались совсем целы и в полном порядке на передовой позиции прикрыли расположение наших войск. Японцы сделали большую ошибку, не преследуя наших войск. Могли бы нанести отряду окончательное поражение.

27 апреля.

Начинаем успокаиваться после неудачи 18 апреля. Чем более выясняется подробностей, тем более преклоняешься перед геройским поведением 11 и 12 стр. полков. При 84-рядном составе потеряли почти по 900 чел. каждый. Есть роты, потерявшие много свыше половины состава и все сражавшиеся. Из трех потерянных батарей две не могли увезти своих орудий. Одна — Покотилло,— повидимому, могла спасти хотя часть орудий. Надо следствие. Одна батарея из 100 лошадей потеряла 98. Бригадный ранен, два батарейных убиты. Большинство офицеров убиты или ранены. Нижних чинов в двух батареях выбыла большая часть. Тяжелая местность затрудняла спасение.

Сегодня Восточный отряд уже на перевалах Феншуйлинского хребта, Карцев со своею бригадою нашелся, где и было предположено, т. е. впереди Саймадзы. Донесения его не доходили. Кажется, что и деятельность 11 сотен не была достаточно энергична. Продолжаю опасаться за 21 полк, который должен был вместе с бригадою Мищенко прикрывать наш правый фланг на Дагушанском направлении. Его Засулич притянул из Дагушани к Фынхуанчену, сам отступил из Фынхуанчена, а 21 вернул снова на направление Дагушан—Сюянь. Сегодня этот полк должен прибыть в Сюянь.

Вчера началась высадка японских войск в Бидциво и южнее [2]). Наместник и Борис Владимирович едва успели проскочить из Порт-Артура к нам. Наместник при настоящем нашем расположении и неизвестности, куда еще японцы направят остальные силы, признал, что направление за 300 верст 18 батальонов из южно-манчжурского отряда, которые только и можно будет выделить, составит задачу очень опасную. Выделение этих сил лишит манчжурскую армию активности, а силы эти могут оказаться недостаточными, дабы помешать японцам блокировать Порт-Артур. При отступлении эти 18 батальонов могут лишиться своих сообщений. Им надо итти клином, имея море с двух сторон.

Надо ранее собраться с силами и уже потом итти вперед энергично. Ранее осени решительных действий нельзя начинать. Порт-Артур хоро-

[1]) Под Тюренченом русская армия потеряла 73 офицера, 2 324 солдата, 22 орудия и 8 пулеметов.

[2]) Высадка 2-й японской армии ген. Оку вблизи бухты Кинчан у Бидциво началась утром 22 апреля 1904 г.

шо укреплен и снабжен запасами на 16 месяцев. Неоднократно высказывал мнение, что если Порт-Артуру грозит опасность десанта даже между крепостью и Циньчжоускою позициею, то положение 4 стр. дивизии, отделенной от Порт-Артура, станет опасным, и надо принять все меры к своевременному отступлению 4 дивизии к Порт-Артуру. Тогда там соберется 27 батальонов стрелков, крепостные артиллеристы и 6 батальонов морских экипажей, 2 запасных батальона. Вся сила гарнизона близко подойдет к 40 000 человек. Патронов по 1000 на винтовку. Командиры: Стессель, Смирнов и Кондратенко (особенно, говорят, последний) — выдающиеся начальники. Я уже не говорю про старого, милого мне, Фока, командующего 4 стр. дивизиею.

Но японцы, заняв Циньчжоускую позицию, укрепят ее чрезвычайно, и мне много придется пролить крови ранее, чем возьму эту позицию.

Настроение бодрое. Умеряю всех своим наружным спокойствием, но внутри более волнуюсь, чем то следовало бы для командующего армией. Нервы уже, очевидно, не те, что были 25 лет тому назад, ибо по ночам иногда сплю плохо. Надеюсь скоро взять себя в руки. Нечего и говорить, что не сомневаюсь в окончательном победном исходе войны.

Несколько раз, не имея возможности заснуть, вставал и горячо молился богу. На утро должен был опять быть совершенно невозмутимым и временами даже веселым.

Утешаюсь видом войск. С радостью и гордостью заметил, что бригады 31 и 35 дивизий, которые часто вижу, встречают меня доверчиво и ласково. Отвечают на приветствие весело, и, главное, в той улыбке, еле заметной, но сродняющей меня с солдатами, которую я начал видеть на лицах некоторых солдат, когда обхожу фронт, я чувствую, что твердая связь между мною и этими славными полками создается и крепнет. Я помню подобные улыбки или приветливые лица у нижних чинов и офицеров Туркестанского отряда. Офицеры все относятся ко мне с полным доверием.

30 апреля.

Высадка войск в Бидциво до сих пор какая-то загадка. Несомненно, что высадились значительные силы, но не верится, чтобы это была армия. Наши попытки узнать без серьезного боя, сколько же высадилось, не имели успеха. Наши конные части натыкаются на цепь отдельно выдвинутых пехотных частей и постов, которые встречают наших огнем. Выдвинутые роты окапываются. Мы успели восстановить разрушенную японцами дорогу и провести в Порт-Артур поезд большой важности: с мелинитовыми бомбами, пулеметами, патронами. Отличился подполк. Спиридонов. С радости из штаба наместника было получено распоряжение пропускать все грузы в Порт-Артур. Но японцы снова напали на дорогу и снова разрушили ее. Получилось известие, что они тронулись на север.

Мне вырисовывается план японцев следующим образом. Поставив заслон против Порт-Артура, они решились действовать против манчжурской армии тремя армиями: одной с Ялу (быть может, усиленной двумя дивизиями), одной с юга (от Бидциво) и одну армию высадят в Гайджоу и Инкоу. Соберется до 150 батальонов.

Если подкрепления к нам не подойдут, то удержаться в Ляоянском районе с 75 батальонами будет очень трудно. Все же придется попы-

таться дать отпор, если они разбросаются. Вчера после месячного перерыва в Ляоян прибыло два батальона пех. Верхнеудинского полка. Государь прислал мне депешу, в которой указывал на необходимость сосредоточиться, что мы и делаем. Указывал на опасное положение отряда Зыкова [1]), из которого отряд этот уже вышел (прибыл в Гайджоу). Алексееву государь телеграфировал, что я могу собрать 88 батальонов, с которыми могу дать отпор двум японским армиям. Горячится... Надо более спокойствия.

4 мая.

Японцы произвели демонстрацию высадки у Гайджоу, ближе к Сеньючену. Мы сделали все приготовления, дав отпор в Инкоу, очистить этот пункт. Утром оказалось, что тревога была фальшивая. Со стороны 1-й японской армии тоже мне непонятны действия японских войск. Они уже заняли Сюянь. Ясно обозначили направление движения к Далинскому перевалу и Хайчену, что нам улыбалось. Потом вдруг очистили Сюянь и стали обратно стягиваться к Фынхуанчену. Объясняю себе это движение действиями наших пяти казачьих полков со стороны Саймадзы и Куэньсяня. Эти движения, в связи с молодецким налетом партизанского отряда Мадритова на сообщения в Корее у Аньчжоу, могли дать идею японцам нашего перехода в наступление на их сообщения. Если это так, то мы выиграли неделю времени, что весьма для нас важно.

Прибыл весь Красноярский пех. полк и 5 Сибирский каз. полк.

Усиленно подготовляем позиции под Ляояном. Но южный фронт этих позиций очень мне не нравится: в 47 верстах лежат сильно-командующие высоты, с которых отлично видны наши укрепления. Позиций под Ляояном, собственно, нет. Их пришлось выдумать, чтобы прикрыть этот важный узел путей. Позиция у Айсандзяня тоже нехороша. Она слишком длинна (на два корпуса) и обходима, особенно с левого фланга. Несколько важнейших путей через Феншуйлинский перевал обходят эту позицию. Несколько дней идет дождь. Дороги опять растворились. Переход в наступление будет тяжел, особенно для артиллерии. С двумя японскими армиями силою около 100-108 батальонов пехоты я надеюсь справиться и не отступать от Ляояна. Борьба с тремя армиями, если до этого времени не успеют подойти подкрепления, будет, пожалуй, нам непосильна, если японцы не сделают ошибки. Особенно опасаюсь превосходства их в артиллерии. При трех армиях они будут иметь артиллерии вдвое более, чем у нас.

Заняв высоты над Ляояном и уставив их батареями, они сделают трудными сообщения с нашими опорными пунктами.

Готовлюсь к решительному бою с твердостью, но иногда тревожусь за исход дела, если превосходство будет слишком велико.

Стараюсь на всех действовать полным наружным спокойствием и хорошим, ровным расположением духа. Это удается.

Послал ген.-лейт. Келлера командовать Восточным отрядом вместо ген. Засулича. Его престиж подорван делом на Ялу. Рассказам нет конца и, как всегда, очень много преувеличений.

---

[1]) Чтобы противодействовать высадке японцев под Бидциво, Куропаткин двинул туда отряд ген.-майора Зыкова в составе 7 батальонов. Зыков до места высадки не дошел, а успел занять участок железной дороги южнее ст. Вафандян, благодаря чему сношения с Порт-Артуром на короткое время были восстановлены.

5 мая.

Осматривал сегодня 5 Сибирский каз. полк. Представился хорошо. Командир Путинцев. Знал его еще в Кульдже, как ординарца Колпаковского. Бригадный Чириков — очень твердый администратор. Надо надеяться, что будет и хороший строевой начальник. Лошади лучше забайкальских. Крупнее, лучше кормлены. Люди крупные. Вид серьезный, почти сумрачный. Видно, что предстоящая деятельность их не радует. Хозяйство дома оставлено частью на баб. Из-за Манчжурии их втечение четырех лет крепко расстраивают, призывая со службы [1]) второй раз.

Обоз несообразно велик. Придется перейти на вьючный.

11 мая.

В Ляоян прибыли 2 Сибирская пех. дивизия и три полка сибирских казаков. Сегодня осмотрел 6 Енисейский и 8 Томский сиб. полки и 7 Сибирский каз. полк. Ранее осмотрел бригаду пехоты и бригаду казаков. Все части представились очень хорошо. Офицеров в пехотной дивизии достаточно. Нижние чины крупны, возрастны, казаки угрюмы. В Томском полку более 4 000 человек. В казачьем полку 1 051 казак, 922 строевых и 167 обозных лошадей.

Из пехоты лучше других представились Красноярский и Томский полки. Обозы в большом порядке. Много сверхштатных, с двумя лишними комплектами патронов. У некоторых нижних чинов обувь стала приходить в расстройство. Сегодня убедился, что в полках 2 Сибирской дивизии не вполне заботливо отнюсятся к пище нижних чинов. Обед — несвоевременно. Пища дается разнообразно: в одних ротах находят мясо, в других говорят, что не нашли. Вчера возвратился из Ляндасаня, где осматривал 11 батальонов главных сил Восточного отряда. Представлял ген.-лейт. гр. Келлер. Войска представились бодро, отлично.

Дух в 11 и 12 полках сохранился прекрасный. Полки укомплектованы до 180 чел. в роте. Офицеры тоже пополнены. Бивак разбит несколько беспорядочно. Ночевал. Утром сделал парад. Собралось свыше 10 000 чел. Передал благодарность именем государя. Кричали «ура». Потом наградил нескольких (30 чел.) крестами. Вызвал всех кавалеров и раненых, оставшихся в строю, и провел мимо них войска. Прошел и сам, отдавая им честь. У храбрецов были слезы на глазах. До 100 человек уже теперь из числа раненых в строю. Сегодня пошла партия в 120 чел. тоже раненых, не хотевших ехать в Харбин. Много рассказов о деле 18 апреля. Винят Засулича.

Осматривал позицию у Ляндасаня. Сильна горами более декоративно, чем действительно. Нет ближних обстрелов. Приказал дополнить, спустившись вниз. Не обеспечили второй дороги для отступления. Приказал начальнику штаба распорядиться об этом. Оба фланга обходимы.

Вчера наместник прислал ко мне Жилинского с письмом, в котором указывает, что, по его мнению, наступило время манчжурской армии перейти в наступление или к Ялу или к Порт-Артуру для выручки его. И этот совет дан, когда еще не определилось, куда высадится

[1]) Так в подлиннике.

третья армия японцев! Воистину, мы создаем авантюристическую стратегию. Дали расшатать свой флот. Теперь принимаемся за армию. Ответил Жилинскому, что мы готовимся встретить удар трех японских армий. Что если удар определится не на нас, то помощь Порт-Артуру будет оказана, но что прежде всего надо определенно знать, куда японцы направят удар своих главных сил.

Жилинский, сам подсчитав, признал, что более 20—24 батальонов мы не можем отделить для действий к Порт-Артуру.

Завтра буду готовить ответ.

16 мая.

Был 14 мая в Мукдене. Передал наместнику письмо. Высказываюсь в нем, что для нужд собственно манчжурской армии, если бы Порт-Артур мог держаться годичный или, во всяком случае, не двухмесячный срок, не следовало бы переходить в наступление ни против Куроки, ни против 2-й армии, а продолжать сосредоточиваться. Но ввиду заявления Алексеева, что Порт-Артур продержится всего 2—3 месяца, признал, что как ни рискованно, как ни противно обычной (по книжкам) стратегии, но придется двинуться на помощь Порт-Артуру, как только определится, что японцы главный свой удар направляют на Порт-Артур. Движение полагал начать после прибытия к армии 3 Сибирской дивизии. Если бы против нас высадилась 3-я армия, то такое движение признавал бы рискованным до прибытия дальнейших подкреплений. Может получиться невероятный слоеный пирог, если мы наступлением японцев от Ялу будем отрезаны от корпуса войск, высланного к Квантуну.

Просто удивляться надо, как одна ошибка ведет за собою массу тяжких последствий. Выходит, что наш флот не только не помог в должной мере, и в мере, как то рассчитывалось сухопутной армиею, но еще может послужить причиною нового и тяжелого частного поражения части наших сил, двинутых к Квантуну. Мы, в сущности, что не скрывает и Алексеев, пойдем на выручку не крепости, а флота. Тяжело. Поживем — увидим, но жертву принести надо.

Сегодня отправил побригадно 2 Сибирских дивизии: одну в Восточный отряд, другую с Левестамом на направление Далин—Хайчен. На горах вся дивизия будет занимать перевалы рядом. Двинул резервные войска в первую линию.

29 мая.

Получил сегодня от Стесселя депешу (через Чифу по беспроволочному телеграфу), что японцы приостановились в наступлении против Порт-Артура, что на Нангалинской позиции их одна дивизия, в Дальнем два полка, один полк в Талиенване, что до 40 000 стоит севернее Циньчжоуской позиции, что моряки составили протокол о выходе на будущей неделе в море, что Витгефт все не решается на это, что мы укрепляемся на Волчьих горах.

По нашим разведкам, японцы в значительных силах стоят у Пуландяна. В общем можно думать, что шесть японских дивизий так называемых 2-й и 3-й японских армий занимают двумя дивизиями Квантун, двумя дивизиями стоят против нас и две дивизии имеют в резерве у горы Самсона, к северу от перешейка. Собираю у Вафангоу корпус Штакельберга в 32 батальонах. Авангард этого корпуса из 6 батальонов уже в Вафандяне.

Куроки демонстрирует и крайне растягивается. При достатке сил и транспортных средств дает отличный случай переходом в наступление овладеть Фынхуанченом и разбить его армию по частям. Саймадзы очистил. От Сюяня, им занятого значительными силами, потянулся к востоку. Очень опасаюсь, что действиями 3-й армии с юга и Куроки с востока корпус Штакельберга будет поставлен в тяжелое положение. Особенно боюсь прорыва нашего расположения от Сюяня на Гайджоу. Принимаю меры дать отпор.

Из Мукдена[1]) все тянут ту же ноту: скорее, скорее, и побольше. Если бы их послушаться, то мы уже теперь нарвались бы на беду. «Прости им, боже, ибо не ведают, что творят» — невольно стоит в уме. Стыдно Жилинскому, проявившему такую податливость адмиральским бредням! Адмиралу, привыкшему плавать по морям, проходя сотни верст в сутки, простительно забывать, что пехотный батальон не быстроходный крейсер, но Жилинскому забывать это стыдно.

Послал два письма адмиралу, в которых в спокойной форме документально изобличаю, как менял он свои мнения о плане действий, о силе Порт-Артура, как отказывался последовать моему совету усилить гарнизон Порт-Артура, как он ошибся в роли нашего флота. Заключаю вопросом: насколько командующий манчжурской армиею может быть ответственен за бездеятельность флота при высадке в Бидциво и при атаке японцами Циньчжоуской позиции, а также за перемену взглядов на крепость Порт-Артур? В феврале адмирал в депеше государю (от 12 февраля) признавал желательным, чтобы японцы напали на Порт-Артур, ибо эта крепость надолго задержит японцев. Теперь адмирал заявляет, что Порт-Артур — не крепость и держаться не может.

3 июня.

Вчера опять выпал на нашу долю несчастный день. 1 июня Штакельберг отбил успешно атаку японцев у Вафангоу. Оканчивая донесение государю, он выразился так: «Завтра я атакую правый фланг противника». Это обещание, данное заблаговременно, без проверки, кто против него и как расположены, он и сдержал. Не дав развиться наступлению японцев, причем мы могли бы причинить им тяжелые потери, он отдал приказ бригаде 35 дивизии обходить правый фланг противника, а 1 стрелковой дивизии наступать с фронта. Всего Штакельберг располагал 36 батальонами, из которых 10 я ему подвез по железной дороге в последние два дня. Японцы сами перешли в наступление против нашего правого фланга. Штакельберг направил против них все свои резервы, но не мог удержать и вынужден был к отступлению. Потери должны быть большие, но еще не приведены в известность. Тяжело, что мы потеряли снова 13 орудий 1 стр. арт. бригады. Штакельберг выразился, что они были «расстреляны и испорчены». Как велось отступление ночью, не знаю. Особенно трудно было отступать бригаде 35 дивизии. Отступали тремя дорогами и к рассвету сего числа должны были собраться в Ванзелин. Ночью был у телеграфного аппарата и говорил с Спиридоновым на станции Ванзелин. Там был полный порядок, обозы, по словам начальника прикрытия (две роты и казаки), отходили в полном порядке. Одиночных раненых не было

[1]) В Мукдене находилась главная квартира наместника Алексеева и его штаб.

видно. Точно главною дорогою не пользовались, а были от нее отрезаны. Странно, что начальник обоза никаких приказаний не получал и строил обозы вагенбургом. Мне хотелось вытянуть все обозы второго разряда по дороге, но не сделал этого, опасаясь расстроить расчеты Штакельберга. По сведениям в Ванзелине, он приостановил отступление, и у меня одно время явилась надежда, не остались ли мы победителями. Утром Штакельберг прислал депешу, из которой я узнал, что он отступал ночью, собирает корпус у Ванзелина и будет далее отходить на Гайджоу. Тут же поместил о больших потерях и утрате 13 орудий [1]). С утра до сих пор (4 ч. попол.) нет снова известий. Утешаюсь тем, что нет худа без добра, что мы, под давлением Алексеева, поддержанного Петербургом, сунулись вперед неготовыми и получили новый урок. Если Штакельберг успеет благополучно отойти к Гайджоу, то опасность отрезания его минует. Куроки прозевал, повидимому, очень благоприятную минуту нанести Штакельбергу тяжкое поражение, выйдя у Гайджоу в разрез сил манчжурской армии (эшелонированной тонкою линиею) и Штакельберга. Есть польза и в том, что от Порт-Артура отвлечено до 4-х дивизий.

Очень буду рад, если ранее работы с Порт-Артуром японцы решились напасть на манчжурскую армию всеми силами, чтобы отбросить ее из Южной Манчжурии. Мы выйдем на долину, где наши неуклюжие обозы начнут нам приносить пользу, наши орудия перестанут составлять тяжелое бремя, каковое они составляют в горах, и огромные транспортные средства, которые мы не можем создать, не понадобятся. Войска в долине вздохнут свободнее. Наша конница воспользуется своим превосходством. Коммуникационные линии японцев удлинятся. Первоначально, вероятно, придется попытаться не допустить соединения первой армии с третьею. Затем возможно вести бой у Гайчена, наконец, у Айсандзяня и последний — у Ляояна. Завтра или послезавтра придется выехать к войскам.

Жара стоит тяжкая. Сижу весь мокрый. Голова тяжелая.

10 июня.

Японцы подвигаются, хотя и медленно, с двух сторон. С юга они уже заняли Сеньючен. Главные силы нашей конницы отошли почти к Гайджоу. Штакельберг действовал на этом направлении не с должною энергиею, хотя я и не поощрял его к упорному сопротивлению. Опасность положения его корпуса, если бы он был слишком выдвинут вперед, вытекает из двух причин: 1) японцы со стороны наступления Сюянь—Дашичао могли бы отрезать этот корпус, и 2) японцы все еще могут ударить главными силами к Гайчену, причем, чем положение Штакельберга будет более выдвинуто, тем оно будет опаснее. Мищенко с незначительными силами с большим успехом противится наступлению японцев от Сюяня. Рядом смелых действий мелкими частями он несколько раз заставлял японцев отступать. Отлично действует казачья батарея и конно-горная пограничная стража. Сегодня у нас там потери 3 офицера и 25 нижних чинов. Японцы отступили от Мадявойцы. Но слабое сопротивление японцев на этом направлении

[1]) В боях под Вафангоу, происходивших 1—2 июня 1904 г., потери со стороны Штакельберга составили: 124 офицера, 3 348 солдат и 17 орудий.

указывает, что их немного, и это обязывает к осторожности со стороны Далина.

Сегодня осматривал позиции перед Дашичао. С фронта можно укрепить довольно сильно, но обход левого фланга легок. Оттуда и будет главная опасность, а принятие мер против этой опасности весьма затруднительно.

11 июня.

Приехал Жилинский, имея высочайшее повеление рассмотреть «по документам» правильность действий Штакельберга 1 и 2 июня. Документы оказались в его пользу. Он принял неправильное решение, но все распоряжения были сделаны своевременно, и войска отступили в полном порядке. Но несомненно, что этот генерал вызвал к себе общую ненависть в командуемом им отряде. Сочиняют совершенные небылицы. Наслушавшись их, наместник и послал Жилинского, высказав заранее решение, что Штакельберга надо сменить.

Видел Штакельберга. Здоровье, хотя и слабое, но позволяет ему нести службу. Указал ему на резкое обращение его с подчиненными, что вызывает в них мнение, что Штакельберг не любит войск, и ответную нелюбовь к Штакельбергу. Указал, что надо взять себя в руки и изменить отношение к подчиненным. Постараться одержать успех. Тогда все будет забыто.

Наши разведки выяснили, что за японскими силами, кои теснят Самсонова, идут от Ванзелина 9 полков пехоты, 18 эскадронов конницы, 90 горных орудий. Может собраться против меня 4—5 дивизий с юга, 3 дивизии Куроки, итого 7—8 дивизий. Даже без резервных бригад это составит 96 батальонов. Но хуже всего то, что Куроки может пойти на меня и со стороны Далина на Хайчен. Кроме того последние, готовящиеся к отплытию из Японии, тоже могут сделать высадку — у Сеньючена. Тогда соберется против манчжурской армии 11 дивизий. Это был бы самый выгодный для России случай. Мы могли бы, постепенно отходя, привлечь эти силы на долину и одним хорошим ударом нанести им поражение. Тяжело то, что мы не знаем точно, с какими силами имеем дело. Может быть, 7—8 дивизий, может быть, 4—5. Разница в способе действий для нас огромная. В первом случае — оборона, во втором — наступление. Позиция у Дашичао невыгодна. Удерживать ее против превосходных сил опасно: можно быть разбитым. Покинуть ее преждевременно, когда у противника, быть может, 5—6 дивизий, невыгодно, ибо мы ему передадим Инкоу с его запасами (не говоря о нравственном влиянии на Китай вести, что Инкоу в руках японцев). Передадим Дашичао — довольно развитую железнодорожную станцию.

С наступлением периода дождей равнина у Дашичао покрывается водою. Не понимаю еще хорошо, как будут расположены войска. При атаке нас в период дождей превосходными силами, если мы потерпим неудачу, обозам не отступить. Без дождей воды в Дашичао мало. В Хайчене для расположения войск много выгоднее. Задал сегодня начальнику штаба и генерал-квартирмейстеру задачу: выяснить вопрос, принимать ли нам бой у Дашичао или не принимать. Если не принимать, то принимать ли бои у Хайчена или Айсандзаня.

Третьего дня ездил в 35 дивизионную бригаду. Поблагодарил их за службу. Роздал по 3 креста на роту. Подбодрил всех. Полки Зарай-

ский и Моршанский отличны, Мартынов и Петров — выдающиеся командиры, но бригадный ген.-майор Гласко совершенное дерево («может быть не трус, но глуп»).

13 июня.

Передвинул 1 и 4 Сибирские корпуса вперед, чтобы затруднить по возможности соединение армий Куроки и Оку и этим выиграть время. Удержал в резерве у Дашичао 5 стр. дивизию и 2 бригаду 31 дивизии. В этот же день со всей линии получил депеши о переходе японцев в наступление. Они начали переходом в наступление против Ренненкампфа на Саймацайском направлении, а сегодня двинулись значительными силами на Модулинский, Феншуйлинский перевалы и на Далинский перевал. Все это в связи с значительным усилением войск на направлении Сюянь—Гайджоу указывает, откуда готовится главный удар. На всякий случай приготовления сделал, но, принимая возможность только демонстративных действий, резервов своих (очень скудных) не расходовал; я их придержал (бриг. 35 див.) в Дашичао. Через 4 дня начнут прибывать полки 9 пех. дивизии, и снова будем спокойнее за сбор достаточных сил для отпора японцам. По сведениям нашего военного агента в Париже Лазарева, вот как представляется (по сведениям из Токио) общее расположение японских войск (на обороте)[1]). Из чертежа видно, что предполагается, что японцы уже высадили 11 дивизий и значительное число к ним резервных бригад и из 11 дивизий 9 двигают против манчжурской армии.

18 июня.

Сделал с войсками небольшой поход на Далин — Хайченское направление за Симучен. Нас сбили с Далинского перевала с потерею 300 человек убитыми, ранеными, без вести пропавшими. Защищались слабо. Хотя Левестам — надежный генерал. Две полуроты по одной на каждом из флангов были окружены, отрезаны, и мы никаких усилий к их выручке не сделали. Особенно плохо действовал войсковой старшина Кузьмин-Караваев, командовавший 7 Сибирским полком. Он отступил без боя, не попытавшись выручить порученную его командованию полуроту. Отставил его от командования полком и посылаю туда полк. князя Трубецкого.

Собрал против японцев 45 батальонов, но они отступили. Произвел разведку, которая и выяснила отступление японцев.

Пошли дожди. Два дня были мокрые; дороги испортились. Обозы продвигались с великим трудом. Двуколки, даже пустые, в одну лошадь, останавливались и требовали помощи людей. Речки разлились и стали непроходимы вброд. В районе 4 корпуса ливень поднял воду в долине Танчи настолько, что было унесено много войскового имущества. Были и человеческие жертвы.

Против Восточного отряда японцы продолжают продвигаться вперед. Келлер отступил от Хояна, и штаб его уже находится всего в 10 верстах от Ляньдженя. На случай движения в этом направлении значительных сил посылаю гр. Келлеру значительные подкрепления. Надо будет там перейти в наступление и снова занять перевалы: Феншуйлинский 1-й, Модулинский и Феншуйлинский 2-й.

[1]) В дневнике — чертеж от руки. Внизу его помета: «По донесению полк. Лазарева 9 июня».

На южном фронте японцы продвигаются вперед очень медленно. Опасаюсь их наступления вразрез двух корпусов. Часть войск Куроки после удачных боев, кои вел Мищенко у Черных гор, отступила по направлению к Сюяню. Мы двинулись следом. Много биваков, где видны следы обильные кровавого поноса. По показаниям местных жителей, японцы у Черных гор потеряли до 600 человек. Мищенко действовал молодцом.

25 июня.

Вчера и сегодня японцы со стороны Сеньючена двинулись вперед двумя дивизиями, потеснили наши передовые посты, заняли позицию у Баосиджан и, наконец, заняли сегодня высоты к югу от котловины, в которой расположена станция Кайджао, и приступили к укреплению их. Наступление на сегодня приостановилось.

Сегодня являлся мне очень смелый офицер Читинского полка доброволец прапорщик Раберг, присланный генералом Мищенко. Он с двумя казаками пробрался к Далинскому перевалу, ночевал две ночи в горах вблизи японских биваков (пешком) и высмотрел расположение японцев. Обстоятельно по карте доложил, где был, что видел. По его словам, у Далинского перевала две группы биваков. Каждый на полк или на бригаду, а у Вандянцзы на 3 версты протяжения идет бивак, по крайней мере, 20 батальонов пехоты. Впереди бивака устроен склад запасов. Сложены ящики. Лежат запасы, прикрытые брезентами. По ранее полученным показаниям от корнета...[1]), накануне боя у Далина там было 27 батальонов. Возвратившийся из отбившихся стрелков насчитал 100 рот несколько дней после боя отходящими от Далинского перевала к с. Вандянцзы. Все эти три показания вместе с свидетельством ген. Левестама, что против нас действовало до 2-х дивизий, удостоверяют, что на направлении Далин—Хайчен мы имели и имеем две или даже три японских дивизии (в том числе твардейскую). Против Восточного отряда боем выяснено присутствие трех полков 2 японской дивизии (убитые японцы принадлежали к трем полкам). По показаниям наших разъездов, усмотрены за перевалами биваки двух бригад. По показаниям жителей, в Таинку приехал Куроки и собирается наступать на Ляоян с 40 — 50 000 чел. В общем пока удостоверено присутствие одной дивизии, но, может быть, таковых собирается две, даже три. На направлении Саймадзы боем Ренненкампфа с 23 стр. полком удостоверено у Аньямыня присутствие бригады и даже, быть может, трех полков пехоты с 18 горными орудиями. С убитых снятые погоны удостоверяют присутствие 12 див. Часть этих сил, по донесению Ренненкампфа, тоже направилась против Келлера. На южном фронте удачными боями Мищенко и его разведками установлено, что японцы направили значительные силы по направлению Сюянь — Гайджоу, затем оттянули их назад и оставили против Мищенко и передовых частей 4 корпуса одну дивизию. Довольно большое число убитых японцев и пленных указывает, что это — 10 дивизия. Против Штакельберга разведками с боем (Самсонов) удостоверено присутствие двух японских дивизий на направлении железной дороги. Установлено также присутствие довольно многочисленных пехотных частей в горном районе в долине с

[1]) Пропуск в подлиннике.

центром у с. Ямулинзы, но силы, там находящиеся, ни лазутчиками, ни разведчиками нам не удалось выяснить. Между тем у нас было ранее показано о 108...[1]) орудиях у Фуджоу, соответствующих трем дивизиям.

Таким образом, сведения наши о противнике все еще недостаточно полны, и он, овладев перевалами, стоит в непосредственной от нас близости и благодаря большой своей подвижности может воспользоваться нашим растянутым расположением.

Келлер предполагает, что Куроки идет на него с своими главными силами около 50—60 батальонов. На Хайченском направлении могут думать с основанием, что главный удар готовится против них силою до 3-х дивизий с резервными бригадами. На южном фронте ждут, что японцы обрушатся на нас силами до 6—7 дивизий. Есть в этих предположениях, конечно, ошибки, ибо, по всей видимости, такими силами японцы не располагают, но несомненно, что б о л ь ш а я ч а с т ь я п о н с к и х в о о р у ж е н н ы х с и л ныне притянута к манчжурской армии. Японцы сами теперь различают три группы войск, действующих против манчжурской армии: 1) армию Куроки, которому, повидимому, отведен фронт против Восточного отряда, с базою (передовой) в Фынхуанчене, 2) армию Дагушанскую, действующую против Далинского перевала к направлению на Тончи, с передовою базою в Сюяне, и армию Оку, действующую от Квантуна.

Можно предполагать:

1) У Куроки	3 дивизии	
2) В Дагушанской группе	3 »	
3) У Оку	3—4 »	
(Считая тут и резервные войска).		

Знаем мы присутствие:

1) У Куроки	2 дивизии	
2) На Дагушанском направлении	2 »	у Далина
	1 »	к Тончи
3) У Оку	2 »	
	7 дивизий	

Если к ним прибавить еще одну дивизию у Ямулинзы, то, вероятно, против нас стоит 8 дивизий, а весьма может быть, 9 и даже 10. Таким образом, главные силы японцев стоят на южном фронте. Атака этих сил будет поддержана атакою со стороны Далинского перевала. Быть может, эта атака со стороны Далинского перевала начнется даже ранее, чтобы ослабить нашу южную группу.

Вероятно, на Ляоянском направлении и на направлении к Мукдену будет только демонстрация. Но значение Ляояна так велико, и каждый успех на этом направлении в 100 верстах от сбора нашей южной группы войск может таким тягостным образом отразиться на ходе всей войны и поставить армию в тяжелое положение, что я признал необходимым сильно занять это направление. Ныне на этом направлении сосредоточены: 10-го корпуса 24 бат., Восточный отряд 18 бат. плюс 23 стр. полк, плюс 1 бат. 1 див., всего 46 батальонов. С 4 батальонами у Мукдена это составит силу в 50 батальонов. На Хайченском направлении имеем во 2 Сибирском корпусе 22 бат. и у Хай-

[1]) Одно слово неразборчиво.

чена оставлена бригада 31 дивизии,—всего 30 батальонов. На южном фронте продолжаю иметь 1 и 4 корпуса — 48 батальонов и бригаду 35 дивизии — 56 батальонов. Через два дня начинает прибывать голова 17 корпуса, которые направляю в Дашичао и Хайчен.

По всем военным соображениям мне следовало бы отойти к Хайчену и там дать бой. Я был бы в лучшем положении, чем теперь. Разброска значительно уменьшилась бы. Позиция у Хайчена несравненно лучше, чем у Дашичао, но такое отступление было вы весьма невыгодно в политическом отношении. Китайцы могли бы окончательно потерять к нам доверие. Японцы овладели бы Инкоу. Нам пришлось бы взорвать «Сивуч»[1]). Отход к Хайчену заставил бы нас оставить и позицию у Симучена, т. е. мы прекратили бы работу по устройству железной дороги в Шахедзе. По всем этим причинам, в зависимости от сил противника, которые еще могут обнаружиться, я готовлюсь дать им бой у Дашичао. Если пойдут дожди, то это будет необычайный бой. Передвижения станут почти невозможны иначе как шагом, утопая в грязи. Орудия будут двойною тягою передвигаться с величайшим трудом. Обозы застрянут прочно. Наступление более легко снаряженной японской пехоты все будет легче, а особенно при горной артиллерии. При отступлении мы рискуем потерять орудия и обозы, и все же, вероятно, бой придется принять.

Я более всего боюсь, что если отступлю к Хайчену, то японцы удовольствуются достигнутым результатом, прочно займут высоты к северу от Гайджоу, сделают из них Плевну, прочно займут Инкоу и не атакуют меня, а будут ждать нашего перехода в наступление.

27 июня.

Сейчас подписал продиктованные мною депеши наместнику и военному министру о том, что решительного боя под Дашичао я не приему, а, защищаясь лишь в арьергардах, постепенно отойду к Хайчену и уже там приму решительный бой. При этом придется оставить Инкоу. Жертва большая. Принимаю это решение с сознанием его важности. Армия была (и есть еще) растянута на 100 верст по линии железной дороги, а в глубину к востоку до передовых частей Куроки и Нодзу остается лишь около 40 верст. Даже если бы я одержал успех на южном фронте, но был разбит на Хайченском или Ляоянском направлениях, мне пришлось бы отступить назад после победы. Кроме соотношения числа войск надо принимать во внимание, что наши начальники своими ошибками могут облегчить противнику стать на наши сообщения. Отступая к Хайчену, я выигрываю время для подхода головных частей 17 корпуса. Главное — сосредоточившись, я получу более шансов одержать полную победу над врагом.

Вчера японцы против 1 корпуса, по свидетельству барона Штакельберга, развернули до 4-х и даже свыше 4-х дивизий. Шли из всех щелей, довольно широким фронтом. Наши арьергарды действовали, по общим отзывам, прекрасно. Потери противника должны быть значительны: шел густо. Против некоторых рот 36 полка до-

[1]) Канонерская лодка «Сивуч» стояла на р. Ляохе в рейде Инкоу. После оставления позиций у Дашичао было потеряно и Инкоу. «Сивуч» поспешно отвели вверх по Ляохе и там взорвали и затопили.

шло почти до рукопашной схватки. Потери у нас убитыми и ранеными до 150 человек. На других позициях вчера было все спокойно.

Заготовленные депеши наместнику и военному министру о том, что под Дашичао я не приму решительного боя, держу у себя, не посылая их, ибо если японцы потеряют время и дадут возможность усилить войска 1 и 4 корпусов бригадою 17 корпуса (полки Нежинский и Болховский), то бой можно будет принять с надеждою на успех.

2 июля.

Когда сидел несколько дней тому назад Случевский, он рассказал мне о своем длинном представлении государю. Его величество был спокоен и верил в благополучный исход войны, но сознавал все ее трудности, сознавал, какое несчастие причинила эта война России. Сознавал, и кто главный виновник войны. Он обратился к Случевскому и сказал ему: «Я — виновник войны».

Оку, Нодзу и Куроки все не переходят в наступление. Потеряли еще драгоценную неделю времени. За это время в Хайчен успела прибыть бригада 35 дивизии. Если промешкают еще десять дней, то в Дашичао высадится 3 пех. дивизия, и мы будем в силах принять бой, не отдавая Инкоу.

Окончил сегодня второй объезд позиций у Дашичао. Частности, особенно на позициях первого корпуса, хороши, но в общем позиция вполне неудовлетворительна. Прежде всего она чрезмерно длинна — 12 верст. Для обороны ее надо четыре, а не два слабых корпуса. В середине ее разделяет большой скалистый массив, занятие которого вынудит отступление войск с обеих частей позиции. Левый фланг легко обходим горами. Перед фронтом позиций 4 корпуса много местных предметов, способствующих подходу без больших потерь. В особенности на крайнем левом фланге лежит большое селение, облегчающее приближение. Передовая позиция 4 корпуса лучше, но она оторвана от позиций 1 корпуса, и фланги тоже не обеспечены. Устроенные на позиции укрепления только могут быть отнесены к легким полевым профилям. Местных усилений почти не сделано. Расположение артиллерии мне представилось очень разбросанным.

5 июля.

Вчера гр. Келлер имел неудачное дело. Для перехода в наступление ему было подчинено 43 батальона. Из них он привлек для наступления 32 батальона. Выбрал направление на Феншуйлинский перевал. Я ему дал указание не задаваться сразу целью дойти до перевала, а поскромнее, хотя до ближайших горных позиций (где кумирня), с тем, чтобы закрепить за собою пройденное, продвигаться медленно, но твердо, обходить, действовать всеми родами оружия. Вышло не так. Колонна ген. Кашталинского — 14 батальонов — заняла без боя высоту у кумирни, но с соседних высот при движении вперед была встречена сильным огнем артиллерии и пехоты, отлично примененной по горным сопкам. Попытка Кашталинского взять «массив» (вероятно, командующая высота) была неудачна. Сперва послал один батальон, а когда его отбили, то еще три и тоже отбили. Артиллерию свою Кашталинский отправил в тыл (полевую батарею). Когда

Келлер приехал на позицию, он, по своему донесению, нашел беспорядок и отсутствие общего руководства боем со стороны Кашталинского. Цепи отступали. Лечицкий с 24 полком и 9 стр. полк однако действовали, по словам Келлера, доблестно. Не введя в бой даже частных резервов, не израсходовав общего резерва, Келлер дал приказание отступать к прежним позициям у Тхавуана. Потеряли ранеными 12 офицеров и 450 ниж. чинов. Убитыми 2 офицера. Число убитых нижних чинов еще не выяснено.

Келлер считает, что все раненые увезены и подобраны нами.

Второй раз Келлер слишком спешит приказанием отступать. Первый раз на перевалах, второй — теперь.

Таким образом, три самых надежных генерала в армии — Засулич, Штакельберг и Келлер потерпели неудачи.

Сегодня утром начали прибывать головные эшелоны третьей пехотной дивизии, последней из состава манчжурской армии.

8 июля.

Вчера был в Мукдене. Предложил наместнику на выбор: 1) сосредоточить 17 корпус (24 батальона) у Дашичао и перейти в наступление против Оку или 2) сосредоточить 17 корпус в Ляояне, дабы перейти в наступление, насколько то позволит период дождей, против Куроки со стороны Келлера и Гершельмана. Жилинский решительно высказался за второе направление. Наместник несколько колебался, но затем, признав, что Куроки нас близко прижал к железной дороге, высказался тоже за второй способ. Колебался потому, что при втором способе нельзя принимать решительного боя против превосходных сил у Дашичао, а надо отходить к Хайчену, т. е. потерять Инкоу.

Решение вышло кстати, ибо получилось известие, что Гершельман с 2 бригадой 9 дивизии вел два дня бой с японцами, но вынужден был отступать с позиции у Сихеяна и отступил на Гудзядзы. Путь на Мукден оказался открытым для японцев. Сегодня же получено известие, что японцы быстро собирают к Сихеяну значительные силы, до 30 тысяч, при свыше чем 50 орудиях.

9 июля. Аньпин.

Довольно богатая китайская деревня. 1 бригада 31 дивизии становится биваком, вместе с штабом 10 корпуса и главною квартирою. Ранее пришедший с Ляндасаня Пензенский полк содержал бивак недостаточно опрятно. Люди имели бодрый и сильный вид. Шел с Тамбовцами. День был жаркий. Отсталые были, но не особенно много. Дорога была сухая, и обоз двигался без особых затруднений. 4 батареи шли легко. Обоз телеграфной роты тяжел.

В общем войска, и прибывшие из России и незнакомые еще с моими требованиями, ведут себя хорошо, но отдельные случаи жалоб существуют. В Аньпине потребовал старшину, который заявил, что несколько дней тому назад убили двух китайцев, были и штыковые раны за то, что они не хотели отдать солдатам и казакам (следовавшим отдельно, без части) своих ослов. Назначил расследование.

Получил донесение лазутчиков, что японцы деятельно укрепляют Феншуйлинский перевал и ныне доставили туда несколько крепостных орудий. Доносят, что японцы привели на Феншуйлин и корейские войска.

Видел в Аньпине лазарет Харьковского земства. Прекрасно содержан. До 20 тяжело раненых. Уход хороший.

13 июля.

Отход 2 бригады 9 пех. дивизии Гершельмана от Сихеяна к Гудзядзы открыл Куроки путь на Мукден. Я быстро собрал на этом направлении 10 корпус (24 батальона) с тем, чтобы или сбить их у Сихеяна или, если бы Куроки двинулся к Мукдену, двинуться на его сообщения. Лично 10-го приехал в Гудзядзы. Объехал все части 9 пех. дивизии. Народ хороший, но слишком великовозрастный. В Полтавской губернии в некоторых уездах взяты все возрасты запасных. Хуже других выглядел Елецкий полк, расположенный на авангардной позиции. Много заболеваний желудком. Бивак не устроен; скорее табор. На крутом скате, в сосновой роще, которая при ближайшем исследовании оказалась старым китайским кладбищем. Подстилка нижним чинам была недостаточная. Очевидно, стали болеть. Корпус совсем не приготовлен к движению по горам и без дорог. Нет ни одной вьючной лошади, ни одного ишака в ротах. Нет бочаг для воды, которые на вьюках можно было подвезти в горы. В результате роты, посылаемые для охранительной службы по сопкам, остаются целые сутки, получив вареную мясную порцию и свою баклагу с водою. Никакой варки, нет подвоза воды. Иногда, чтобы набрать воды в ключе, где таковая есть, приходится работать на спуск и подъем три, четыре часа времени.

Возвращаются усталые, более чем нужно.

Арьергардная, или вернее авангардная, позиция плоха. Перед нашим биваком лучше. Объехал часть ее. Видел с разных сторон всю. Поработав, можно корпусом войск остановить всю армию Куроки.

Японцы против нас удачно выбрали позицию и деятельно укрепляют ее. Высота на левом фланге их позиции, повидимому, должна будет послужить первым предметом для наших наступательных действий. Особо толково докладывал мне про эту позицию поручик Янчис, выдающийся офицер, начальник охотничьей команды 12 стр. полка.

Собирал перед отъездом из лагеря всех начальников частей. Сказал им сильную речь. Определил роль 10 корпуса, указал на особенности театра военных действий и на особенности противника Указал приемы. Случай у Келлера при наступлении — отрицательный. Указал, что наступил новый период кампании. Что больше не должно быть сомнений. Надо готовиться итти вперед и жертвовать собою. Что мы должны победить. Что оглядываться назад и думать об отступлении теперь уже не надо. Прежде, когда мы были слабы и разбросаны, это было неизбежно. Теперь нужно искать боя и стараться наносить как можно более вреда врагу нашему.

Приказал Случевскому энергично готовиться к наступательным действиям, заводить ишаков, вьючных лошадей, водоподъемные средства. Для ускорения готовности немедленно выслал ему из Ляояна несколько сот вьючных лошадей с керосиновыми банками, при-

способленными вместо бочаг (хорошо очищенные). Приказал начать постепенное овладение позициею неприятеля. Приказал, если бы Куроки переправился через Тайдзыхе и двинулся к Мукдену, то Случевскому начать движение, невзирая на неготовность его корпуса, дабы выйти на путь отступления японских войск при их наступлении от Бенсиху к Мукдену. Приказал деятельно подготовить дорогу для движения 17 корпуса по дороге, по которой двигался 10 корпус.

15 июля. Хайчен.

Жары стоят невозможные. Период дождей запоздал. Сейчас 5 час. пополудни, и в вагоне, где я пишу, 26½° по Реомюру тепла. Сижу раздетый и весь мокрый. Служба войска стала очень трудна. Болезненность увеличивается, но боремся против нее усердно.

10-го японцы вели усиленную артиллерийскую подготовку атаки наших позиций у Дашичао, часть пехоты продвинулась против 1 корпуса и заняла наши бывшие арьергардные позиции у Дочону.

11-го с рассвета снова начался по всей линии артиллерийский огонь, который продолжался весь день. Мы не только выдержали его, но даже некоторые батареи заставили замолчать. Расход патронов был большой. Вечером японцы повели наступление в промежуток между двумя корпусами в направлении горного массива, разъединяющего позиции корпусов. Но этот промежуток Зарубаев уже успел занять Барнаульским, Томским и Омским полками. Устроили и несколько ложементов. Бой был горячий. Несколько атак было отбито. С позиций у Нандалина было приказано ген.-майору Шилейко перейти в наступление, дабы ударить в правый фланг японцев. Но наступление было произведено только одним батальоном. Японцы повторили еще несколько атак почти в темноте, но храбрые Барнаульцы отбили их переходом в наступление. Дело доходило до штыков, мы взяли достаточно их ружей и амуниции. Мы удержали все, даже передовые, позиции. Тактически победили вполне. Зарубаев тем не менее решил отступить. Мотивировал это боязнью за следующий день. Позиция—16 верст. Резерв был израсходован кроме трех батальонов; силы противника определены, как превосходные; вести от Засулича казались тревожными. В результате после победы мы ночью начали отступление к Хайчену, не тревожимые противником. Инкоу оставлено. Это потеря большая. Но в общем надлежит признать, что армия выиграла в более сосредоточенном расположении. Теперь в Хайченском районе мы имеем три корпуса. Такое сосредоточенное положение к Хайчену особенно важно ввиду предположенных активных действий к стороне Куроки. Сегодня осматривал укрепленные нами позиции у Хайчена. Сильные позиции. Надо будет отстаивать их крепко. Так я сказал и войскам, что далее отступать не будем, а примем решительный бой у Хайчена (если на других фронтах будет благополучно).

Труднее нам охранять наш правый фланг. Японцы будут делать попытку овладеть Ньючуаном, что не следует допустить.

С периодом дождей сообщение с Ньючуаном станет почти невозможным.

Эти дни против Засулича все тихо.

Наши потери в бою 11 числа не приведены еще в известность [1]). Все раненые подобраны и вывезены. Их 490 человек. Убитые Барнаульцы похоронены Барнаульцами позади их позиций, ранее отхода назад. Полк молодецкий.

22 июля. Айсандзян.

18 июля японцы перешли в наступление по всему фронту. Против южного фронта потеснили арьергард Мищенко (до 10 батальонов) и овладели важным перевалом в гряде гор, идущей к правому флангу расположения 2 корпуса Засулича. Проход защищал Павлов с казаками и конно-горною батареею. Поучительно, что перевал был атакован японцами ночью двумя батальонами. Посланная на помощь пехота уже опоздала. Став на перевале, японцы быстро укрепились и открыли в одну сторону действия против Мищенко, в другую — против Засулича. Мищенко защищался упорно и отошел назад лишь на две версты. Потерял свыше 200 чел. У Засулича в то же время шло горячее дело. С фронта сражались 5 стр. див., но главный удар был направлен против в обход правого фланга. Для парирования сего удара Засулич развернул длинную тонкую линию Козловского и Воронежского полков, которые сражались молодцами, особенно Козловцы, положили много японцев, ходили в штыки. Брали обратно занятые у них позиции, но удар на правый фланг со стороны высоты, взятой у Мищенко, решил все дело. Воронежцы подались назад и не могли увезти шесть подбитых и исковерканных орудий, втащенных на большую кручу. Это было место, конечно, горной артиллерии. Артиллерия наша, по общему отзыву, действовала великолепно. Засулич получил от меня приказание отступить к Хайчену. Засулич потерял свыше 1300 чел. Того же 18 числа Куроки перешел в наступление и атаковал Келлера на Тхаунлинской позиции. Атаковал скорее демонстративно. Мы понесли тяжелую потерю: убит гр. Келлер. Позиции отстояли, но 23 полк, с негодяем Волковым во главе, отступил без разрешения с позиции. С потерею этой позиции Кашталинский, принявший начальство, оставил и Ванзелинскую и отступил к Ляньденсянской позиции. Главный удар Куроки направил на 10 корпус. На передовых, занятых Случевским, позициях японцы напали на Тамбовский полк на биваке. Бивак оставили (обоз был ранее отодвинут назад), но полк быстро оправился и крепко отстреливался. Введя в дело полки Пензенский, Севский и Елецкий, кроме нескольких батальонов, Случевский удержался на своей случайной передовой и невыгодной позиции. Но в это же время была атакована у линии вторая бригада 9 див., с Мартсоном во главе. Ей вышли в тыл, пришлось отступать по дефиле. Понесли большие потери. Всего в этом бою действовало только несколько батарей (по местности требовалась горная артиллерия), но действовали хорошо. Всего Случевский потерял свыше 2 000 чел. Отступил на главную позицию у Гудзядзы. Затем, ввиду отхода авангарда Кашталинского к Ляньденсян, и Случевский отошел к Аньпилину.

Этот отход войск восточного фронта (объединенных мною по командованию в руках Бильдерлинга) вызвал необходимость отхода и

[1]) В боях 10 и 11 июля под Дашичао было со стороны русских потеряно 37 офицеров и 782 солдата.

войск Восточного отряда к Айсандзяну. Мы исполнили марш от Хайчена в Айсандзян втечение 20 и 21 июля. Расстояния были невелики, но жары все время стояли невыносимые.

Сейчас в вагоне, где я пишу эти строки, 28 градусов по Реомюру. Влажности в воздухе мало. Сижу весь мокрый. Жажда болезненная. Войскам, не спавшим во многих передовых частях накануне, было двигаться очень трудно. Масса,— особенно 4 Сиб. корп. Тобольского полка — ослабевала, преимущественно старших возрастных сроков. Я роздал в каждую роту 3—5 больших китайских арб, чтобы везти шинели или мешки, а если можно, то то и другое. Это очень облегчило. Оставался в Хайчене до шестого часа пополудни, чтобы видеть выступление арьергардов. Некоторые части шли в порядке, но в общем, особенно по Мандаринской дороге, обозы двигались разных корпусов, но двигались, не стесняя движения войск. Шли в 4 ряда. Лошади тащили хорошо. Конница шла в наибольшем порядке.

В Хайчене мимо меня прошли в наилучшем порядке Семипалатинцы.

Японцы не преследовали.

Вчера имел свидание с наместником, выехавшим, чтобы видеть меня, в Ляоян. Очень тревожится. Все спрашивал, нельзя ли мне перейти в наступление хотя против Куроки. Ответил, что удачи от этого наступления не жду. Войска утомлены. Жары невыносимые, ежедневно может начаться период дождей, главное, что еще нет подготовки в 10 и 17 корпусах, чтобы ходить по горам в обходы японских позиций без дорог. Что придется наступать без артиллерии. Что если Куроки переведет большую часть сил на правый берег Тайдцыхе, то Бильдерлингу надо атаковать.

Подготовил наместника, что, быть может, бой придется принимать у Ляояна. Указал ему на необходимость принятия энергичных мер к противодействию обхода Куроки наших позиций у Ляояна движением на Мукден. Наместник согласился телеграфировать государю правдивую картину переживаемых нами событий. Согласился просить присылки еще двух действующих корпусов; просить, чтобы не присылали нам и старшие возрастные сроки; просить, чтобы в каждый корпус дали по дивизиону горной артиллерии — 24 орудия, чтобы на каждый полк один батальон был снабжен вьючным обозом, чтобы четверочный обоз был заменен двуколками. Я тоже сегодня отправил вполне откровенную депешу государю. Свою депешу окончил указанием на необходимость безостановочно увеличивать провозную способность Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской железных дорог.

Все же, я думаю, что японцы пропустили удобное время нанести нам тяжелое поражение. Если бы Куроки двинулся к Ляояну, когда Штакельберг был выдвинут к Вафангоу и Восточный отряд состоял всего из 12 батальонов, разгром был бы полный, и мы дорого поплатились бы за алексеевские фантазии.

23 июля.

Осматривал вторично позицию у Айсандзяня. Невозможно длинна — 16 верст. За отсутствием войск и отказом жителей работать многое еще не окончено. Нет блиндажей, в конструктивном отношении опорные пункты слабы, рвы (в скале отрытые) неглубоки, мест-

ных преград не положено. Дорог проведено много. Правый фланг не имеет глубины. Левый прочнее. На позиции нет воды. Укрепления слишком видны с неприятельской стороны. Батареи устроены еще по старой методе — по самому гребню. Левый фланг позиции обходится горами. Правый скрыт по гаоляну.

Японцы подвигаются к нам, хотя и медленно.

28 июля. Айсандзян.

По донесениям от Бильдерлинга, он к наступлению не готов, но опасается и обороны. Высказывал мнение, что если мы хотим дать решительный отпор под Ляояном, то лучше не расходовать сил на оборону (упорную) позиций у Айсандзяня и Ляньденсяня. Что позиции, хотя сильные, но общим протяжением 40 верст. Что для упорной обороны ему надо прибавить еще дивизию пехоты в общий резерв.

Пошли дожди. Бильдерлинг и ген.-лейт. Иванов доносили, что Ляньденсянская позиция отрезана разлившеюся речкою от этапной дороги и Чинертуня. Можно потерять всю артиллерию и перетопить людей. Для японцев, по моему мнению, ныне представляется благоприятный случай двинуть часть или всю Дагушанскую армию вместе с армиею Куроки, чтобы прорвать центр нашего расположения — Восточный отряд — и быстро двинуться к Ляояну. Принимаю против сего меры.

Можно также ожидать, что, сбив нас с позиций у Ляньденсяня и заставив этим нас отступить и с позиций у Аньпинга и Айсандзяня, японцы, дабы заставить нас очистить Ляоян, двинут армию Куроки на правый берег Тайдзыхе, в обход Ляояна, или даже двинутся к Мукдену.

Ввиду растянутости позиций у Айсандзяня и для сохранения войск для боя под Ляояном и ввиду растянутости позиций на восточном фронте, я решил упорного боя на этих позициях не принимать, а принять только арьергардные бои и отходить всем к Ляояну. Там деятельно приготовляются, кроме главной, уже готовой, позиции, еще передовые позиции. Послал туда для работы Величко, Сотникова и других. Послал 5 батальонов из южной группы и притягиваю для той же цели 12 батальонов из 17 корпуса.

Японцы пока не двигаются. Тревожим их по ночам.

Каждый день нам важен. Сегодня в Мукдене высаживается голова 5 Сибирского корпуса.

31 июля Позиция Айсандзян.

Японцы приостановили свое наступление и дают нам время подвести войска 5 Сибирского корпуса. Надо продержаться до конца августа, не уходя из Ляояна ни далеко вперед, ни назад, и затем энергично перейти в наступление.

Горячо желаю, чтобы японцы увлеклись преследованием и подступили тремя армиями к Ляояну. Мы там будем достаточно сильны, чтобы противиться всяким обходам, и в то же время удачным переходом в наступление против армии Куроки можем отбросить его от гор, от его путей сообщения и избавить нас от необходимости вести тяжелую экспедицию в горную страну до р. Ялу.

Мечтаю об этом с марта месяца. Если бы не походы к югу на выручку Порт-Артура и увлечение обороной Инкоу, если бы не подталкивание к переходу в наступление отряда Келлера, то я, вероятно, уже по прибытии 5 Сибирского корпуса решился бы начать переход в наступление.

(Продолжение следует.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Агапеев, А. П., полк. ген. штаба, погиб на «Петропавловске».
Алексеев, Е. И., ген.-ад., адм., с 1903 г. наместник на Дальнем Востоке.
Бильдерлинг, А. А., бар. ген. от кав., ком. 17 арм. корп.
Васильев, М. П., кап. II ранга, флаг-капитан вице-адм. Макарова.
Величко, К. И., проф. инжен. академии, автор проектов крепостей Порт-Артура и Владивостока, генерал для особых поручений при команд. манчжурской армией.
Верещагин, В. В., художник, погиб на «Петропавловске».
Жилинский, Я. Г., ген.-лейт., гл. начальник полевого штаба наместника на Дальнем Востоке с 29 янв. 1904 г. по 5 янв. 1905 г.
Зарубаев, Н. П., ген.-лейт., ком. 4 Сиб. арм. корпуса.
Засулич, М. И., ген.-лейт., ком. 2 Сиб. арм. корпуса.
Иванов, Н. И., ген.-лейт., ком. 3 Сиб. арм. корпуса.
Кашталинский, Н. А., ген.-лейт., ком. 3 Вост.-сиб. стр. дивизии.
Келлер, Ф. Э., граф, ген.-лейт., ком. Восточного отряда.
Кирилл Владимирович вел. кн., нач. военно-морского отд. штаба ком. флотом Тихого океана (адм. Макарова).
Кондратович, Р. И., ген.-лейт., нач. 9 Вост.-сиб. стр. дивизии.
Кузьмин-Караваев, войск. старш., ком. 7 Сиб. полка.
Куроки, ком. 1 японской армией.
Левестам, М. Ю., ген.-лейт., ком. 2 Сиб. пех. дивизии.
Макаров, С. О., вице-адм., ком. флотом Тихого океана; погиб на «Петропавловске».
Мищенко, П. И., ген.-лейт., нач. Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии.
Моллас, П. И., контр-адм., погиб на «Петропавловске».
Нодзу, ком. 4 японской армией.
Оку, ком. 2 японской армией.
Ренненкампф, П. К., ген.-лейт., ком. Забайкальской каз. дивизии.
Рожественский, З. П., ген.-ад., вице-адмирал, ком. 2 эскадрой Тихого океана.
Романов, М. Я., ген.-м., ком. 3 див. в отряде Штакельберга.
Сахаров, В. В., ген.-лейт., нач. полевого штаба манчжурской армии, с 19 октября 1904 г. начальник штаба главноком. всеми сухопутными и морскими вооруж. силами, действ. против Японии.
Скрыдлов, Н. И., вице-адмирал, после гибели Макарова был назначен ком. флотом Тихого океана.
Случевский, ген., ком. 10 арм. корпуса.
Смирнов, К. Н., ген.-лейт., комендант крепости Порт-Артур.
Старк, О. В., вице-адм., б. ком. Тихоокеанской эскадрой.
Стессель, А. М., ген.-лейт. В 1903 г. назначен нач. 3 вост.-сиб. стрел. бригады и комендантом крепости Порт-Артур, каковым был до 1904 г., когда был замещен ген.-лейт. Смирновым. Будучи начальником района обороны Порт-Артур, сдал крепость японцам, за что был присужден к заключению в крепости на 10 лет.
Столица, М. С., ген.-майор, нач. штаба 1 арм. корпуса, затем ком. 31 пех. дивизии.
Трусов, А. А., ген.-м., ком. 1 Вост.-сиб. стр. дивизии до 16 апреля 1904 г.
Фок, А. В., ген.-лейт., нач. 4 Вост.-сиб. стрелковой дивизии.
Шилейко, А. Д., ген.-м., ком. 1 бригады 3 Вост.-сиб. пех. дивизии.
Штакельберг, Г. К., ген.-лейт., ком. 1 Сиб. арм. корпуса.

Расстрел иваново-вознесенских рабочих в 1915 г.

Расстрел рабочих Иваново-Вознесенска 10 августа 1915 г. слабо освещен в нашей литературе. Между тем это кровавое событие, вызвавшее стачки протеста по всей России и свидетельствующее о руководящей роли партии большевиков в революционной борьбе пролетариата в годы империалистической войны, заслуживает пристального изучения.

Публикуемые ниже документы, извлеченные из фонда департамента полиции, не дают подлинной картины борьбы рабочих Иваново-Вознесенска и расстрела их осенью 1915 г. Показаниям подпоручика Миллера, подполковника Овчинникова, генерал-майора Силы-Новицкого и проч., разумеется, нельзя верить. Воспоминания участников очевидцев из рабочих доказывают, например, что расстрел рабочих производился спрятанной в стороне заставой, без всякого предупреждения, совершенно неожиданно для рабочих [1]).

Тем не менее публикуемые здесь документы представляют ценность как новый материал для изучения революционной борьбы текстильщиков Центрально-промышленного района в годы войны.

Из документов совершенно ясно, во-первых, что экономическая борьба рабочих Иваново-Вознесенска, достигшая наибольшего напряжения в мае 1915 г., к августу перерастает в движение против войны, в борьбу против существующего строя, «за то, чтобы вести войну гражданскую, за то, чтобы смести всех палачей — от царя и министра до урядника».

Во-вторых, из документов выясняется, что начальник московской охранки, узнав от провокатора «областника» Романова о готовившихся стачках против войны, не мог предотвратить забастовки. Он пытался ликвидировать большевистское руководство и накануне событий арестовал 16 человек. Но арест не достиг цели. Большевистская группа с руководящим коллективом образовалась вновь и выпустила 3 печатных прокламации.

В-третьих, из документов ясно, что когда руководители охранки поняли, что им остановить движение не удастся, они не остановились перед расстрелом рабочих, вызвали войска и тщательно подобрали «заставу» — непосредственных исполнителей расстрела. Но сила революционного влияния рабочих на солдат была неодолима. Вскоре командование увидело, что 500 человек из иваново-вознесенского гарнизона «готовы поддержать бастующих рабочих». И этих солдат военное командование принуждено было выслать из города и перевести в разные части подальше от очага движения.

В-четвертых, документы свидетельствуют о том, что даже кровью остановить рабочее движение было нельзя. На расстрелы в Иваново-Вознесенске рабочий класс

---

[1]) См. А. Андрианов, «Текстильщик», издание «Мир», стр. 379 и след.

царской России ответил массовыми стачками протеста. Кровавая расправа в Иваново-Вознесенске вызвала возмущение во всей стране.

Царская охранка пыталась в Иваново-Вознесенске в 1915 г. повторить те же приемы и методы, которые она обычно употребляла, т. е. провокацию, аресты, расстрелы. Но все это уже не могло спасти царизм от неотвратимой гибели.

М. Иноземцев.

Справка департамента полиции за август 1915 г.[1]).

В первой половине минувшего июля месяца в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губернии, состоялась конференция представителей большевистского течения Российской социал-демократической рабочей партии, на которой, якобы, был избран комитет, присвоивший себе наименование Временного областного комитета.

На означенной конференции была вынесена резолюция от имени «Северного района Российской социал-демократической рабочей партии», в которой приводились следующие доводы (выдержки): «Принимая во внимание текущие события, группа находит современное положение страны критическим. Желая выйти из такого положения и следуя принципам социал-демократии, группа должна принять самые энергичные меры для возбуждения масс требовать права народу при помощи экономической стачки. При неудовлетворении, вести агитацию за вооруженное восстание с целью свержения современного правительства..., группа должна связать соседние организации воедино и избрать областной комитет, который должен дать директивы всем организациям...».

О предполагавшейся конференции в департаменте полиции были получены сведения своевременно, были указаны агентурой лица и места, откуда должны были прибыть представители на конференцию, но установить точно день, когда именно состоялась конференция, начальнику Владимирского губернского жандармского управления не удалось, вследствие чего не представилось возможным ликвидировать всех собравшихся, а потому формально установить всех участников конференции.

С начала сего августа месяца в фабричных центрах Владимирской губернии происходили собрания рабочих, на которых ораторы проводили мысль о необходимости требовать от правительства прекращения войны, свержения самодержавия и проведения в жизнь социал-демократической программы, причем на некоторых собраниях, как, например, в Шуйском уезде, 9 сего августа рабочим раздавались печатные прокламации, изданные «Иваново-Вознесенским временным областным организационным комитетом Российской социал-демократической рабочей партии», в которых осуждается война и проводится мысль вести войну гражданскую для того, чтобы «смести всех палачей — от царя и министра до урядника...»; в конце приведен призыв, обращенный к рабочим и солдатам: «Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир и свободу...»[2].

---

[1]) Центр. архив революции, фонд деп. полиции, особый отдел, 1915 г., д. № 5, ч. 13, л. 19. — Текст публикуемых документов подготовила к печати Е. В. Горелкина.

[2]) Прокламация опубликована в литературно-художественном альбоме «Расстрел ивановских ткачей 23 августа 1915 г.», Кинешма, 1924 г.

Донесение владимирского губернатора в департамент полиции от 1 августа 1915 г. № 563 [1]).

Иваново-Вознесенский полицеймейстер донес, что 26 июля в лесу, на расстоянии 7—8 верст от г. Иваново-Вознесенска, близ дер. Горино, Шуйского уезда, было собрание рабочих, на котором обсуждался вопрос о забастовке. На этой сходке между местными фабричными рабочими последовало соглашение о прекращении в недалеком будущем работ на всех фабриках с предъявлением сначала к фабричной администрации разного рода требований экономического характера, а затем уже, прикрываясь последними, предъявить требование о прекращении войны.

Сообщая о сем, добавляю, что мной поставлен в известность о сходках начальник губернского жандармского управления и шуйскому уездному исправнику предписано принять меры к наблюдению за недопущением подобных сходок.

И. д. губернатора вице-губернатор двора его императорского величества камергер Непароков.

Выписка из представления старшего фабричного инспектора Владимирской губернии от 4 августа 1915 г. № 38 [2]).

В последнее время среди рабочих и в городе (Иваново-Вознесенске) держатся упорные слухи о готовящейся забастовке-протесте против войны.

[Подпись.]

Прокламация Тверской группы РСДРП, распространявшаяся 5 августа 1915 г. на фабрике Гарелина в Иваново-Вознесенске [3]).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Что делать?

Товарищи, вот уже год, как земля захлебывается в нашей крови. Подкошены миллионы цветущих жизней, разорены целые края и народности. Калеки, как привидения, плетутся на каждом шагу, а голод протягивает к рабочему свои костлявые руки. Да это всё еще не конец. Буржуазия усиленно мобилизуется. На вновь открытых Земским и Городским союзами мастерских и заводах заготовляются новые смертоносные орудия и снаряды, в ряды войск призываются 18-летние юноши, а за ними последуют ратники ополчения 2-го разряда. Подготовляется новая бойня, новый год кровавых жертв.

Мы, товарищи, умеем жертвовать собою, когда этого требует наше рабочее дело. Это мы уже не раз на деле показали. Было бы ошибочно и непростительно, если бы мы хотя и [не] сознательно проливали бы свою кровь в пользу нашего заклятого врага—буржуазии. Вот почему следует задуматься над тем, чем же является настоящая война. С трибуны

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 13, л. 14.
[2]) ДП, П, 1915 г., д. № 74, л. 26.—Заголовок подлинника.
[3]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 13, лит. Г, л. 10.

Государственной думы и всевозможных съездов, при содействии печати, нас стараются уверить, что эта война народная, мы должны бороться за веру, славянство и родину, за прогресс и человечество. Мы знаем товарищи, что это все явная ложь. История нам говорит, что войны всегда велись господствующими классами в целях наживы, хотя прикрывались такими же громкими фразами, как сейчас. В наш капиталистический век войны вызываются соперничеством буржуазии национальных государств. Капиталистические классы живут лишь одною мыслью о наживе и стремятся произвести как возможно больше товаров. Скоро накопляется такое количество товаров, что сбыть их на внутреннем рынке невозможно. Накапливаются не только товары, но и капитал, является необходимость сплавить его на внешний рынок за границу. К этому прибавляется еще стремление наживы насчет слабых государств. К тому стремятся все государства. Тут сталкиваются ихние интересы, которые нельзя уладить мирным путем, а только войной. Примером этого служит русско-японская война, в которой обе стороны хотели разжиться насчет дряхлого Китая. И то же самое мы видим в настоящей войне. Австрийская буржуазия протянула свои щупальцы к Сербии. По своей старой болезни к Ближнему Востоку тяготела Россия и выступила в роли защитницы Сербии, скрывая под громкими фразами освобождения славянства те же завоевательные цели. Выход своим капиталам искала и Германия, давно выступившая серьезной соперницей не только с Францией, но и Англией. С одной стороны, она стремилась раскрыть для себя рынки таких отсталых государств, как Россия и Турция, с другой, побить английскую промышленность. Вообще стремления всех буржуазий сводились к одному— обеспечить рынок для своих товаров. Но свободных колониальных земель уже нет. Все державы оградили себя от чужих капиталов высокими таможенными стенами, хотя для своих капиталов хотели бы видеть эти стены раскрытыми. Осталась лишь одна возможность удовлетворить жажду наживы — раздвинуть силой границы своего государства или заставить силой раскрыть двери своим капиталам. В результате война. В ней национальные буржуазии борются за преобладание на мировом рынке. Но для ведения войны буржуазии нужна армия, а армия составляется из народа. Нужно этот народ убедить в том, что предпринятая авантюра — дело народа. Вот почему опять сыплются красивые фразы об освобождении славянства, об избавлении мира от милитаризма. Вот почему обе стороны стараются представить эту явно завоевательную войну войной оборонительной, вот почему говорят, что к войне не готовились и ее не хотели. Но и в мирное время переполненные казармы, ассигнование народных миллионов на нужды армии, бешеное состязание в вооружений нам говорят, что все государства готовились к войне и хотели ее.

Один только международный пролетариат в ней ничуть не заинтересован. Ему нечего питать вражду к своим инородным товарищам. У него нет противоположных интересов, а только общая порабощенность, общий враг в лице буржуазии и стремление свергнуть ее гнет. Еще ни одна война пролетариату ничего кроме тяжелых ран не дала. Даже так называемая отечественная война ничего не дала народу, он остался крепостным, как и раньше. Голод, язвы, ежевые рукавицы правительства дали себя знать пуще прежнего. Да и эта война ничего не принесет народу. Штык сменится фабричным станком и сохой. Жиз-

ненные силы пролетариата мало-по-малу будут высасываться фабричными стенами, — труд, голодовка и каторга.

Нет, товарищи, мы не можем связывать с этой войной никаких положительных задач. Стоя под знаменами международной социал-демократии, мы до конца должны остаться решительными противниками войны. Настоящую войну мы должны стремиться всеми силами немедленно превратить в гражданскую войну. Задача момента — не совместная работа с правительством и буржуазией под знаменами защиты отечества, а укрепление своей нелегальной организации, объединение всех своих сил для решительной борьбы с царской монархией. Товарищи, пусть же наша кровь прольется за наше рабочее дело, за освобождение труда, за свободу! На призыв буржуазии сплотиться и позабыть партийную рознь мы ответим новой борьбой с ней. На натравливание отдельных народностей [ответим] международным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Довольно братской крови!

Долой царскую монархию!

Да здравствует демократическая республика!

Тверская группа РСДРП.

Из донесения начальника московского охранного отделения в департамент полиции 12 августа 1915 г. № 292270 [1]).

7 сего августа, по поручению Иваново-Вознесенской с.-д. организации, в Москву приехал неизвестный по фамилии с.-д. партийный работник — «большевик», прибывший в Иваново-Вознесенск из г. Самары только в начале текущего месяца [2]).

В Москве он вел переговоры с одним из членов Областного бюро Центрального промышленного района РСДРП о решениях, принятых на состоявшейся в Иваново-Вознесенске районной конференции с.-д. большевистских групп Владимирской губернии и о намерении Иваново-Вознесенской с.-д. организации, совместно с такими же организациями других городов, попытаться поднять вооруженное восстание с целью свержения существующего государственного строя и учреждения демократической республики, приурочивая таковое к 8—9 сего августа.

Этот же «самарец» доложил «областнику», что окончательно вопрос о выступлении должен вырешиться лишь на массовке 8-го сего августа, на которую Иваново-Вознесенская с.-д. организация настоятельно просит приехать представителя Областного бюро.

Получив эти сведения вечером 7 августа, о коих немедленно телеграфировал вашему превосходительству и начальнику Владимирского губернского жандармского управления, и учитывая то обстоятельство, что поездка «областника» на массовку, на которой предположено обсудить вопрос о вооруженном выступлении, может только поднять настроение рабочих, мною была соответственно направлена агентура, благодаря чему поездка «областника» не состоялась, и «самарец» один, в сопровождении наблюдательных агентов отделения, выехал 8 августа

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 13, л. 24.

[2]) От Иваново-Вознесенской социал-демократической организации 7 августа 1915 г. в Москву приезжал Валериан Николаевич Наумов, где он виделся с членом Областного бюро Центрального промышленного района РСДРП, известным провокатором Романовым.

утром в Иваново-Вознесенск, о чем и было сообщено начальнику Владимирского губернского жандармского управления телеграммой от 8-го же августа за № 289285.

Арестовать «самарца» в Москве, ввиду крайней близости его к моей центральной агентуре, получившей от него и протоколы конференции, приложенные в копии к агентурной записке за № 292248, фотографический снимок с первой страницы коих при сем прилагается [1]), не представлялось возможным, но препятствий к задержанию его в г. Иваново-Вознесенске не встречалось, о чем и было сообщено начальнику вышеназванного управления.

Таким образом вопрос о демонстративном выступлении рабочих исходил исключительно от Иваново-Вознесенской с.-д. организации и в Москве совершенно даже не обсуждался, так как в здешних рабочих кругах еще и неизвестно о состоявшейся там конференции и о принятых на таковой решениях.

Об этом я считаю необходимым доложить ввиду того, что в тот же день, т. е. 10 августа, в Москве также произошло столкновение толпы с чинами полиции, но таковое решительно никакой связи с выступлением рабочих в г. Иваново-Вознесенске не имеет, а было вызвано следующим обстоятельством.

10 августа в Москве с утра распространился слух о взятии нашими союзниками Дарданелл, а затем об этом было и напечатано в вечерней газете «Вечерние известия».

Благодаря этому на центральных улицах города стало замечаться большое скопление публики, пытавшейся устроить, по случаю падения Дарданелл, патриотические манифестации, которые однако не допускались полицией.

Это же последнее обстоятельство и привело к небольшому столкновению толпы с полицией, причем 6 городовых получили синяки от ушибов, из коих один с кровоподтеком, из толпы же задержано во 2-ом участке Тверской части двое — один с ушибом и один с раной пашкой; заявлений же от других лиц. — возможно, получивших ушибы, — не поступало, и имеются ли в действительности таковые, неизвестно.

Полковник Мартынов.

Объявление Иваново-Вознесенского полицеймейстера [2]).

8-го сего августа мною получена от его превосходительства г. управляющего губернией следующая телеграмма:

«По дошедшим до меня сведениям, на некоторых фабриках города Иваново-Вознесенска происходят брожения рабочих, грозящие вылиться в забастовку. Признавая, что в настоящее тяжелое для родины время, когда каждый час бездействия фабрик отягощает и без того трудное положение наших братьев воинов, всякое прекращение работ наносит непоправимый вред России и доблестной армии и служит только лишь на пользу нашим врагам, предлагаю вам широко оповестить фабричных рабочих и все население города Иваново-Вознесенска, что будут приняты самые энергичные меры к недопущению беспорядков. Пусть всякий

[1]) Агентурная записка и фотографический снимок протокола конференции здесь опущены.

[2]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 13, л. 75.

знает, что в подавлении беспорядков я не остановлюсь принять самые крайние и решительные меры, но при этом выражаю твердую уверенность, что рабочие и все жители города Иваново-Вознесенска, проникнувшись важным настоящим моментом, сами поймут весь вред и не допустят никаких забастовок.

Управляющий губернией Ненароков».

Объявляя о сем по вверенной мне полиции, предлагаю гг. исполнительным чиновникам возможно шире оповестить население о вышеприведенной телеграмме г. управляющего губернией и с своей стороны предписываю отнюдь не допускать как в черте города, так и вне его никаких сборищ и собраний, а равно и проявления насилий над кем бы то ни было и принимать решительные меры к пресечению таковых в самом корне.

Иваново-Вознесенский полицеймейстер Авчинников.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Владимирской губернии в департамент полиции от 10 августа 1915 г.[1]).

Из Иваново-Вознесенска телеграфирует инспектор Полубенин: сегодня после обеда забастовало большинство фабрик участка, ожидаю общей забастовки, требований не предъявлено. Вице-губернатор сообщил: в Иванове — прокламации: долой правительство, войну; им объявлено: каждый час неработы — измена отечеству, строго карается, посланы стражники.

Селивановский.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Владимирской губернии в департамент полиции от 11 августа 1915 г.[2]).

Инспектор Иваново-Вознесенска Михайлов сегодня телеграфирует: не работают мануфактуры Покровская, ткацкая Гарелина, Витовой и Щапова; остальные работают полностью или частично; в участке Полубенина бастовали вчера все мануфактуры; забастовка, повидимому, создается небольшой кучкой рабочих, снимающих рабочих с фабрик. Подробно письменно.

Селивановский.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Владимирской губернии в департамент полиции от 11 августа 1915 г.[3]).

Сейчас еду в Иваново-Вознесенск. Едет вице-губернатор. Вчера стреляли в толпу. Есть убитые и раненые.

Селивановский.

Воззвание управляющего Владимирской губернией к населению г. Иваново-Вознесенска от 11 августа 1915 г.[4]).

Воззвание к населению города Иваново-Вознесенска.

Ввиду крайне тяжелых событий, происшедших в последние дни, я признаю необходимым довести до всеобщего сведения, что мною при-

[1]) ДП, IV, 1915 г., № 11, ч. 2, л. 148.
[2]) ДП, IV, 1915 г., № 11, ч. 2, л. 150.
[3]) ДП, IV, 1915 г., № 11, ч. 2, л. 149.
[4]) ДП, IV, 1915 г., № 5, ч. 13, л. 76.

няты самые решительные меры для прекращения всяких беспорядков. Строжайше запрещаются всякие сборища и призывы к забастовке, насильственные же действия будут подавляться силою оружия самым решительным образом.

Обращаюсь к населению города Иваново-Вознесенска с убедительной просьбой помочь властям в восстановлении порядка, помня, что всякий час забастовки крайне тяжело отражается на нашей родине, вынужденной вести упорную борьбу с лютым врагом, а всякие внутренние волнения приносят пользу только врагам нашим.

Управляющий губернией вице-губернатор Ненароков.

1915 года августа 11 дня.

Телеграмма прокурора Московской судебной палаты министру юстиции Щегловитову от 12 августа 1915 г.[1]).

В ночь на десятое августа жандармскими властями в Иваново-Вознесенске был произведен обыск и арестовано шестнадцать рабочих, которые были заключены в земский арестный дом. Десятого числа толпа рабочих в несколько тысяч человек двинулась к арестному дому с целью освобождения арестованных, но была остановлена воинской частью 199 запасного батальона, вызванной полицейместером, с выраженного по телефону согласия исправляющего должность губернатора. Ввиду агрессивных действий толпы, выразившихся в бросании камней и двух выстрелах, войсками произведен залп, коим 25 убито и 37 ранено. Сегодня фабрики не работают. К следствию приступлено. Подробное донесение будет представлено прокурором почтой.

Прокурор палаты Степанов.

Письмо управляющего министерством внутренних дел кн. Щербатова военному министру Поливанову от 13 августа 1915 г. № 81169[2]).

10 августа в городе Иваново-Вознесенске рабочие произвели беспорядки, для подавления которых был вытребован от местного 199 пехотного запасного батальона воинский наряд. После сделанного войсками залпа толпа рабочих рассеялась, оставив на месте 28 человек убитых и 39 раненых. По полученным мною сведениям, в состав означенного батальона входят две роты (500 человек), состоящие из местных фабричных рабочих, присутствие которых в г. Иваново-Вознесенске в настоящее время является опасным, так как есть основание предполагать, что они могут поддержать бастующих рабочих.

В виду изложенного имею честь просить ваше высокопревосходительство не отказать в зависящем распоряжении о немедленном переводе названных двух рот в местности, более отдаленные от фабрично-заводских районов.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам уверение в глубоком моем почтении и искренней преданности.

Князь Щербатов.

---

[1]) Фонд мин. юстиции, 2 делопроизв., 1916 г., д. № 56, л. 1.
[2]) ДП, IV, д. № 11, ч. 2, л. 151.— Воспроизводится с отпуска.

Доклад начальника петербургского охранного отделения управляющему министерством внутренних дел кн. Щербатову от 18 августа 1915 г. № 17242 [1]).

В дополнение к докладу моему от 17 сего августа, за № 17191 [2]), имею честь донести вашему сиятельству, что сего числа в виде протеста по поводу событий, имевших место в Иваново-Вознесенске и Костроме, явившиеся на нижеследующих заводах и выполняющих заказы военного и морского ведомств рабочие, не приступая к работам, разошлись по домам:

1) На чугунолитейном заводе «Новый Лесснер», (Большой Самсониевский просп., д. № 78) рабочие дневной смены в числе 3 000 чел.

2) На машиностроительном заводе «Старый Лесснер» (Самсониевская набер., д. № 3) из общего числа 1 000 человек дневной смены — 500 человек, не приступая к работам, разошлись по домам.

3) На трубочном заводе акционерного общества «Промет» (Тихвинская улица, д. № 13) не работали рабочие дневной смены в числе 500 человек.

4) На машиностроительном заводе «Феникс» (Полюстровская наб., д. № 2) не работали рабочие дневной смены в числе 1 400 человек.

5) В механической мастерской Бихнанда (Выборгское шоссе, д. № 82), не приступая к работам, разошлись рабочие дневной смены в числе 110 человек.

6) На трубочном заводе Барановского (Выборгское шоссе, 21) из общего числа 3 100 человек дневной смены не приступили к работам 140 человек.

7) На аэропланном заводе Лебедева (Комендантский аэродром) из числа 850 человек дневной смены 400 маляров и столяров не приступили к работам.

8) На заводе перевязочных средств (Черная речка, 41) из числа 75 человек, не приступая к работам, ушли 25 человек.

9) На механическом заводе акционерного общества «Промет» (Полюстровская набер., д. № 5) из числа 458 человек, не приступая к работам, ушли 407 человек.

Кроме означенных заводов сего числа на работавшем днем заводе «Вулкан» (Большая Спасская ул., д. № 28), не приступая к работам, разошлась по домам ночная смена в числе 1 100 человек.

Таким образом, втечение дня бастовало 7 582 человека.

Явившаяся сего числа ночная смена рабочих трубочного завода Барановского полностью приступила к работам.

На остальных же вышеуказанных заводах ночные смены к работам не приступали.

Забастовка объявлена однодневной.

Бастовавшие вчера рабочие завода «Айваз» сего числа после обеда все приступили к работам.

Полковник Глобачев.

---

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 61, ч. 2, лит. А, л. 109.

[2]) В докладе от 17 августа 1915 г., за № 17191, начальник петербургского охранного отделения сообщал управляющему министерством внутренних дел о забастовке протеста рабочих завода «Айваз».

Донесение главного начальника Московского военного округа начальнику генерального штаба от 18 августа 1915 г. № 194[1]).

Из донесения начальника 12-й пехотной запасной бригады, уведомления владимирского губернатора, а также из произведенного расследования состоящим при мне штаб-офицером для поручений подполковником Заходякиным мною выяснено нижеследующее:

До 10 августа, до дня возникновения в городе Иваново-Вознесенске крупных беспорядков, были разбрасываемы прокламации; одни были политического характера, взывающие к ниспровержению существующего порядка, и другие, составленные, повидимому, немцем или вообще не в совершенстве владеющим русским языком, приглашающие как русских, так и немцев для борьбы со своими правительствами.

Бывали митинги, на которых принимали участие некоторые нижние чины 199 пехотного запасного батальона.

10 сего августа в городе Иваново-Вознесенске возникли крупные беспорядки среди фабричных рабочих с выражением протеста против войны и требованием прекращения ее. Имелись сведения, что толпа бастующих рабочих намеревается освободить всех своих товарищей, которые были арестованы за подстрекательство к забастовке и беспорядкам.

Для предупреждения и подавления предполагаемого со стороны толпы насилия местным полицеймейстером, за недостатком чинов полиции, были вызваны от квартирующего в городе Иваново-Вознесенске 199 пехотного запасного батальона роты.

Названные роты, распоряжением командира упомянутого батальона, были сформированы из хорошо известных ему нижних чинов, всего численностью до 400 человек.

От рот были выставлены заставы, одна из которых, под командой прапорщика Носкова, поставлена вблизи арестантской, у полицейского участка.

Нижними чинами заставы было выпущено 56 пуль.

По немедленном приезде своем на место действия, командир 199 пехотного запасного батальона полковник Смирнов обнаружил камни не только на тротуарах и на месте, где стояла толпа, но и около самих убитых и раненых.

В настоящее время в городе Иваново-Вознесенске порядок восстановлен, ¾ рабочих уже встало на работы.

Из всего вышеприведенного усматриваю: 1) войска были вызваны полицеймейстером и 2) начальник заставы прапорщик Носков исчерпал все меры, указанные в статье 28 «Правил о призыве войск для содействия гражданским властям», и был вынужден действовать оружием.

Генерал-от-инфантерии Ольховский.

Дознание[2]).

На произведенном мною дознании, согласно предписания главного начальника округа от 18 августа 1915 г., за № 42016, о вызове войск и о действиях войск, вызванных для содействия гражданскому на-

[1]) ДП, II, 1915 г., д. № 74, л. 7.
[2]) ДП, II, 1915 г., д. № 74, л. 10.— Заголовок подлинника.

чальству, мною 19 августа в Иваново-Вознесенске были опрошены следующие лица.

Командир 199 пех. зап. батальона полковник Анемподист Иванович Смирнов, 60 лет, православный, живущий на Александровской ул., который и показал: 8 августа полицеймейстер Авчинников просил меня заехать к нему по очень важному делу. Я поехал, и он мне заявил, что готовятся крупные беспорядки, но уже не на экономической почве, а на политической, и предъявил мне несколько прокламаций, в которых значилось: ниспровержение императора, существующего правительства, долой цезаризм, самодержавие и долой войну, — по всему складу и оборотам, видимо, прокламация немецкого происхождения. Затем полицеймейстер заявил, что придется обратиться за содействием к войскам, и нужно условиться, что делать. Я заявил, что дробить частей не стану, а на важных местах поставлю заставы: тут же решили, где ставить их, а также, где поставить караулы: к банкам, казначейству, арестному дому и сторожевые посты к ренсковым погребам. Всего в наряд предполагалось 399 человек. Заставы должны были быть силою в 50 человек и состоять из одних учителей. Вернувшись от полицеймейстера, я сейчас же собрал офицеров и предложил им возобновить в памяти «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям» и указал, что следует всячески избегать кровопролития, но если придется действовать, то строго на основании инструкции. На другой день, часов около 12 с половиной, я получил от полицеймейстера отзыв о высылке войск на условленные пункты. 10 августа к 2-м часам войска уже заняли места, — это было в понедельник. В 6 часов полицеймейстер по телефону сообщил мне, что большая толпа, возвращаясь с митинга на кладбище, прошла на площадь около управы и требует выдачи арестованных накануне жандармским ротмистром им, и что положение очень острое [1]).

Начальник 11-й бригады, генерал-майор Сила-Новицкий.

Доклад начальника петербургского охранного отделения директору департамента полиции от 19 августа 1915 г. № 17333 [2]).

В дополнение к докладу моему от 18 сего августа, за № 17242, имею честь донести вашему превосходительству, что наблюдавшиеся за два истекшие дня забастовки в виде протеста против событий, имевших место в Костроме и Иваново-Вознесенске, сего числа проходили еще и на нижеследующих заводах, выполнявших заказы военного и морского ведомств:

1) На механическом заводе «Вулкан» (Большая Спасская улица, д. № 26), где явившиеся на завод рабочие дневной смены, в числе 1 100 человек, не приступая к работам, разошлись до домам.

2) На автомобильном заводе Пузырева (Головинская улица), где из общего числа 130 человек 122 человека ушли домой.

3) На аэропланной фабрике Слюсаренко (Ораниенбаумская улица, д. № 21), где явившиеся утром рабочие, в числе 75 человек, сейчас же разошлись по домам.

4) На механической мастерской Венцер (Каменноостровский пр.,

[1]) Опускаем дальнейшее описание хода событий, так как оно изложено в публикуемых здесь документах.

[2]) ДП, IV, 1915 г., д. № 61, ч. 2, л. А, л. 110.

д. № 58), где явившиеся утром на работы 35 человек, не приступая к таковым, разошлись по домам.

5) На заводе Дифлон (Лопухинская ул., д. № 8), где из общего числа 600 рабочих дневной смены 300 человек разошлись по домам.

Таким образом, втечение сегодняшнего дня по данному поводу бастовало 1 662 человека.

Бастовавшие вчера заводы сего числа почти все работают.

Кроме этих забастовок сего числа было прекращение работ на 2-х нижеследующих заводах: на Невском вагоностроительном заводе, где недовольные неполучением, по примеру других заводов, военного пособия 143 человека столярной мастерской, 72 обозной мастерской и 174 моторной мастерской предъявили к администрации означенного завода требование о выдаче им такого же пособия в размере — для холостых по 20 коп. и семейных — по 30 коп. в день на человека. Соглашаясь с необходимостью прибавки, администрация в присутствии фабричного инспектора предложила рабочим повышение оплаты каждому на 20 коп., на что рабочие не согласились и прекратили работы.

Явившиеся сегодня утром на верфь Путиловского завода рабочие, не приступая к работам, стали группироваться на дворе. Несмотря на все увещевания администрации, мастеровые заявили, что они не приступят к работам впредь до удовлетворения следующих требований: 1) освободить от высылки 5 членов Государственной думы; 2) продлить деятельность Государственной думы; 3) удалить германских и австрийских подданных (перешедших в русское подданство); 4) заменить вызванных из внутренних городов России полицейских чинов инвалидами и теми лицами, которые неспособны к отбыванию воинской повинности; 5) установить свободу печати; 6) ввести всеобщее избирательное право до 18-летнего возраста включительно; 7) отозвать казаков, охраняющих завод. После этого они спокойно разошлись по домам.

Перед обедом директором верфи было вывешено следующее объявление: «Путиловская верфь. Объявление. Сегодня с утра рабочие судостроительного цеха не приступили к работе, затем они предъявили ряд требований политического характера, заявив, что не будут работать до тех пор, пока эти требования не будут удовлетворены. Еще раз обращая внимание рабочих, что всякая забастовка в настоящее время является преступлением перед родиной, предлагаю рабочим спокойно приступить к работам со второй половины сегодняшнего дня, причем предупреждаю, что с неприступившими к работе придется поступить по законам военного времени, что особенно тяжело отзовется на запасных нижних чинах и ратниках. Директор верфи Николай Куренков».

Прочитав это объявление, явившиеся после обеда рабочие спокойно приступили к работам.

Полковник Глобачев.

Из доклада начальника петербургского охранного отделения управляющему министерством внутренних дел кн. Щербатову от 20 августа 1915 г. № 17379 [1]).

Рабочие завода «Вулкан», закончив однодневную забастовку в виде протеста по поводу событий в Костроме и Иваново-Вознесенске, яви-

[1]) ДП, IV. 1915 г., д. № 61, ч. 2, л. А, л. 115.

лись сего числа утром на завод и, не приступая к работам, предъявили к администрации означенного завода требование об увеличении расценков и выдачи им по примеру прочих заводов военного пайка в размере 30 коп.

Во время переговоров с директором означенного завода из толпы раздавались возгласы, что администрация умышленно задерживает сырье с тем, чтобы не давать рабочим заработка по расценкам, а ограничиваться выдачей только цеховых, благодаря чему заработок рабочего понижается с 4 на 2 рубля.

Желая притти к какому-либо соглашению с недовольными, администрация завода в присутствии фабричного инспектора дважды вела с ними безуспешные переговоры. Не добившись согласия бастующих приступить к работам, предложила им выбрать из своей среды уполномоченных, с которыми и предполагает урегулировать поднятый вопрос.

Забастовка на Невском вагоностроительном заводе продолжается. Собранными дополнительными сведениями выяснено следующее. Неудовлетворенные предложенной заводской администрацией двадцатью-копеечной прибавкою, рабочие означенного завода явились на работу и приступили к таковой только в некоторых мастерских. В большинстве же мастерских рабочие, не приступая к работам, стояли у станков.

Втечение сегодняшнего дня в правлении означенного завода состоялось заседание, на котором решено было требование рабочих удовлетворить. На основании состоявшегося постановления директором названного завода около 6 часов вечера было вывешено нижеследующее объявление:

«Правление товарищества, руководствуясь исключительностью момента, т. е. недопустимостью промедления нужд армии, решило повысить доплату к заработной плате, как военный паек, с 20 коп. на 30 коп. за каждый отработанный день, впредь до окончания войны, причем уплата будет производиться, считая со 2 сего августа, вместе с заработной платой».

После прочтения означенного объявления рабочие разошлись по домам, и, по предложению местного пристава, с завтрашнего дня они приступят к работам.

Ночная смена означенного завода, в числе 40 человек, к работам приступила.

Полковник Глобачев.

Отношение главного управления генерального штаба на имя управляющего министерством внутренних дел кн. Щербатова от 20 августа 1915 г. № 2759 [1]).

Главный начальник Московского военного округа донес, что все местные уроженцы, в числе 350 человек, поступившие в 1 и 2 роты 199 запасного батальона, квартирующие в г. Иваново-Вознесенске, еще 13 августа переведены в другой батальон, а на место их назначены более надежные нижние чины.

В целях еще большего обезвреженья упомянутых двух рот 199 запасного батальона генералом Ольховским делаются дополнительные

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 11, ч. 2, л. 156.

распоряжения о переводе нижних чинов, уроженцев Иваново-Вознесенска, в батальоны других запасных бригад.

Об изложенном имею честь уведомить ваше сиятельство, вследствие письма от 13 сего августа за № 81169.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

За военного министра [подпись].

Из отчета начальника Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции за август 1915 г. № 1230 [1]).

Местная организация партии социал-демократов.

Втечение отчетного месяца деятельность организации проявилась в следующем: в устройстве собраний Иваново-Вознесенской организацией, куда 8 августа прибыл из Москвы некто Валериан Наумов с прокламациями. 10 августа была произведена ликвидация всей организации. В настоящее время вновь образовалась группа с руководящим коллективом.

Были изданы или распространены втечение отчетного месяца следующие революционные издания:

Печатные прокламации: 1) Тверской группы РСДРП, 2) Московской с.-д. группы и 3) Иваново-Вознесенского Временного обл. комитета РСДРП.

Прокламация Комитета Тверской группы РСДРП. Август 1915 г. [2]).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проклятие убийцам!

Товарищи! Кровавый туман застилает всю Россию. Смерть выглядывает из-за каждого угла. Гибнут миллионы на поле брани за дело своих палачей, тысячи падают, пронзенные пулями царских прислужников здесь на местах. Не остыли еще трупы костромских товарищей, как пулким эхом отдались по России выстрелы по рабочим в Иваново-Вознесенске. Сотни наших товарищей расстреляны за смелость возвысить свой голос над пучиною лжи и бесправия. Вчера Лена и Кострома, сегодня Иваново-Вознесенск, а завтра, может быть, Петроград и Москва. Нет ни малейшей уверенности, что участь ленских, костромских и иваново-вознесенских товарищей минет нас. Так неужели, товарищи, будем спокойно смотреть, как из нашей среды вырывают одного товарища за другим, как царские палачи бесцеремонно расправляются с пролетариатом, как в корне стремятся уничтожить освободительное движение? Да можем ли мы молчать, когда затронуты наши жизненные интересы, когда пролетариат истекает кровью? Пролитая кровь наших товарищей взывает к мщению.

Заявим же мощно свой голос протеста против излюбленного прави-

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 13, лит. В, л. 16.
[2]) Фонд моск. охр. отд., 1915 г., д. № 30, л. 53.

тельством средства успокоения — расстрела! Да замолчат фабричные свистки, да высыпет весь рабочий народ на улицу, да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил, да затрепещут царские палачи!

Проклятье убийцам!

Смерть врагам!

Долой самодержавие!

Да здравствует революция!

Да здравствует демократическая республика!

Комитет Тверской группы РСДРП.

Москва. Август.

Письмо директора департамента полиции Моллова начальнику административного отдела главного штаба ген. Бонч-Осмоловскому от 31 октября 1915 г.[1]).

Ввиду необходимости всестороннего и единообразного освещения материалов по поводу предъявленного военному министру и министру внутренних дел запроса Государственной думы о незакономерных действиях власти в связи с забастовкой рабочих на фабриках и заводах гор. Иваново-Вознесенска[2]), имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать прислать мне имеющиеся в вашем распоряжении сведения, по существу коих г. военный министр предполагает дать объяснения Государственной думе.

В свою очередь препровождаю при сем справку по означенному запросу, составленную на основании имеющихся в министерстве внутренних дел данных[3]).

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Моллов.

Отношение начальника административного отдела главного штаба на имя директора департамента полиции Моллова от 7 ноября 1915 г. № 2880[4]).

Вследствие письма вашего превосходительства от 31 октября с. г., за № 141571, имею честь препроводить проект объяснения военного министерства по запросу Государственной думы от 14 августа 1915 года по поводу незакономерных действий власти в связи с забастовкой рабочих на фабриках и заводах г. Иваново-Вознесенска[5]).

Проект этот, по представлению военного министра, в заседание 25 сентября 1915 года заслушан и одобрен Советом министров.

Материалом для составления указанного объяснения послужило прилагаемое в копии донесение главного начальника Московского военного округа от 18 августа 1915 года, за № 194[6]).

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

В. Бонч-Осмоловский.

---

[1]) ДП, II, 1915 г., д. № 74, л. 33.—Воспроизводится с отпуска.

[2]) Запрос военному министру и министру внутренних дел, внесенный за подписью 38 членов Госуд. думы 14 августа 1915 г., опубликован в сб. «Рабочее движение в годы войны», изд. Центрархива, 1925 г., стр. 214.

[3]) Справку опускаем, так как она повторяет изложение хода событий, известных из предыдущих документов.

[4]) ДП, II, 1915 г., д. № 74, л. 44.

[5]) См. стр. 112.

[6]) См. стр. 106.

Объяснения военного министерства по запросу Государственной думы от 14 августа 1915 г. по поводу незакономерных действий власти в связи с забастовкой рабочих на фабриках и заводах г. Иваново-Вознесенска [1]).

В запросе, обращенном к министрам военному и внутренних дел, между прочим, указано, что 10 минувшего августа в 7½ часов вечера в г. Иваново-Вознесенске многотысячная, но совершенно безоружная толпа рабочих пошла на площадь к городской управе. Здесь двигавшаяся масса была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений. Упали убитые и раненые. Толпа бросилась бежать, вдогонку новые выстрелы — новые жертвы. Вследствие сего Государственная дума запрашивает:

1) Известно ли гг. министрам о вышеизложенных преступных действиях подчиненных им должностных лиц?

2) Приняты ли меры к незамедлительному расследованию совершившегося, с преданием суду участвовавших в расстреле должностных лиц?

Произведенным по настоящему делу расследованием выяснено нижеследующее:

В период времени, предшествовавший событиям 10 августа, в г. Иваново-Вознесенске были распространяемы среди рабочего класса прокламации политического характера: одни, взывавшие к ниспровержению существующего порядка, другие — приглашающие как русских, так и немцев объединиться для борьбы со своими правительствами. В это же время происходили и митинги.

Для предотвращения готовившихся на 10 августа беспорядков местным полицеймейстером, за недостатком полицейских чинов, на основании правил о призыве войск для содействия гражданским властям (прилож. к ст. 316 общ. учр. губ., т, II, св. зак. по продолж. 1912 г.), были вызваны роты от квартирующего в г. Иваново-Вознесенске запасного батальона.

Так как, по имевшимся в распоряжении полиции сведениям, рабочие намеревались, между прочим, силой освободить арестованных, за подстрекательство, своих товарищей, то охрана места заключения была вверена особой заставе, под командой офицера. Между 6 и 7 часами пополудни рабочие, собравшись перед зданием городской управы в количестве 4000 человек, предъявили требование об освобождении арестованных товарищей и после отказа полицеймейстера удовлетворить это требование, двинулись к помещению для арестованных, но на своем пути встретили вышеупомянутую заставу. Сильно возбужденная толпа, с криками: «Товарищи солдаты, присоединяйтесь к нам! Вы — наши товарищи, неужели вы будете в нас стрелять? Мы идем освобождать арестованных», надвигаясь на заставу, проявляла намерение обойти заставу и обезоружить ее чинов; в то время, когда один из толпы пытался отобрать револьвер у начальника заставы, другие хватали за винтовки рядовых. Начальник заставы, предъявив категорическое требование толпе удалиться, три раза предупредил, что при таком поведении толпы он принужден будет в нее стрелять, и приказал заставе отодвинуться на несколько шагов назад.

В это время из толпы полетел град камней, и оттуда же были сделаны два выстрела; начальник заставы подал три предупредительных

[1]) ДП, II, 1915 г., д. № 74, л. 45. — Заголовок подлинника.

сигнала свистком и только после попытки одного из вожаков броситься на него приказал заставе дать залп. Толпа тотчас же рассеялась, оставив на месте 16 убитых и 28 раненых. Впоследствии, по имеющимся сведениям от полиции, убитых и умерших от ран оказалось 27 человек, а раненых — 32 человека. Нижними чинами заставы было выпущено 56 пуль.

На месте происшествия были обнаружены камни на тротуарах, там, где стояла толпа, и около раненых и убитых.

Переходя к формальной стороне дела, прежде всего нужно заметить, что согласно ст. 6 правил о призыве войск для содействия гражданским властям (прилож. к ст. 316 общ. учр. губ., т. II, св. зак. по продолж. 1912 г.) право призыва войск принадлежит, между прочим, начальникам полиции в городах и уездах.

Согласно же ст. 30 тех же правил оружие (холодное или огнестрельное) может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил:

I. По передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе или барабане:

1) для рассеяния неповинующейся толпы;

2) против толпы, препятствующей движени войск.

II. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей, но с установленным троекратным предупреждением:

против толпы, оскорбляющей войска словами.

III. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей и без всякого предупреждения:

1) против толпы или арестантов, нападающих на войска или совершающих какие-либо враждебные против них действия;

2) против производящих в присутствии войск насилие над личностью, насильственное разрушение имущества (разгром), зажигательство или убийство;

3) против препятствующих или оказывающих сопротивление к задержанию лиц, подлежащих арестованию.

Примечание: Для предупреждения неповинующейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должны быть допускаемы.

Возвращаясь к событиям 10 августа, необходимо указать, что войска в данном случае были вызваны иваново-вознесенским полицеймейстером, требование которого об этом как лица, уполномоченного на то законом, должно было быть исполнено местным военным начальством.

Что касается затем действий воинской части, составляющей заставу, то, при сопоставлении фактических данных с требованием закона, нельзя не притти к заключению, что начальник заставы, при наличии враждебных по отношению к воинской части действий, выразившихся в натиске на эту часть, в стремлении ее обезоружить и, наконец, в бросании в нее камней и в стрельбе, имел право употребить в дело оружие без какого-либо о том предупреждения. Несмотря на это, начальник заставы принял возможные меры к предотвращению кровопролития и только вследствие безуспешности их был нынужден дать залп по толпе.

Таким образом к возбуждению судебного преследования против кого-либо из воинских чинов, причастных к событиям 10 августа, достаточных оснований не имеется.

Обвинительный акт по делу о крестьянах Петре Аркадьеве и других, в числе 30 человек, обвиняемых по I ч. 123 угол. улож. от 15 июля 1916 г.[1]).

С конца июля и начала августа 1915 года в г. Иваново-Вознесенске распространялись слухи о готовящемся выступлении рабочих, и днем выступления назывались или 8, или 10 и 11 августа. Характер выступления не определялся точно, но были сведения, что первоначально рабочими будет предъявлен ряд экономических требований, а затем выдвинуты будут и требования политического характера. 8 августа однако прошло спокойно, лишь в этот день и на следующий на фабриках и в местечке «Ямы», где исключительно почти живет фабричный люд, расклеены были прокламации. В ночь на 10 августа жандармской полицией произведены были среди рабочих обыски, в результате коих подвергнуты личному задержанию от 15 до 19 человек. Так как на 10 августа слухи указывали тоже как на один из дней, в который возможно выступление рабочих, то по Иваново-Вознесенску с половины дня этого числа для поддержания порядка был распределен 199 пехотный запасный батальон небольшими воинскими заставами с офицерами во главе.

10 августа около 10 часов утра на нескольких фабриках г. Иваново-Вознесенска было произведено группой рабочих, преимущественно молодежью, насильственное прекращение работ, причем на вопросы спрашивавших о причине забастовки рабочих снимавшие с работ не давали никаких объяснений, предлагая для выяснения сказанного обстоятельства явиться на площадь к городской управе. Прекращение работ началось на фабрике Грязнова, откуда рабочие направились на фабрики Гарелина, Полушина и др., где и продолжали снимать с работ фабричных, несмотря на протесты и нежелание некоторых из них; на небольшом числе фабрик одноко рабочие воспротивились забастовке и продолжали работать частью в полном составе, частью же возвращались к работе отдельными группами.

По мере обхода фабрик толпа бастовавших увеличивалась и решила итти на городское кладбище, где и обсудить свои дальнейшие действия. На кладбище выступали в толпе неизвестные ораторы, призывавшие последнюю добиваться от местной администрации освобождения арестованных в ночь на 10 августа жандармской полицией рабочих, с каковым решением толпа и проследовала на Георгиевскую площадь к городской управе. Это было около шести — семи часов вечера. На площади толпу поджидали другие рабочие, ранее сюда пришедшие, согласно наказу бастовавших. От лица толпы предъявлено было требование о вызове полицеймейстера, с которым и вели затем переговоры руководившие толпой ораторы в числе четырех—шести человек. Получив от полицеймейстера категорический ответ, что арестованные, ввиду обнаружения у них прокламаций, освобождены быть не могут, ораторы передали об этом толпе и затем обратились к последней с призывом итти освобождать арестованных насильственно, не останавливаясь даже перед разгромом тюрьмы, на что толпа криками выражала согласие.

---

[1]) Фонд Моск. военно-окр. суда, 1916 г., д. № 1231, л. 3. Заголовок подлинника. Печатается в сокращенном виде.

Выступавшие в толпе ораторы — четверо мужчин и две женщины в возрасте до 30 лет,— кроме призыва толпы к насильственному освобождению арестованных, обращались к стоявшей у городской управы заставе солдат с увещаниями не стрелять в толпу, так как составлявшие толпу лица ратуют за общее их дело, являясь братьями, сестрами и женами их, солдат, призывали последних присоединиться к толпе и итти освобождать арестованных, попутно говорили, что германские и русские социалисты против войны, почему нужно добиваться скорейшего ее окончания. Эти обращения сопровождались отдельными криками: «Долой войну!» Некоторые из ораторов рекомендовали рабочим верить исключительно прокламациям, этим «подпольным газетам рабочего класса», правдиво освещающим состояние рабочего класса, его стремление, задачи и отношения к другим классам населения, игнорировать все другие источники по этому вопросу. Лейтмотивом всех выступлений было однако побуждение толпы вступиться за арестованных и добиваться силой их освобождения.

Толпа на речи ораторов, как видно из свидетельских показаний по делу, реагировала довольно вяло до тех пор, пока не появился среди ораторов только-что освобожденный из-под ареста крестьянин Нижегородской губ., Княгининского уезда, Ичалковской волости, дер. Козловки, Егор Степанов Зиновьев, который, сильно жестикулируя и волнуясь, заговорил о необходимости освободить арестованных; подняв настроение толпы, увлек ее за собой в направлении к арестантской, где содержались задержанные жандармской полицией лица. Толпа, предводительствуемая Зиновьевым и женщиной, личность коей следствием пока не установлена, направилась с площади от городской управы на приказный мост, откуда разделилась по двум естественным направлениям с моста — в сторону Соковской улицы и на улицу «Кокуй», где в отдалении находилась названная полицейская арестантская.

Составлявшие толпу, заметив, что часть народа направилась в сторону Соковской улицы, т. е. в противоположную от арестантской сторону, закричали, чтобы все шли направо, т. е. к арестантской, и двинувшиеся, было, к Соковской улице повернули к улице «Кокуй». В это время в толпе раздавались крики: «Идите прямо, идите прямо», сопровождавшиеся маханием белыми платками, частью навязанными на трости, частью же державшимися в руках.

Прямо же против приказного моста, фронтом к последнему, стояла в две шеренги у тротуара «Покровских номеров» воинская застава в 51 человек, под командой офицера; застава эта не преграждала толпе дороги к арестантской, так как стояла в стороне, посредине двух сказанных направлений с приказного моста, на значительном отдалении от последнего. Толпа белыми платками сигнализировала остальным, чтобы они шли прямо к воинской заставе. Под влиянием криков толпа двинулась к солдатам, причем, когда была от последних на расстоянии шагов 20—30, то офицер этой заставы вышел вперед и обратился к толпе с увещанием, чтобы она шла по своему назначению, куда ей нужно, вправо или влево, а воинскую часть бы не трогала, причем предупреждал, что у него нет ни нагаек, ни холостых патронов, а есть только боевые, и закончил свое обращение просьбой не заставлять его прибегать к боевым патронам. На толпу эти увещания не произвели никакого впечатления, и она продолжала двигаться прямо на во-

инскую заставу, так что офицер должен был отступить на несколько шагов, причем из толпы кричали: «Женщины, идите вперед», «Солдаты стрелять не будут», а шедшие впереди мужчины и женщины и, между прочим, упомянутый Зиновьев, подойдя близко к фронту солдат, выкрикивал, сбрасывая верхнюю одежду и обнажая грудь: «Неужели будете стрелять? Если будете, нате, стреляйте», обращались к солдатам со словами: «Давайте ваши ружья, присоединяйтесь к нам, идемте освобождать наших братьев».

Несмотря на неоднократные увещания офицера, толпа продолжала итти напором на солдат, так что левый фланг заставы вынужден был отступить на несколько шагов назад и представлял загнутую полукругом назад линию. Офицер предупредил, что после трех свистков он вынужден будет открыть огонь, и после двух свистков скомандовал: «На изготовку» — солдаты вскинули к плечу винтовки и зарядили их; в это время, по словам офицера, послышались из толпы по его адресу крики: «Бей его!», и было брошено неизвестно кем несколько камней, перелетевших через головы нижних чинов и не причинивших никому ни малейшего вреда; только один камень упал в нескольких шагах от офицера на землю и подкатился к его ногам.

Толпа настолько приблизилась к солдатам, что одна женщина схватилась рукой за штык одного из солдат. Все время раздавались крики: «Неужели будете стрелять? Присоединяйтесь к нам!»; толпа зашла уже за левый фланг на тротуар. Офицер дал третий свисток, еще раз предупредив толпу, и в тот момент, когда стоявший впереди толпы Зиновьев бросился к офицеру с целью или обезоружить его или нанести удар, офицер скомандовал: «Пли!». Зиновьев упал мертвым. Во время залпа — недружного, так как часть солдат не расслыхала за шумом и криками толпы команды и стреляла после ближайших к офицеру солдат,— передние ряды только прилегли на землю, сзади раздавались крики: «Не бойтесь, стреляют холостыми патронами!»

Когда стрельба прекратилась, толпа начала разбегаться в разные стороны; на месте остались лишь убитые и тяжело раненые, вслед за этим со стороны толпы были попытки собраться снова в значительные группы на улице «Кокуй» и на углу Соковской улицы, но воинская застава перестраивалась фронтом к собравшимся, и только после криков солдат и офицера: «Разойдись» группы народа разбежались, очистив ближайшие площади и улицы. На месте происшествия остались 16 убитых и 28 раненых; впоследствии по осмотру местности обнаружено было до 40 камней, принесенных, очевидно, толпой; часть камней лежала на тротуаре у «Покровских номеров», т. е. сзади местонахождения воинской заставы. По общему отзыву солдат воинской заставы и посторонних свидетелей-очевидцев, толпа шла на воинскую часть напором и держала себя крайне вызывающе.

По собранным в больницах и лазаретах г. Иваново-Вознесенска сведения, оказалось, что раненых залпом воинской заставы было не 28 человек, а значительно больше, причем часть раненых умерла вслед за ранением, а часть в следующие дни, так что в окончательном результате умерших было 30 человек, а осталось раненых в живых 53 человека.

В числе раненых залпом воинской заставы оказались: крестьяне Афанасий Мартынов Козлов, Захар Матвеев Карпов, Дмитрий Матвеев Жиделев, Михаил Дмитриев Максимов, Иван Петров Игнатьев, Максим

Петров Поляков, Иван Иванов Брызгалов, Василий Афанасьев Мысов, Михаил Андреев Карпов, Ефим Петров Синицын, Иван Филиппов Балашов, Петр Максимов Дмитриев, Анастасия Яковлева Сорокина, Василиса Никитина Левина, Хиония Андреева Фролова, Ефросинья Яковлева Тужикова, Ефросинья Владимирова Кулагина, Анна Андреева Замашкина, Иван Тимофеев Стулов, Александр Петров Ермолаев, Петр Семенов Аркадьев, Семен Семенов Васильев, Андрей Матвеев Клинов, Иван Матвеев Хренов, Иван Николаев Балашов, Василий Иванов Железнов, Андрей Степанов Волков и Александра Михайлова Кузярина. Будучи привлечены к следствию в качестве обвиняемых по I ч. 123 ст. утол. улож., все вышеуказанные лица не признали себя виновными в предъявленном им обвинении.

Исп. об. помощника военного прокурора
подпоручик ополчения Миллер.

Приказ по Московскому военному округу. Москва, 26 июня 1916 г. № 717.[1]).

Из представленного мне военным прокурором Московского военно-окружного суда следственного производства по делу о нападении толпы рабочих на воинскую заставу в г. Иваново-Вознесенске видно, что Петр Аркадьев, Иван Николаев и Иван Филиппов Балашовы, Иван Брызгалов, Семен Васильев, Андрей Волков, Петр Дмитриев, Александр Ермолаев (он же Трубников), Дмитрий Жиделев, Анна Замашкина, Иван Игнатьев, Захар и Михаил Карповы, Андрей Клинов, Афанасий Козлов, Александра Кузярина, Ефросинья Кулагина, Василиса Левина, Михаил Максимов, Василий Мысов, Максим Поляков, Ефим Синицын, Мартирий Соловьев, Анастасия Сорокина, Иван Стулов (он же Тетешкин), Владимир Терентьев, Ефросинья Тужикова, Прасковья Терентьева, Хиония Фролова и Иван Хренов подлежат обвинению в том, что 10 августа 1915 года в г. Иваново-Вознесенске приняли участие в скопище, которое, действуя соединенными силами участников, произвело насильственное нападение на стоявшую в стороне воинскую заставу из 51 нижнего чина, с офицером во главе, из состава 199 пехотного запасного батальона, выразившееся в том, что участники нападения, подойдя вплотную к воинской части, оттеснили ее на несколько шагов назад и зашли ей в тыл, бросали в нее камнями и пытались обезоружить солдат, что предусмотрено I ч. ст. 123 уголовного уложения.

За означенное деяние, на основании п. 3, ст. 26 положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 262 ст. военно-судебного устава и прилож. VII к ст. 1278, примеч. 2 того же устава, названных лиц предаю Московскому военно-окружному суду.

Дело же в отношении Василия Железнова приказываю выделить и, ввиду недостижения им к моменту совершения преступления семнадцатилетнего возраста, подвергнуть его освидетельствованию в установленном законом порядке.

Командующий войсками округа, генерал-от-артиллерии
Мрозовский.

---

[1]) Фонд Моск. военно-окр. суда, 1916 г., д. № 1231, л. 9. — Заголовок подлинника.

Постановление Московского военно-окружного суда от 18 июля 1916 г.[1]).

Суд в распорядительном заседании в следующем составе присутствия: за председателя генерал-майор Добровольский, военные судьи: генерал-майор князь Друцкой и полковник Загряжский, при помощнике военного прокурора подполковнике Якимове и секретаре статском советнике Сперанском по докладу военного судьи князя Друцкого слушал: вступившее в суд при предложении военного прокурора от 16 июля с. г., за № 16262, новое с обвинительным актом дело о крестьянах Петре Аркадьеве и др., в числе 30 человек, обвиняемых по 123 I ч. ст. угол. улож. Пять подсудимых: Карпов, Соловьев, Левина, Сорокина и Терентьева находятся под стражей во Владимирской губернской тюрьме, а остальные подсудимые находятся под надзором полиции. По делу вызываются 12 свидетелей, проживающих в Иваново-Вознесенске. На основании 3 п. 26 ст. положения о чрезвычайной охране настоящее дело изъято из общей подсудности и передано на рассмотрение Московского военно-окружного суда.

Дело полно, медленности и упущений не усмотрено.

Выслушав заключение помощника военного прокурора, суд постановил: делу дать ход, всех свидетелей на основании 1401 ст. в.-с. уст. вызвать, несмотря на дальность расстояния. Дело рассмотреть в г. Владимире[2]).

---

[1]) Фонд Моск. военно-окр. суда, 1916 г., д. № 1231, л. 10.

[2]) Демонстрацию и расстрел безоружных рабочих царская жандармерия квалифицировала «как насильственное нападение на стоявшую в стороне воинскую заставу». Около полутора лет тянулось судебное расследование. В 1917 г. его прекратила Февральская революция.

Некоторые даты жизни и деятельности В. В. Куйбышева[1])

(По документам Центрального архива революции 1888—1916 гг.)

1888 г.

25 мая. Омск. В. В. Куйбышев родился 25 мая 1888 г. в г. Омске.
(ДП., VII, 1912 г., № 1389, лл. 2 — 3).

1905 г.

Окончил Омский кадетский корпус.
(Там же).

Петербург. Поступил в Военно-медицинскую академию.
(Сведения Самарского губ. жанд. управления от 29 сентября 1916 г. № 19034.—ДП, VII, д. № 2337, лл. 5—6).

1906 г.

20 ноября. Омск. Арестован в числе 38 человек на собрании Омского комитета РСДРП, на котором обсуждались вопросы предстоявшего V съезда РСДРП (Лондонского). В помещении собрания при обыске найдены: а) проекты резолюций Бюро Сибирского союза РСДРП по вопросам: 1) о текущем моменте и задачах социал-демократии, 2) об отношении к новой Думе, 3) о блоках и соглашениях с буржуазными партиями, 4) о беспартийном рабочем съезде, 5) о партизанских выступлениях и 6) резолюции Омского комитета РСДРП по тем же вопросам.

(Донесение Омского губ. жанд. управления в департамент полиции от 14 декабря 1906 г. за № 2559.—ДП, о. о., 1906 г. д. № 25, ч. 61, л. 48).

3—4 декабря. Омск. Судебный следователь по особо важным делам округа Омской судебной палаты постановил освободить из-под стражи обвиняемых по делу Омского комитета РСДРП под денежную ответственность поручателя в 100 руб. каждого.

(Донесение прокурора Омской судебной палаты в министерство юстиции от 5 декабря 1906 г. за № 584.—Фонд. мин. юст., д. № 19016, л. 4).

13 декабря. Постановлением распорядительного заседания уголовного департамента Омской судебной палаты постановление судебного следователя об освобождении отменено.

(Выписка из журнала распорядительного заседания Омской судебной палаты от 13 декабря 1906 г. — Фонд мин. юст., д. № 19016, л. 6).

1907 г.

3 января. По распоряжению Степного генерал-губернатора дело об Омском комитете РСДРП передано Омскому военно-окружному суду.

---

[1]) Подготовлено к печати В. Далаго

Отношение прокурора Омской судебной палаты от 13 января 1907 г. № 38. — Фонд мин. юст., № 19016, л. 8).

1 марта. Омск. Приговором Омского военно-окружного суда В. В. Куйбышев приговорен к аресту на один месяц.

(Копия приговора Омского военно-окружного суда от 1 марта 1907 г. — ДП, VII, 1906 г., д. № 2, ч. 39, лл. 122—124).

Томск. В. В. Куйбышев участвует в работе военной организации при Томском комитете РСДРП.

(Донесение томского охр. отд. в департамент полиции от 7 июня 1907 г. № 744.—ДП, о. о., 1907, д. № 5, ч. 63, л. 98).

Май. В. В. Куйбышев выехал в г. Петропавловск.

(Донесение томского охр. отд. в департамент полиции от 7 июня 1907 г. № 817. — ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 63, л. 101).

5 июня. Дано распоряжение об аресте лиц, входивших в военную организацию при Томском комитете РСДРП.

(Телеграмма директора департамента полиции на имя начальника томского охр. отд. от 5 июня 1907 г. за № 1243. — Там же, л. 99).

По распоряжению Степного генерал-губернатора В. В. Куйбышев выслан под надзор полиции в Каинский уезд.

(Донесение томского губернатора в департамент полиции от 7 октября 1907 г. за № 8374. — ДП, V, 1907 г., д. № 19, ч. 6).

Октябрь. Каинск. Бегство В. В. Куйбышева из места ссылки.

(Там же).

1908 г.

Петербург. В. В. Куйбышев проживает нелегально в Петербурге, «оказывая содействие партийным лицам, прибывавшим на жительство в столицу по нелегальным документам».

(Сведения начальника петроградского охранного отделения от 26 июня 1915 г. № 15574. — ДП, V, 1915 г., д. № 178, ч. 7, л. 3).

11 июля. Арестован петербургским охранным отделением.

(Там же).

15 июля. Отправлен в распоряжение томского губернатора.

(Там же).

1909 г.

В. В. Куйбышев поступил в Томский университет на юридический факультет.

(ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, лл. 2—3).

30 апреля. Каинск. Томским губ. жанд. управлением в каинской почтовой конторе задержана посылка в адрес: «Куйбышеву, воинскому начальнику»; по вскрытии посылки в ней оказалась партийная литература (издания местные и заграничные РСДРП) с надписью «Валериану». В. В. Куйбышев был арестован и заключен под стражу в Каинский тюремный замок.

(Копия рапорта каинского уездного исправника на имя томского губернатора от 1 мая 1909 г. № 313. — ДП, IV, 1909 г., д. № 77, ч. 11. Сведения Томского губ. жанд. управления в деп. полиции, от 26 мая 1909 г. за № 3603.—ДП, VII, 1909 г., д. № 1834, л. 2).

4 мая. Томск. Привлечен к дознанию при Томском губ. жанд. управлении по обвинению по 1 ч. 102 ст. ут. ул.

(Там же).

16 мая. Допрошен в Томском губ. жанд. управлении.

(Там же).

19 сентября. Постановлением Томского губернского совещания дознание по 1 ч. 102 ст. уг. ул. прекращено, и В. В. Куйбышев из-под стражи освобожден.

(Уведомление Томского губ. жанд. управления в департамент полиции от 30 сентября 1909 г., № 7399.— ДП, VII, 1909 г., № 1834, л. 5).

5 декабря. Томск. Прокурор Томского окружного суда предложил Томскому губ. жанд. управлению возобновить дознание о В. В. Куйбышеве по 1 ч. 102 ст. уг. ул.

(Отношение прокурора Томского окружного суда от 5 декабря 1909 г. № 3155.— ДП, VII, 1909 г., д. № 1834, л. 9).

1910 г.

14 февраля. Томск. В. В. Куйбышев арестован и заключен под стражу в Томском № 1 исправительном арестантском отделении. При обыске найдены несколько брошюр революционного содержания и фотографические снимки событий московского вооруженного восстания и 9 января 1905 г. в Петербурге.

(Донесение петербургского охранного отделения от 21 февраля 1919 г. № 207.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 9, ч. 81, лит. А, и сведения Томского губ. жанд. управления от 24 марта 1910 г. за № 1931. — ДП, VII, 1910 г., д. № 465, л. 12).

24 февраля. Допрошен в Томском губ. жанд. управлении.

(Протокол допроса в Томском губ. жанд. управлении от 24 февраля. — ДП, V, 1910 г., д. № 243, л. 68).

15 апреля. Томский губернатор возбудил ходатайство перед министром внутренних дел о высылке В. В. Куйбышева в одну из отдаленных местностей Сибири под гласный надзор полиции на два года.

(Доклад томского губернатора от 15 апреля 1910 г. № 5140. — ДП, V, 1910 г., д. № 243, л. 1-б).

1 мая. Особое совещание постановило выслать В. В. Куйбышева в Нарымский край под гласный надзор полиции на два года.

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 1 мая 1910 г. — ДП, V, 1910 г., д. № 243, л. 84).

3 мая. Министр внутренних дел утвердил постановление особого совещания.

(Там же).

В. В. Куйбышев исключен из Томского университета ввиду высылки в Нарымский край.

(Сведения пом. начальника Томского губ. жанд. управления в Мариинском и Томском уездах от 22 июня 1912 г. за № 331. — ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, л. 2—3).

17 июля. Приговором Томского окружного суда по обвинению по 1 ч. 102 ст. уг. ул. признан невиновным и по суду оправданным.

(Копия приговора Томского окружного суда от 17 июля 1910 г. — Там же).

22 июля. Освобожден из-под стражи.

(Отношение томского губернатора в департамент полиции от 2 августа 1910 г. № 9774. — Там же).

23 июля. В. В. Куйбышеву объявлено постановление министра внутренних дел о высылке его в Нарымский край под гласный надзор полиции на два года.

(Расписка В. В. Куйбышева. — Дело томского уездного исправника, 1910 г., № 2612, л. 5).

27 июля. В. В. Куйбышев обязан подпиской о невыезде без разрешения полиции из г. Томска и о явке 31 июля в управление 1 полицейского участка.

(Подписка В. В. Куйбышева.—Там же, л. 8).

22 сентября. Нарым. В. В. Куйбышеву объявлено под расписку о том, что по окончании срока ссылки он будет выслан в г. Омск по проходному свидетельству для зачисления в войска по призыву 1909 г.

(Распоряжение томского уездного исправника приставу 5 стана от 5 сентября 1910 г. № 1242. — Дело томского уездного исправника, 1910 г., № 2612, л. 15).

Ноябрь. В. В. Куйбышев работает в образовавшемся среди политических ссыльных с.-д. кружке.

(Донесение прокурора Томской судебной палаты министру юстиции от 14 декабря 1910 г. № 1536. — Фонд мин. юст., 1911 г., д. № 7, лл. 1—2).

23 ноября. Арестован и отправлен под стражу в Томское № 1 исправительное арестантское отделение.

(Уведомление Томского губ. жанд. управления в департамент полиции от 3 декабря 1910 г. № 9140. — ДП, VII, 1910 г., д. № 2687, лл. 29—30).

1911 г.

21 марта. Томск. В. В. Куйбышев освобожден под особый надзор полиции в г. Нарыме.

(Уведомление Томского губ. жанд. управления в департаменте полиции от 23 марта 1911 г. № 2958. — ДП, VII, 1910 г., д. № 2687, л. 31).

25 июня. Нарым. Выехал на пароходе «Колпашовец» с разрешения губернатора на одни сутки в г. Томск.

(Донесение пристава 5 стана томскому уездному исправнику от 25 июня 1911 г. № 1304. — Дело томского уездного исправника, 1910 г., № 2612, л. 21).

29—30 июля. Томск. Выехал обратно тем же пароходом в г. Нарым.

29 июля. Томским губернским совещанием дознание по обвинению В. В. Куйбышева по 102 ст. уг. ул. по делу нарымской группы РСДРП прекращено.

(Отношение Томского губ. жанд. управления от 31 июля 1911 г. № 1005. — ДП, VII, 1910 г., д. № 2687, л. 82).

1912 г.

18 апреля. В. В. Куйбышев участвовал в первомайской демонстрации политических ссыльных.

(Донесение Томского губернского жанд. управления в департамент полиции от 11 июня 1912 г. № 383. — ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, л. 45).

7 мая. Освобожден от гласного надзора полиции, за окончанием срока, и по «проходному свидетельству» выехал в Омск для явки в омское уездное по воинской повинности присутствие для отбытия воинской повинности на правах вольноопределяющегося.

(Донесение томского губернатора в департамент полиции от 17 мая 1912 г. № 1490. — ДП, V, 1910 г., д. № 243, л. 114).

Июнь. Омск. Прибыл из нарымской ссылки. От отбывания воинской повинности освобожден.

(Там же).

12 июня. Привлечен к дознанию при Томском губернском жандармском управлении по 121 ст. уг. ул. по делу первомайской демонстрации политических ссыльных в Нарыме.

(Уведомление Томского губ. жанд. управления в департамент полиции от 22 июня 1912 г. № 331. — ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, лл. 2—3).

15 июня. Обыскан и арестован. При обыске «ничего преступного» не обнаружено.

(Сведения пом. начальника Томского губ. жанд. управления в Мариинском и Томском уездах от 22 июня 1912 г. № 331.—ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, л. 3).

19 июня. Отправлен в г. Томск.

(Агентурная сводка Омского губернского жандармского управления от 14 августа 1912 г. № 2430. — ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 2, л. Б, л. 20).

21 июня. Томск. Допрошен при Томском губ. жанд. управлении и заключен под стражу в г. Томске в № 1 исправительном арестантском отделении.

(Сведения пом. начальника Томского губ. жанд. управления в Мариинском и Томском уездах от 22 июня 1912 г. № 331. — ДП, VII, 1912 г., д. № 1389, л. 3).

Октябрь. Освобожден из-под ареста под залог в 600 руб.

(Уведомление начальника Томского губ. жанд. управления в департамент полиции от 27 октября 1912 г. № 9619, л. 40. — Там же).

1913 г.

27 марта. Томск. Приговором Томского окружного суда по делу первомайской демонстрации политических ссыльных в Нарыме признан невиновным и по суду оправданным.

(Справка V делопроизводства департамента полиции от 29 апреля 1913 г. — ДП, V, 1910 г., д. № 243, л. 117).

Июнь. Тамбовский уезд. Состоял под негласным надзором полиции.

(Уведомление петроградского градоначальника в департамент полиции от 26 июня 1915 г. № 15574. — ДП, V, 1915 г., д. № 178, ч. 7, л. 3).

1914 г.

Петроград. Проживал в д. № 139, кв. № 10, по Лиговской ул., служил конторщиком при рессорной фабрике Мохова.

(Донесение петроградского охранного отделения в департамент полиции от 11 декабря 1914 г. № 27616. — ДП, о. о., 1914 г., д. № 5-ф, л. 344).

18 сентября. В квартире В. В. Куйбышева был произведен обыск с целью ареста поселившегося там одного из членов социал-демократической организации, скрывшегося из-под надзора полиции в Нарымском крае; разыскиваемый до прихода полиции успел скрыться.

(Там же).

1915 г.

Петроград. В. В. Куйбышев проживал в д. № 68 по Лахтинскому проспекту в посаде при станции Лахта. Состоял делопроизводителем больничной кассы завода «Треугольник».

Являлся одним из наиболее активных деятелей подпольной руководящей группы ленинцев.

(Постановление начальника петроградского охранного отделения от 26 июля 1915 г. — ДП, VII, 1915 г., д. № 2472, л. 5).

6 июля. Обыскан и арестован.

(Там же, л. 10).

30 июля. По постановлению министра внутренних дел выслан под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию на три года.

(Справка V делопроизводства департамента полиции. — ДП, V, 1915 г., № 178, ч. 7, л. 2).

11 августа. Переведен в петроградскую пересыльную тюрьму.

(Отношение смотрителя полицейского дома Спасской части в петроградское охр. отделение 11 августа 1915 г. № 1634, л. 109.—Петр. охр. отд., 1915 г., д. № 457, л. 113).

18 августа Отправлен по этапу в распоряжение иркутского губернатора.

(Справка V делопроизводства департамента полиции. — ДП, V, 1915 г., д. № 178, ч. 7, л. 2).

Сентябрь. Тобольск. Тобольским тюремным инспектором выдано проходное свидетельство для следования в Иркутск за собственный счет.

(Отношение петроградской тюремной инспекции от 9 сентября 1915 г. № 17454. — петр. охр. отд., 1915 г., д. № 457, л. 115).

1916 г.

5 апреля. С. Тутурское, Верхоленского уезда, Иркутской губ. В. В. Куйбышев бежал из места ссылки.

(Розыскная ведомость верхоленского уездного исправника от 3 июня 1915 г. № 910. — ДП, V, 1915 г., д. № 178, ч. 7, л. 12).

Сентябрь. Самара. Проживал нелегально под именем Иосифа Андреевича Адамчика. Служил конторщиком общества «Самопомощь». Принимал активное участие в работе большевистской организации. Состоял в пропагандистской коллегии. Входил в состав организационного комитета по созыву поволжской конференции.

(Донесение Самарского губ. жанд. управления в департамент полиции от 16 октября 1916 г. № 20560, лл. 18—22. — ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 68, л. 18).

4 сентября. Участвовал в совещании по поводу созыва конференции.

(Там же).

18 сентября. Арестован и заключен под стражу в самарскую губернскую тюрьму.

(Сведения Самарского губ. жанд. управления от 29 сентября 1916 г. № 19034.— ДП, VII, 1916 г., д. № 2337, лл. 5—6).

29 ноября. Начальник Самарского губ. жанд. управления возбудил ходатайство о высылке В. В. Куйбышева в Восточную Сибирь на 5 лет.

(Постановление начальника Самарского губ. жанд. управления от 29 ноября 1916 г.—Там же, лл. 88—93).

Горская контрреволюция и интервенты

«Буржуазия угнетенных наций, — писал В. И. Ленин, — постоянно превращает лозунг национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций; во внешней политике она старается заключить сделки с одной из соперничающих империалистических держав ради осуществления своих грабительских целей» [1]).

Публикуемая ниже серия документов, освещающая связь горской контрреволюции с интервентами в 1918—1919 гг., является яркой иллюстрацией справедливости приведенных выше слов В. И. Ленина.

В 1917 г., пока у власти в центре находилось буржуазное Временное правительство, буржуазно-империалистические горские круги стояли за единую Россию, но, как только произошла Октябрьская революция, горские националисты поспешили отделиться от Страны советов. В конце ноября 1917 г. они сформировали «горское правительство» из представителей буржуазно-феодальной горской верхушки и буржуазно-демократической интеллигенции, которое должно было представлять высшую государственную власть на территории горских областей.

Однако сознание своей непрочности и страх перед надвигающейся революцией заставили горское правительство искать союзника в лице казачьих атаманов. 14(1) декабря состоялось совместное заседание горского правительства и терского войскового правительства, на котором было создано объединенное «терско-дагестанское правительство» в составе 12 министров с атаманом Карауловым и кн. Кайлановым во главе. Издав декларацию конституционно-монархического характера и отложив разрешение всех острых социально-экономических вопросов до созыва краевого учредительного сейма, терско-дагестанское правительство направило все усилия на борьбу с большевизмом и на разоружение революции путем разжигания национальной вражды. 26(13) декабря 1917 г. был убит вождь казачьей контрреволюции атаман Караулов. В начале февраля 1918 г. сложило с себя полномочия терское войсковое правительство, а в конце марта на Тереке утвердилась советская власть. Заседавшее во Владикавказе горское правительство бежало из пределов Терской области, и с этого момента начинаются его поиски внешних союзников-покровителей.

Первоначально горское правительство перекочевало в Тифлис в надежде найти поддержку у правящих буржуазно-националистических партий Закавказской республики. Закавказье находилось в то время под угрозой турецкой интервенции, и горское правительство бросилось на поклон к турецкому султану. Султанская Турция считала для себя выгодным создание на Кавказе независимых государств под своим покровительством, а потому дала согласие на признание «независимой» Горской республики и обещала поддержку горскому правительству. 17(4) мая 1918 г. делегаты горского правительства на Батумской конференции А. Чермоев и Г. Бамматов об'явили

---

[1]) В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XIX, стр. 159.

об образовании «независимого» государства «Союза об'единенных горцев Кавказа» и затем радиограммой известили весь мир об отделении от России.

Между тем обнаружилось, что обещанная турецким правительством помощь не может быть осуществлена без участия немецкого империализма, диктовавшего свою волю Турции. Горской контрреволюции пришлось обивать новые пороги. Делегация горского правительства на Батумской конференции вступает в переписку с представителями Германии и Австро-Венгрии, заверяя их в «несомненном тяготении народов Северного Кавказа к державам Четверного согласия» и униженно умоляя принять под свое покровительство вновь образованную Горскую республику. В июне горская делегация во главе с Г. Бамматовым направляется в Константинополь к германскому послу. Переговоры велись в течение всего лета, причем горская делегация, предлагавшая немцам всякие «экономические выгоды» на пространстве Горского союза, натолкнулась на довольно холодный прием, вызванный недоверием к реальным силам горского правительства. В августе Г. Бамматов писал Чермоеву: «Немцы хорошо осведомлены, что происходит. У них впечатление, что независимость — это наша искусственная работа, что большевики пользуются влиянием в народе, который нас не признает».

Наконец, осенью 1918 г. Турция получила возможность приступить к осуществлению своих обещаний и направила в Дагестан войска во главе с Иззет-пашой, которые заняли важнейшие пункты и водворили в Темир-Хан-Шуре прибывшее с ними горское правительство.

Не успели однако горские правители распределить между собою портфели, как снова остались без покровителя. В конце ноября турецкие войска, в результате победы Антанты, покинули пределы Кавказа. В Баку, Тифлисе и Петровске появились английские войска.

Поскольку горское правительство постоянно декларировало свою ненависть к большевикам и симпатии к империалистическим правительствам, английские оккупанты выразили принципиальное согласие на его признание и поддержку, выставив следующие условия: а) образовать коалиционное правительство, б) объединиться против большевиков, в) восстановить железные дороги и пароходное движение, г) удалить всех турок и устранить турецкую и германскую пропаганду, д) помогать союзникам держать связь с армией ген. Деникина.

В качестве своего наблюдателя и советника британское командование направило в Темир-Хан-Шуру полк. Роуландсона, снабдив его особой инструкцией, в которой точно распределялись сферы влияния и действий горского правительства, английского агента ген. Бичерахова и союзного командования.

Горское правительство, желая показать себя достойным доверия новых хозяев, энергично взялось за выполнение возложенных на него обязательств. В конце декабря 1918 г., при участии всякого контрреволюционного сброда, оно устроило сессию так называемого «Союзного совета Республики народов Северного Кавказа» и реорганизовало свой состав, поставив главой правительства вместо миллионера Чермоева кабардинского помещика П. Коцева и предоставив три министерских портфеля представителям казачьих верхов. Одновременно предприняты были шаги по организации боевых сил против большевиков: заключен договор с белогвардейским отрядом ген. Колесникова, достигнуто соглашение с представителем Добровольческой армии в Баку ген. Эрдели и приступлено к сформированию собственных отрядов на средства меньшевистских правительств Грузии и Азербайджана. Главнокомандующим антибольшевистских военных сил был намечен английский полковник Роуландсон, принимавший непосредственное участие в формировании частей. «Мы решили, — писал один из членов правительства, — для операции против большевиков выставить десятитысячную армию, которая, действуя совместно с населением, будет вполне в состоянии

справиться с большевиками и с анархией, принимая во внимание еще то, что, вероятно, с нашими частями будут также и английские».

Пока горская контрреволюция готовилась стать при поддержке англичан хозяином положения в горских областях, в пределы Терского края вторглась Добровольческая армия, которая, дополняя чисто военные методы подкупами и изменами, начала постепенно овладевать территорией горских народов. Горское правительство, по признанию некоторых его членов, принимало все меры к тому, чтобы «сдержать справедливое негодование горских народных масс» против жестокого террора белогвардейских банд. Только после того как Деникин занял значительную часть горских областей, назначил всюду своих правителей во главе с генерал-губернатором Терско-дагестанского края и категорически отказался признать Горскую республику, горские министры решились на открытый конфликт с генеральской диктатурой. Они пишут многочисленные ноты-протесты против «вероломных» действий Добровольческой армии, требуют вмешательства и защиты со стороны союзного командования и даже переходят к угрозам «принять средства вооруженной обороны». В то же время горская контрреволюция продолжает искать путей соглашения с Деникиным, посылает к нему и его генералам «чрезвычайные» делегации, предлагает со своей стороны всевозможные услуги. Одной из таких услуг был арест горским правительством дагестанских большевиков во главе с Уллубием Буйнакским и выдача их добровольцам на расстрел.

В двадцатых числах мая добровольческие отряды заняли важнейшие пункты Дагестана и предложили горскому правительству прекратить свою деятельность. 23 мая состоялось в Темир-Хан-Шуре последнее заседание «Союзного совета Республики горцев Северного Кавказа», на котором объявлено было о роспуске горского «парламента» и правительства на неопределенное время. Некоторые из деятелей горского правительства немедленно перешли на службу к Деникину, другие бежали в Тифлис и там продолжали проводить свою политику.

Какое же положение занимал в конфликте между деникинской и горской контрреволюцией английский империализм? Приводимый ниже документальный материал отчетливо вскрывает, что основной политической задачей английской интервенции на юге было освобождение Кавказа от большевизма. Этой задачей объясняется отношение британского командования к местным контрреволюционным силам. Не собираясь бросать в антисоветский поход свои собственные войска, англичане искали в районе проектируемых колониальных захватов ту политическую величину, которая могла бы противостоять большевизму. Первоначально они надеялись, что горское правительство сумеет справиться с большевистской опасностью, и готовы были поддержать его. Но как только английские генералы убедились в беспомощности этого правительства, они открыто стали на сторону великодержавной деникинской агрессии.

Предлагаемое ниже собрание документов не исчерпывает всех сторон деятельности и взаимных связей горской контрреволюции и интервентов в период гражданской войны на Северном Кавказе, так как является лишь выдержками из того обширного архивного материала, который имеется по данному вопросу.

Документы №№ 1—9, относящиеся к периоду с мая по июнь 1918 г. и касающиеся сношений горского правительства с Германией и Австро-Венгрией, а также документы №№ 12, 14 и 19, касающиеся деятельности горской делегации за границей, хранятся в заверенных копиях в Северо-осетинском областном научно-исследовательском институте и составляют извлечения из фонда Осетинского областного архива (папка № 4, «Правительство об'единенных горцев и интервенты»). Оригиналы, с которых сняты копии, представляют собой в большинстве черновики или отпуска, а потому некоторые из них не имеют подписей, а иногда и даты, что однако не лишает их научного значения, так как имена отправителей и

время отправления легко можно восстановить путем сличения со смежными документами.

Вторая часть документов — №№ 10, 11, 13, 15 — 18 и 20,— охватывающих период с ноября 1918 г. по апрель 1919 г. и характеризующих деятельность и взаимоотношения горской контрреволюции и английских интервентов, взята из архивного фонда быв. владикавказского городского головы Г. В. Баева (папка № 10). Фонд этот, имеющий весьма большую научную ценность как источник изучения гражданской войны у горцев Северного Кавказа, хранился в Об'единенном горском историческом архиве в гор. Орджоникидзе. Документ № 21 извлечен из собрания Пятигорского архива (дело № 9, «Копии воззваний, листовок и постановлений за 1919 г.», л. 24—25).

Некоторые из печатаемых ниже материалов были использованы в ряде научных работ, затрагивающих вопрос о горской контрреволюции и интервенции [1]). Основная же масса документов публикуется впервые.

А. Иванов.

1. Письмо горской делегации на имя председателя германской делегации для мирных переговоров с Закавказской республикой ген. фон Лоссова от 21(8) мая 1918 г.

Туземные народности Северного Кавказа и Дагестана, живущие между Черным и Каспийским морями, связанные единством расы, религии и обычаев и очень древней общей историей, в первые дни русской революции почувствовали необходимость образовать политический союз, чтобы добиться общими усилиями максимума политических и социальных прав.

В мае 1917 года во Владикавказе на 1-м съезде горцев, в котором принимали участие народности Дагестана, Чечни, Ингушетии, черкесы, ногайцы, туркмены, кабардинцы, абхазцы и все остальные туземные народности и племена Северного Кавказа, Союз был обнародован. Был учрежден Центральный исполнительный комитет горцев Кавказа. В то время в программу Северо-кавказского союза входило преобразовать всю Россию в федеративное государство, одним из членов которого был бы Северо-кавказский союз. Положение того момента запрещало кавказцам севера пойти дальше, так как в России существовали еще сильные централистические партии и армия, не потерявшая свою дисциплину. Отношения между соседями Союза с русскими партиями диктовались этой программой. После Октябрьской революции Центральный комитет Союза, отказавшийся признать правительство большевиков, взял в свои руки верховную власть на своей территории до того времени, когда могло бы быть созвано Учредительное собрание. С тех пор Центральный комитет стал общим правительством Союза и управляет страной, не имея никаких сношений с русским правительством в Петербурге и Москве. Отказ признать большевистское правительство вовлек нас в войну с большевиками.

Четыре месяца терские казаки, некогда поселенные царским правительством на земле, принадлежавшей чеченцам и ингушам, ведут

---

[1]) Тахо-Годи, Революция и контрреволюция в Дагестане. Даг. изд. Махач-Кала, 1927.— Он же, На путях к независимости. «Новый Восток», 1929 г., кн. 23—24.— А. Попов, Из эпохи английской интервенции в Закавказье. «Пролетарская революция», 1923 г., № 8.

войну против этих двух народностей и пользуются военной и материальной поддержкой большевистского правительства.

С тех пор, как в последнее время русский фронт . . . . . [1]) пределы Северного Кавказа и опасность, грозившая с юга народам Северного Кавказа, ... горцы могли пойти непосредственно к своей желаемой и священной цели—образовать независимое государство с народами юга и Кавказа, связанными с ними или общностью происхождения или религией, государство, которое должно было бы быть тесно связано экономическими и военными узами с Турцией и с государствами Центральной Европы. Чтобы достигнуть этой цели, представители Северного Кавказа и Дагестана отправились в Тифлис, где они вели с правительством, с национальными организациями и с политическими партиями переговоры по вопросу объединения двух половин Кавказа. Представители Северного Кавказа, а именно: Зубаир Темирханов, Гайдар Бамматов, Тапа Чермоев и Махмед Кади Демиров напомнили, что по причинам военным, политическим и экономическим независимое существование Южного Кавказа невозможно без союза с Северным Кавказом, и приняли меры для того, чтобы как можно скорее прекратить враждебные отношения между Тифлисом и Турцией. С этой целью Бамматов, Чермоев и Демиров отправились в Трапезунд, где они объявили свое вышеупомянутое мнение оттоманской делегации и делегации Южного Кавказа.

После того как Закавказская делегация была отозвана в Тифлис, делегация Северного Кавказа поехала в Константинополь, где имела переговоры с оттоманским правительством. Последнее объявило, что в принципе оно согласно с независимостью Северного Кавказа, и обещало предпринять шаги в этом же направлении перед своими союзниками и помочь Северному Кавказу, чтобы последний вместе с Закавказьем мог осуществить свою независимость. Имея намерение принять участие в батумских переговорах, представители горцев имеют честь просить ваше превосходительство уведомить императорское германское правительство об их политических стремлениях и сообщить им, до какой степени они могут надеяться получить помощь от Германии, чтобы осуществить политический идеал туземных народов Северного Кавказа и Дагестана, идеал, который заключается в образовании на Кавказе одного общего государства, конституция которого будет установлена затем двумя частями Кавказа.

Представители народов Северного Кавказа подчеркивают, что они хорошо отдают себе отчет в том, что, как они объявили вам устно, благосклонность германская будет иметь большую важность для осуществления их стремлений, которому всегда будет угрожать наступление на юг их северных врагов.

[Зубаир Темирханов.
Гайдар Бамматов.]

2. Письмо председателя германской делегации для мирных переговоров с Закавказской республикой ген. фон Лоссова на имя председателя делегации Закавказской республики Чхенкели от 23(10) мая 1918 г.

Письмом от 8-го сего мая Гайдар Бек-Бамматов просил моего согласия на участие правительства туземных народов Северного Кав-

[1]) Пропуски здесь и далее в копии, с которой публикуется документ.

каза и Дагестана в переговорах, имеющих начаться между четырьмя союзными державами и Закавказским правительством.

Ваше превосходительство и его превосходительство Халил-бей—оттоманская делегация — и закавказская делегация не встречают препятствий к тому, чтобы представители Северного Кавказа участвовали в переговорах.

Имею честь уведомить ваше превосходительство, что в принципе я также не имею препятствий против допущения указанных северокавказских делегатов, с условием, тем не менее, что их полномочия и мандаты будут проверены на первом же совещании.

Мне представится возможным окончательно высказаться по этому вопросу лишь в том случае, если можно будет признать этих делегатов представителями государств или союза государств, должным образом сконструированных, декларировавших свою независимость и испросивших признания их свободы и независимости со стороны четырех союзных держав. В этом случае означенные делегаты смогут принять участие в переговорах с правом голоса и с теми же правами, как и делегаты остальных правительств, представленных на конференции.

С другой стороны, если бы было установлено, что эти представители не в состоянии доказать, что они представляют правительства или группу правительств, правильно организованных, они не могут, по мнению моему, участвовать в переговорах иначе как в качестве сторонних лиц до тех пор, пока они не докажут, что вышеизъясненные условия выполнены, т. е., что государства или союз государств образовался на Северо-Кавказе, что он объявил свою независимость и что он просит о признании со стороны правительств, собравшихся здесь на конференции.

Я предлагаю поднять этот вопрос на первом пленарном заседании, и вследствие сего я пока воздержался сообщать Гайдар-Беку, в ответ на вышеуказанное его письмо, что я не имею препятствий к присутствованию делегатов Северного Кавказа на первом заседании конференции.

Фон Лоссов.

3. Письмо Г. Бамматова Чхенкели от 2 июня (20 мая) 1918 г. № 22.

Господин председатель,

Как я вас уведомил, правительство Союза горцев Кавказа просило Оттоманскую империю помочь ему в борьбе с врагами его независимости военным снаряжением, техническими приспособлениями и кадрами инструкторов для формирования значительной армии. Эта просьба была принята с благосклонностью Портой.

До сих пор я не возбуждал вопроса о провозе указанных материалов и о проезде эшелонов инструкторов, ожидая ответа на ноту от 12 мая № 13 по вопросу о союзе Закавказской республики с республикой Союза кавказских горцев.

Не имея до сих пор ответа на указанную ноту и получая тревожные известия с Северного Кавказа через специальную делегацию ингушей и балкарцев, я вынужден просить вас независимо от хода общих переговоров принять немедленно решение по вопросу о восстановлении железной дороги Батум—Тифлис и шоссе Тифлис—Владикавказ

для того, чтобы эшелоны инструкторов и военные материалы могли бы проследовать на Северный Кавказ, получая необходимую помощь от закавказского правительства.

В ожидании быстрого и благоприятного ответа я прошу вас принять уверения в моем совершенном почтении.

[Бамматов.]

4. Письмо ген. фон Лоссова Г. Бамматову от 2 июня (20 мая) 1918 г. № 204.

Батум, 20 мая 1918 г.

Господин делегат,

Ссылаясь на мое письмо от 17-го числа этого месяца, за № 125, я имею честь сообщить вам, что просил мое правительство позондировать русское правительство в Москве по поводу его отношения к стремлению северо-кавказских стран к независимости. Вытекает из нескольких телеграмм, что германское правительство готово оказать помощь и поддержку правительству республики народов Северного Кавказа. Что касается подробностей, они составляют еще предмет переговоров. Как только я получу инструкции касательно их, я не премину уведомить об этом вас.

Что же касается границы республики Северного Кавказа, то точка зрения императорского правительства следующая: вопрос о Дагестане и Терском округе ясен, нет сомнения в том, что эта территория принадлежит республике Северного Кавказа. Напротив, вопрос о Кубани еще недостаточно выяснен. С этнографической точки зрения, кубанские казаки приближаются к населению Украины. Они населяют плотной массой Кубанский округ, они организованы и хорошо вооружены. Конечно, они не эвакуируют свою территорию и не позволят, чтобы она была аннексирована без их согласия третьим. Если бы захотели силою принудить их к этому, в этих странах разразилась бы новая война.

Германское правительство не может содействовать такому предприятию, которое доставило бы ему новый театр тяжелой войны. Германское правительство не может допустить, не может позволить, чтобы подобное действие было предпринято кем-нибудь третьим без его согласия.

Наконец, насильственная аннексия кубанской территории явилась бы нарушением Брест-литовского договора, нарушением, которое германское правительство не может допустить.

Следовательно, германское правительство придерживается того мнения, что вопрос о Кубанском округе должен пока оставаться открытым, как это было сделано во время брест-литовских переговоров относительно вопроса о северо-восточной границе Украины с Россией. Само собой разумеется, что германское правительство будет рассматривать с величайшей благосклонностью полюбовное разрешение вопроса о Кубани, которое объединило бы интересы Кубанского округа с интересами Северного Кавказа и Закавказья.

Если вы примете мою точку зрения, то я прошу вас, господин делегат, уведомить меня об этом. В таком случае я напишу в том смысле, как я изложил выше, господам главам делегации оттоманской и

закавказской, и приглашу их на обсуждение, на котором будут формулированы статьи мирного договора, касающиеся Северо-кавказской республики.

В то же время я позволю себе уведомить вас, что в скором времени прибудут в Батум австро-венгерская и болгарская делегации для того, чтобы принять участие в переговорах. Представители получили инструкции действовать в самом тесном контакте с главой германской делегации и помогать ей.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить, господин делегат, уверения в моем глубоком уважении.

[Фон Лоссов.]

5. Письмо Г. Бамматова ген. фон Лоссову от 7 июня (25 мая) 1918 г. № 34.

Господин генерал,

Правительство Союза горцев Кавказа просило Оттоманскую империю помочь ему в борьбе с врагами его независимости военным снабжением, техническими приспособлениями, кадрами инструкторов для сформирования значительной армии. Эта просьба была благосклонно принята высокой Портой.

Получив тревожные известия с Северного Кавказа, я вынужден просить закавказское правительство, независимо от хода общих переговоров, принять немедленно решение по вопросу о восстановлении железной дороги Батум — Тифлис и шоссе Тифлис — Владикавказ для того, чтобы эшелоны инструкторов и военные материалы могли следовать на Северный Кавказ, получая необходимую помощь от закавказского правительства.

Сообщая вам вышеизложенное, я имею честь просить ваше превосходительство не отказать мне в вашей помощи и поддержке в предпринятых шагах.

Гайдар Бамматов.

6. Письмо Г. Бамматова австро-венгерскому посланнику в Константинополе бар. Чилияки [конец мая по ст. ст. 1918 г.]

В дополнение к записке, препровожденной вам в моем письме от . . . . . [1]), я имею честь сообщить вам, что политические события, которые произошли после составления названной записки, т. е. с начала мая текущего года, углубили и укрепили еще больше точку зрения моего правительства, касающуюся политического и экономического будущего государства и народов Северного Кавказа.

Четвертого истекшего мая правительство Союза горских народов Кавказа в лице членов правительства Абдул Меджид Чермоева и меня, в качестве чрезвычайных делегатов, объявило о нашем отделении от России и образовании независимого государства Союза объединенных горцев Кавказа. Это объявление было сообщено в Константинополь, Вену, Берлин и Софию.

Представители независимой Северо-кавказской республики под моим председательством приняли участие в конференции Батумской в качестве независимой страны и 8 мая заключили дружеский дого-

[1]) Пропуск в копии, с которой воспроизводится документ.

вор с императорским оттоманским правительством, по которому высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления политических стремлений народов Северного Кавказа.

Переговоры, начатые с этой целью с делегацией германского правительства в Батуме, были, к несчастью, прерваны распадением Закавказской республики на составные части—Грузию, Азербайджан и Армению и внезапным отъездом германской делегации. Но обмен нотами, происшедший задолго до отъезда делегации между генералом Лоссовым и мной, и обмен личными мнениями заставляют меня надеяться на благосклонное отношение императорского германского правительства к вопросу о возможности оказания Германией действительной помощи моему правительству в деле осуществления независимости Северо-кавказской республики и восстановления в ней мира и порядка.

Отсутствие представителей императорского и королевского правительства на Батумской конференции и трудность, вследствие местных условий, непосредственных сношений с Веной не позволили моему правительству войти в необходимый контакт с вашим глубокоуважаемым правительством.

Вследствие этого, в дополнение к моим разговорам с вашим превосходительством, я имею честь подчеркнуть, что выраженная в вышеупомянутом меморандуме точка зрения моего правительства относительно образования новых государств на Кавказе остается и теперь неизменной. Мое правительство полагает, что действительное существование таких-то или таких-то государственных образований в Закавказье зависит исключительно от существования на Северном Кавказе независимого государства, имеющего политические и экономические связи с державами Центральной Европы. Достаточно бросить беглый взгляд на географическую карту, чтобы понять, что с точки зрения стратегических и экономических соображений Северный Кавказ господствует над Закавказьем.

Кроме того, характер народов, населяющих Северный Кавказ, их политические надежды и расположение их умов, героическая борьба, которую они вели за свою независимость против могущественной империи царей, их несомненное тяготение к державам Четверного согласия служат верной гарантией действительного отделения Кавказа от России и образования государства, служащего необходимым буфером между национальной могущественной Россией, вышедшей из анархии, и странами Востока, в которых сконцентрировано все экономическое будущее коалиции Центральной Европы. Твердо уверенный в том, что вопрос о гарантии независимости Северо-кавказской республики и об ее успешном внутреннем развитии не может быть чужд императорскому и королевскому правительству, и, сверх того, признавая, что политические стремления народов Северного Кавказа могут осуществиться только при активной поддержке всех держав Четверного согласия, я имею честь просить ваше превосходительство соблаговолить уведомить меня, в какой мере республика Союза народов Северного Кавказа может рассчитывать на помощь и поддержку высокочтимого императорского и королевского правительства Австро-Венгрии.

Благоволите, ваше превосходительство, принять мой почтительный привет и уверения в моем глубоком к вам уважении.

[Г. Бамматов.]

7. Письмо Г. Бамматова министру-президенту Грузии Рамишвили от 14 (1) июня 1918 г. № 52.

Нотой от 20 мая, за № 22, я просил министра-председателя Закавказской республики и председателя закавказской мирной делегации в Батуме г. Чхенкели, вне зависимости от хода общих переговоров, немедленно разрешить вопрос об открытии железнодорожной линии Батум—Тифлис и шоссейной Тифлис—Владикавказ для следования на Северный Кавказ военного снаряжения, технических приспособлений и кадров инструкторов, для формирования значительной армии, предоставленных оттоманским правительством правительству республики Союза горцев Кавказа. Официально ответа на означенную ноту я не получил.

В личных же переговорах со мною по настоящему делу г. г. Чхенкели и Николадзе подчеркивали полное принципиальное согласие закавказского правительства на осуществление этой меры и просили дать отсрочку на несколько дней для выяснения общего политического положения.

Настоящее мое положение было поддержано председателем германской делегации генералом фон Лоссовым, имевшим собеседование с г. Чхенкели и уведомившим меня письмом от 25 мая, что всякое соглашение между мной и г. Чхенкели по настоящему вопросу встретит полное сочувствие германского правительства. Извещая меня о провозглашении независимости Грузии, г. министр иностранных дел Грузии Чхенкели в ноте от 27 мая, за № 461, подчеркнул волю грузинского правительства установить прочные связи между Грузией и близкими ей народами Северного Кавказа и Дагестана на началах конфедерации.

В вербальной форме г. г. Чхенкели и Николадзе заверили меня, что со стороны Грузии нет никаких препятствий к пропуску через ее территорию всех необходимых военных материалов и инструкторских частей на Северный Кавказ и что официальное сообщение грузинского правительства я имею получить до срока истечения ультиматума, предъявленного оттоманским правительством Закавказской республике, и отнюдь не позже ночи 29 истекшего мая. Настоящее обещание выполнено не было. В личных же переговорах со мною вы, г. министр, ссылаясь на то, что г. Чхенкели не осведомил ваше правительство в должной мере о ходе его переговоров со мною, дали мне формальное заверение, что грузинское правительство в 8 часов вечера 1 июня даст свой окончательный ответ на возбужденный мною вопрос. И это обещание также не было выполнено. В прошлом я неоднократно имел случай подчеркивать и в грузинском Национальном совете и в партийных грузинских организациях твердое желание Центрального комитета горцев, впоследствии горского правительства, сохранять с грузинами самые искренние и дружеские связи и установить союзные отношения, отвечающие интересам обеих сторон. Этими побуждениями я руководствовался в моих официальных сношениях с представителями Грузии в Трапезунде и в Батуме и с представителями Оттоманской и Германской империй в Константинополе и в Батуме.

Мне прискорбно, что искренние чувства моего правительства не находят должного отклика в грузинском правительстве.

Ввиду нашего заявления, что переговоры со мною г. министра иностранных дел Грузии г. Чхенкели лежат на его персональной ответственности и для вашего правительства необязательны, я считаю своим долгом просить вас настоящим письмом, как полномочного представителя Грузии и ее министра-президента, дать мне определенный ответ, какого отношения держится грузинское правительство к правительству Союза горцев Кавказа и имеет ли оно в виду решить вопрос о следовании через грузинскую территорию необходимых для Северного Кавказа военных грузов и частей в путях дружбы и взаимного соглашения. Ввиду исключительной срочности последнего вопроса я прошу вас, г. министр, дать мне ответ втечение сегодняшнего дня.

Примите уверения в совершенном моем к вам уважении и преданности.

Гайдар Бамматов.

8. Письмо Рамишвили горскому правительству [вторая половина июня по ст. ст. 1918 г.].

Правительству горцев Северного Кавказа.

В дополнение к нашему письму от 14 июня, за № 6897, я имею честь сообщить вам, что грузинское правительство искренно интересуется установлением на Северном Кавказе прочного . . . . .[1]) и осуществлением для горцев права на полную независимость, и потому со своей стороны идет навстречу правительству горцев Северного Кавказа в деле счастливого разрешения затронутых вопросов, совершенно уверенное в том, что горское правительство будет защищать с нами жизненные интересы нашей республики в вопросе о защите ее суверенитета. Но в то же время правительство считает своим долгом уведомить вас, что оно видит себя лишенным возможности удовлетворить ваши определенно выраженные желания до установления соглашения между вами и военной германской миссией, за которой было оставлено право контролировать перевоз по нашим железным дорогам армий Четверного согласия.

Мы предпринимаем уже необходимые шаги для устранения препятствий. Грузинское правительство питает полную уверенность в том, что правительство горцев Северного Кавказа поймет дружеские чувства, которые нас одушевляют, и добро, которое мы ему желаем, и начертает в согласии с нами путь для избежания всяких затруднений.

Благоволите принять уверения в совершенном почтении.

Министр-президент, временно министр
иностранных дел Рамишвили.

9. Письмо Г. Бамматова германскому посланнику в Константинополе графу Бернсторфу [вторая половина июня по ст. ст. 1918 г.].

Письмом от 25 мая сего года я просил председателя германской делегации в Батуме генерала фон Лоссова оказать мне помощь в деле получения разрешения от правительства Закавказской республики на

[1]) Пропуск в копии, с которой воспроизводится документ.

свободный пропуск через территорию республики военного снаряжения, оружия и кадров инструкторов, данных в распоряжение моего правительства императорским оттоманским правительством.

Письмом от того же числа генерал фон Лоссов сообщает мне, что имел по этому поводу разговор с министром-президентом Закавказской республики господином Чхенкели, который уверял его в том, что через несколько дней, как только общее политическое положение будет немного выяснено, он заключит со мной соглашение по этому вопросу. В том же письме генерал Лоссов подчеркнул, что всякое соглашение, которое состоится по этому вопросу между мною и господином Чхенкели, встретит симпатию германского правительства.

Из прилагаемой копии письма министра-президента Рамишвили вы заключите, что грузинское правительство в этом вопросе всецело идет навстречу нашим желаниям и готово пропустить через свою территорию помощь, предназначенную для Северного Кавказа в случае согласия на этот предмет германской военной миссии, которой, согласно Потийского соглашения, было предоставлено право контролировать перевоз по железной дороге армий Четверного согласия.

Ссылаясь на вышеуказанное письмо генерала Лоссова и на прилагаемую копию письма, а также на крайне тревожную депешу, которую я только что получил от специальной дагестанской делегации в Батуме, я прошу ваше превосходительство не отказать уведомить меня, встречаются ли препятствия к немедленному разрешению со стороны военной германской миссии на пропуск на Северный Кавказ помощи, столь необходимой для защиты жизни и имущества наших народов, и если подобные препятствия имеются, то каким путем они могут быть устранены моим правительством.

Соблаговолите, ваше превосходительство, принять уверения в моем совершенном почтении.

[Г. Бамматов.]

10. Письмо ген. Томсона горскому правительству от 27 ноября 1918 г.

Областному правительству Северного Кавказа.

Нижеследующее является письменным подтверждением заявлений, которые я, как представитель союзников, сделал вам, как представителям Северного Кавказа, на вчерашнем свидании.

1. Я не буду повторять, каковы вообще цели и поступки союзников при вступлении на территорию Кавказа,—вы, наверно, ознакомились с прокламациями, опубликованными мною, и можете судить об образе действий, принятом нами в Азербайджане по тому, что сами наблюдаете в Баку.

2. Вас больше всего интересует сделаться самостоятельной республикой. Я вам могу сообщить только то, что эти вопросы будут разрешены Мирной конференцией союзников.

3. До этого времени у вас есть полная возможность проявить ваши способности к самоуправлению. Когда вами будет образовано коалиционное правительство со всесторонним представительством, я готов отнестись к вам точно так же, как я обещал отнестись к азербайджанскому правительству, и все принципы, провозглашенные в прокламациях, опубликованных мною здесь, будут применены и к Северному Кавказу.

4. Я считаю крайне существенным, чтобы следующие приказы были выполнены теперь же и чтобы вы:

а) Образовали коалиционное правительство со всесторонним представительством.

б) Оставили в стороне все мелкие распри и объединились против большевиков.

в) Управляли областью, занятой вами, относясь [?] справедливо и беспристрастно.

г) Восстановили железные дороги и пароходное движение, уменьшили страдания, господствующие теперь по Кавказу и Каспийскому побережью благодаря недостатку продовольствия.

д) Удалили всех турок и устранили турецкую и германскую пропаганду—они пришли на Кавказ ради своей собственной, а не вашей выгоды, и вам не принесли ничего кроме бедствий.

е) Помогли союзникам держать связь с армией генерала Деникина и упросили ингушей добиться освобождения британской миссии, задержанной большевиками во Владикавказе.

Со своей стороны я, как командующий британскими войсками и представитель союзников, пришел сюда для того, чтобы помочь всеми средствами народам Кавказа в их страданиях превозмочь те трудности, которые стоят перед нами.

Командующий британскими силами в Баку
генерал-майор Томсон.

г. Баку, 27 ноября 1918 г.

11. Инструкция для полковника Роуландсона в Темир-Хан-Шуре [1]).

1. Эти инструкции аннулируют ранее полученные вами.

2. Командующий решил привести в исполнение следующий план:

а) Сфера северо-кавказского правительства на севере будет ограничена Ростовско-Петровской железной дорогой. Эта линия будет южной границей сферы действия генерала Бичерахова.

б) Железная дорога Баку—Петровск и далее к Ростову, как далеко сейчас возможно, а также порты Петровск и Дербент будут под контролем союзников.

в) Генерал Бичерахов сделает Петровск своей базой, и все русские военные силы севернее Ростовско-Петровской железной дороги, т. е. в Терской области, должны быть подчинены ему.

г) Северо-кавказское правительство будет мобилизовать свои военные силы в своей сфере и будет действовать против большевиков. Генерал Бичерахов сделает то же самое в своей сфере.

д) Ваши обязанности следующие:

1. Помочь и дать указания северо-кавказскому правительству при мобилизовании его военных сил и операциях против большевиков.

2. Поддержать связь между генералом Бичераховым и северо-кавказским правительством.

ж) Батальон пехоты, по всей вероятности, гурки, в скором времени будет отправлен в г. Петровск.

3. Цель вышеизложенных мероприятий—обеспечить активные совместные действия всех партий против большевиков. Необходимо, чтобы

[1]) Заголовок подлинника.

личные и политические мотивы отошли на задний план и чтобы планы генерала Томсона, изложенные в предыдущем, были бы лойяльно приняты и приведены в действие для того, чтобы союзники могли оказать самую действительную помощь.

Полковник генерального штаба
Stokes.

31.12.18.

1. Копия вручена генералу Л. Ф. Бичерахову.
1. Копия вручена Али Хану Кантемиру.

12. Письмо Г. Бамматова председателю горского правительства П. Коцеву [конец декабря по ст. ст. 1918 г.]

Двадцать четвертого ноября прибыли в Берн. Завязал сношения с миссиями Англии, Франции, Америки, Италии, Японии и другими. Подал ряд меморандумов. Просил разрешения проехать в Париж и Лондон. Париж не отвечает, настроение Франции не в нашу пользу, желают реставрации великой России, Америка, Япония, Италия платонически сочувствуют, все зависит от Англии. Лондон четырнадцатого декабря ответил: «При настоящих обстоятельствах в приезде Бамматова необходимости нет, вопрос будет изучен со вниманием». Шестого декабря заявил английскому посланнику, подчеркнув присутствие армянской и грузинской миссий в Лондоне, что прошу определенного ответа на просьбу горцев об оказании им политического и материального содействия в целях обеспечения их независимости и в борьбе с большевизмом. Если английское правительство этой помощи оказать нам не может, мы будем искать путей примирения с большевизмом, так как проливать кровь горцев для реставрации старой России мы считаем преступлением. Я принимаю меры для установления связи с большевиками. Нет сомнения, что все враждебные большевизму элементы получат содействие держав Согласия в том, чтобы наше отделение от России было гарантировано в международном порядке; только при этом условии мы можем бороться с большевиками. Если этой цели мы достигнуть не сможем, необходимо активно поддержать большевиков и требовать у них возможный максимум политических вольностей. Во всех моих обращениях к державам Согласия я поддерживаю идею Кавказской федерации — эта платформа имеет шансы на успех. Вопрос нашей независимости вне всякой зависимости от Закавказья обречен на провал. Выпустили карту нашего государства, поместили большую статью в «Политик-интернационал», издаем статью отдельно и переводим на английский. Выпускаем этнографическую карту всего Кавказа. В Европе настроение натянутое — ожидать вмешательства в крупном масштабе в русские дела нельзя. Для координации работ необходимо: первое — предпринять шаги к сближению с Закавказьем; второе — внушить представителям Англии, что только при признании Англией и союзниками нашей независимости примется помощь для борьбы с большевизмом; третье — войти в связь на всякий случай с большевиками; четвертое — пока поддерживать дружеские отношения с Деникиным. Совершенно необходимо настаивать через агентов Согласия на принятии нашей миссии Мирной конференцией и таковую послать через Лондон в Париж. Миссия должна быть хорошо снабжена деньгами и иметь все материалы. По некоторым

сведениям, грузины ищут только международных гарантий своей автономии в пределах России. Имеют связи с кадетами и монархистами. Осторожность. Момент окончательный. От положения на месте зависит все. Уведомьте, получено ли мое сообщение из Вены. Жду информации.

[Бамматов.]

13. Письмо тов. министра финансов горского правительства дипломатическому представителю этого правительства при дипломатической и военной миссии Великобритании в г. Баку от 28 (15) января 1919 г. № 2.

На территории республики Северного Кавказа частными лицами производится скупка продуктов питания для поставки их в г. Баку контрагентам английского правительства Исагулянцу, Савлаеву и др. Находя такой порядок снабжения английского правительства продуктами нашей республики нарушающим продовольственный и финансовый план нашего правительства, покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить английской миссии в Баку, что правительство республики Северного Кавказа никогда не откажет в поставке продуктов своей страны на нужды английского правительства и что за получением таковых английское правительство может непосредственно дать заказ нашему правительству, которое через своих агентов доставит все необходимые продукты по умеренным ценам.

Тов. министра финансов [подпись].

14. Письмо дипломатического представителя горского правительства при правительстве Азербайджана А. Кантемира Г. Бамматову [конец января ст. ст. 1919 г.]

Пользуясь случаем, сообщаю вам о важнейших моментах внутренней и внешней политики нашего правительства, которые имели место за последние месяцы. Приезд нашей делегации из Константинополя в Баку совпал с моментом вступления в Азербайджан представителей союзников—великобританского командования, во главе с генералом Томсоном. Вследствие этого я вынужден оставаться в Баку, приняв должность дипломатического представителя при азербайджанском правительстве и миссии союзников. Генерал Томсон в первые же дни, когда я с ним вступил в переговоры, поставил необходимым условием для дружеских взаимоотношений с нашим правительством немедленный вывод из нашей территории турецкого отряда до последнего аскера. Ввиду этого немедленно же началась эвакуация турецких частей из Дагестана и отчасти из Терской области—Кумыкской плоскости.

Отход совершился вполне спокойно без всяких эксцессов, хотя по адресу правительства его врагами были пущены все способы провокации, с целью взволновать народные массы для низвержения правительства. Генерал Томсон вначале отнесся к кабинету Чермоева с большим недоверием и подозрением. Он никак не мог понять тех обстоятельств, которые понудили наше правительство обратиться за содействием к Турции, как державе соседней и единоверной. Должен вам сказать, что в этом отношении нам очень мешал полковник Бичерахов, ныне генерал, продолжающий теперь свою разрушительную работу. Генерал Бичерахов, произведенный в этот чин сибирским пра-

вительством Колчака, имеет задачей восстановление единой России и именует себя «главнокомандующим Кавказской армии и флота». Однако ни одно из кавказских государств, разумеется, не может дать ему командование над своими силами, и поэтому фактически Бичерахов командует всего несколькими сотнями казаков и русских добровольцев и тремя пароходами на Каспийском море. В Азербайджане он почти ликвидирован, причем на этой почве между ним и англичанами заметно явное расхождение. Великобританское командование, несомненно, на Кавказе имеет свои задачи, которые расходятся с политикой русских великодержавников. Как видно из прилагаемого письма генерала Томсона к нашему правительству, наше правительство, как и все кавказские республики, признается фактически единственной властью, способной управлять Кавказом впредь до конгресса мира.

Ввиду того, что в пределах государственной границы, декларированной нами в акте объявления независимости, кроме горцев живут еще и казаки и русские крестьяне в меньшинстве, правительство наше нашло необходимым придти к соглашению для совместного строительства новой государственной жизни. Казаки, разбитые большевиками, изгнанные последними из своей территории, бежали к нам, и наше правительство оказало их беженцам приют и сочувствие соответственно традициям нашего народа. Казаки добровольно в лице своих представителей согласились подписать договор, который при сем прилагаю и из которого вы усмотрите, что при существующих условиях другого выхода быть не могло. Этот договор казачьими и нашими представителями, в числе которых был и я, был представлен генералу Томсону, который обещал нам всяческую свою поддержку и остался довольным достигнутым между нами соглашением, но до сих пор это соглашение не получает реального осуществления, потому что генерал Бичерахов, вскоре же, узнав об этом соглашении, послал своих агентов под разными предлогами к нам в Дагестан и к казакам с агитацией расторгнуть этот договор, так как иначе казаки-де будут подданными горского правительства. При этом агенты роздали миллион рублей всяким темным лицам для опорочения наших и казачьих отношений.

Когда враг стоит у наших границ, когда под его пятой находится территория нашей республики, такая политика является чрезвычайно гибельной не только для нас, но и для казачьего горского населения, имеющего право на спокойное и культурное сотрудничество с нами. Политика Бичерахова, как политика личности, идет в ущерб интересам населения нашей республики, горящей в огне анархии большевизма.

Прилагаю еще один документ, из которого вы можете увидеть, что союзные командования до сих пор еще не вполне отрешились от связи с Бичераховым. Инструкция генерала Томсона на имя полковника Роуландсона, стоявшего сначала во главе миссии союзников при нашем правительстве, а теперь принявшего командование нашими силами, нами не может быть ни в коем случае принята. Я уже заявил генералу Томсону и его сотрудникам по политической части, что вступление Бичерахова на нашу территорию никоим образом не может быть допущено, скорее наше правительство сложит власть и будет апеллировать к общественному мнению Европы, нежели будет сохранять фиктивное существование. В этом отношении необходимо оказать соответствующее влияние на Лондон, дабы, наконец, избавиться от этого кошмара.

разрушающего всю нашу работу. 15 декабря истекшего года собрался в Шуре союзный совет республики горцев, который принял отставку кабинета Чермоева и сформировал новый кабинет во главе с бывшим министром внутренних дел Коцевым.

Этот кабинет является коалиционным, и в нем было предоставлено три места казачьим-крестьянским представителям, которые, вследствие интриг Бичерахова, до сих пор не вошли в состав кабинета. 20 января с. г. союзный совет (парламент) возобновляет свои занятия и будет иметь постоянное пребывание в Шуре или в Петровске, куда мы намереваемся переехать недели через две, и будем жить впредь до взятия Владикавказа. С закавказскими правительствами мы заключили финансовое соглашение, по которому принимаем участие в новом выпуске бон, из которого на нашу долю приходится 80 000 000 руб. Впредь до этого времени мы сделали два займа у азербайджанского правительства—всего на 20 миллионов, из коих десять миллионов уже получено, а десять, вероятно, скоро получим. В общем наши финансы обстоят слабо, и нам временно придется прибегать к займам, пока не наладим организацию фиска, которая уже почти закончена.

С азербайджанским правительством у нас имели место неприятности на почве границ в Кубинском уезде. Мы заняли станцию Яламу месяца три тому назад временно, как конечный пункт, по линии железной дороги с Азербайджаном, зайдя в Кубинский уезд всего две версты. Азербайджанское правительство 24 декабря сделало распоряжение без нашего ведома выдворить силой нашу стражу, начальник которой ротмистр Табасаранский, дабы избегнуть кровопролития, вынужден был отойти к Дербенту. По этому поводу я веду переговоры с правительством Хана Хойского и предлагаю ему впредь до окончательной фиксации наших границ поставить на этой станции смешанный отряд. Часть кабинета не идет ни на какие компромиссы и считает, что мы покушаемся на целость азербайджанской территории; я же утверждаю, что Азербайджан не имеет никакого основания старые границы Бакинской губернии считать за свои государственные границы, что Кубинский уезд, в котором свыше двухсот тысяч лезгин, не может быть присоединен к Азербайджану, что вообще о границах мы должны иметь суждение в лице специального уполномоченного на то органа, впредь же до этого времени нельзя так односторонне и категорически решать вопроса. Если Азербайджан не пойдет на компромиссы, то я вынужден буду протестовать против такого захвата, а правительство наше, вероятно, не оставит использовать все возможности для разрешения этого спора. С грузинами по поводу южно-осетинского и абхазского вопроса мы находимся в неопределенных отношениях, которые пора разъяснить не здесь, конечно, а в Париже между полномочными делегациями Грузии и Северного Кавказа. Наш народ считает своей неразрывной частью братский абхазский народ и, хотя наши делегации посылаются от имени республики без всякого соблюдения национального принципа, правительство сделало исключение для Абхазии ввиду того положения, в котором находится эта страна за последние 4 месяца, и предоставило абхазскому национальному совету в составе делегации одно место; об этом я написал письмо абхазскому национальному совету, копию которого при сем прилагаю.

Главное командование союзными войсками, кажется, будет в Тифлисе, в таком случае мне придется перебраться туда. Я уже отметил,

что во главе армии нашей в качестве главнокомандующего на время операции против большевиков будет стоять представитель союзного командования, полковник великобританской армии Роуландсон, который в настоящее время находится в Шуре и принимает непосредственное участие в формировании наших частей. Мы решили для операции против большевиков выставить десятитысячную армию, которая, действуя совместно с населением, будет вполне в состоянии справиться с большевиками и с анархией, принимая во внимание еще то, что, вероятно, с нашими частями будут также и английские.

Для движения к северу по Военно-грузинской и по Военно-осетинской дорогам формируем два батальона, главным образом из южных осетин и вообще желающих горцев, которые будут итти также с участием великобританских частей.

Я имею сведения, что руководство операциями на Кавказе и вообще на Востоке будет сосредоточено в руках одного английского генерала, местопребыванием которого будет Константинополь. На этот случай я пишу со специальным курьером письма Рауф-бею, Уссейн-Тосумбею, чтобы они совместно с нашей делегацией, которая будет проездом в Константинополе, предприняли необходимые шаги для воздействия на главную великобританскую квартиру в смысле поддержки материальной нашей армии, а также укрепления нашей политической позиции и независимости, дабы мы имели возможность противостоять тем препятствиям и затруднениям, которых не испытывает ни одна из кавказских республик кроме нас. Все кавказские правительства здесь на местах заняты очередными будничными делами и строительством, не учитывая той громадной заслуги и колоссальной борьбы, которую несут горцы перед всем Кавказом. Вы в спокойной обстановке должны разъяснить представителям закавказских республик это обстоятельство для того, чтобы они, по крайней мере, не затрудняли работу нашего правительства против большевизма, а эта работа будет успешна лишь в том случае, если Грузия и Азербайджан не будут пользоваться критическим положением нашей страны и перестанут захватным путем округлять за счет горской территории свои государственные границы. Наше правительство стоит на той точке зрения, что теперь не время заниматься внутренними кавказскими вопросами, что сначала нужно закончить наши внешние задачи, а потом лишь обратиться к внутренним взаимоотношениям.

Прошу вас, по возможности, сообщать нам о ходе работ делегации, а также сообщить, что вами было сделано до сих пор, были ли в Лондоне и в Париже и каково там отношение к Северному Кавказу. Сообщение делайте по тому шифру, который передали генералу Халилову, или по тому, который у Чермоева.

Желаю успеха вам в трудной и ответственной работе на пользу народов Северного Кавказа.

15. Министру иностранных дел республики горцев. Интервью с делегацией горского правительства в г. Тифлисе 6 февраля 1919 г. [1]).

Переводчик полковник принц Марат, француз, служивший раньше в ингушском конном полку русской армии. Председатель делегации

[1]) Заголовок подлинника.

Джабаги, министр финансов республики союза горцев Кавказа, ингуш. Члены делегации: а) Фатали-бек Ахундов, дипломатический представитель, получеркес-полутатарин, б) Хаджи-Бекир Мальсагов — ингуш, в) Абу-Бек Плиев — ингуш, д) Ужахов — ингуш, раньше служивший офицером в ингушском конном полку в русской армии.

1) Эта делегация была принята бригадным генералом Бич и сказала ему, что она очень хотела бы получить помощь от великобританского правительства и не хотела бы занятия Владикавказа русскими (добровольцами).

2) Они заявили, что с тех пор, как началось влияние Великобритании на Кавказе, ингуши были всегда за англичан, против большевиков. Они добавляют, что добровольцы русские идут в г. Владикавказ и обращаются с ингушами, как с неприятелем. Генерал Бич им ответил, что Добровольческая армия русская имела основание полагать (подумать), что ингуши против нее, и было бы хорошо, если бы ингуши вошли в связь с Добровольческой армией и предупредили ее командование до прихода их, русских, в г. Владикавказ. На это ингуши ответили, что их от Добровольческой армии отделяют большевики, которые и лишили возможности вести переговоры.

3) Вопрос, поставленный ингушами: «Не могут ли англичане послать в г. Владикавказ хоть маленький отряд для установления хороших отношений?» Ответ был отказ.

4) Тогда, какую помощь нам могут дать англичане? Ответ: «Телеграфируйте Деникину».

5) Как смотрят союзники на столкновения, происходящие сейчас во Владикавказе между Добровольческой армией и ингушами? Ответ: Если столкновения скоро прекратятся, то союзники на это будут смотреть, как на недоразумение, но если не прекратятся, то тогда обе стороны будут ответственны.

6) Нельзя ли послать в г. Владикавказ английского офицера? Ответ: это будет доложено.

7) На вопрос, касающийся хороших отношений в будущем между горским правительством и терскими казаками, делегация ответила, что горцы хотели бы дружеского сожительства с терскими казаками и даже горское правительство предложило казакам два места в парламенте в Темир-Хан-Шуре, но казаки отказались от этого предложения.

Подписал: генерал Бич.

Копия послана в Константинополь в главный штаб, вторая копия в штаб 27 дивизии, третья—полковнику Шардиньи и четвертая—президенту делегации Джабаги.

С подлинным верно: и. д. дипломатического представителя
[подпись].
И. д. секретаря Ужахов.

16. Письмо П. Коцева ген. Томсону от 27(14) февраля 1919 г. № 169.

В ответ на вопросы, заданные вами в письме от 4-го сего февраля, имею честь сообщить.

Вмешательство во внутренние дела республики союза горцев со стороны Добровольческой армии выразилось:

а) в том, что подошедшие к району Владикавказа части ее открыли боевые действия для захвата этого города, занятого именем горского правительства ингушскими партизанами;

б) в ультимативных требованиях (текст коего при этом [?] прилагаю: а) о разоружении ингушей, б) о пропуске к г. Грозному, в) о возмещении убытков, г) о мобилизации ингушей от 18 до 40 л., д) о назначении в Терскую область генерал-губернатора из казаков и

в) в захвате территории всего Кабардинского округа.

Шаги, предпринятые горским правительством перед командованием Добровольческой армии, следующие: а) 7 февраля генералу Врангелю, командующему частями Добровольческой армии, в станицу Червленную курьером послано письмо о необходимости приостановления военных действий против ингушей и об отводе частей Добровольческой армии с горской территории, б) 8 февраля к командующему добровольческими частями высланы уполномоченные горского правительства во главе с членом правительства для ликвидации инцидента на месте.

Сведений о результатах их переговоров у меня еще не имеется.

Лично я имел беседу по этому же поводу с представителем Добровольческой армии генералом Эрдели, который заявил, что действия передовых частей Добровольческой армии, подступивших к владикавказскому району, по всей вероятности, являются результатом непонимания их командованием известного наличия условий и полной неосведомленности о тех взаимоотношениях, которые установились между союзным командованием и горским правительством на почве общей борьбы с большевизмом.

Считая, что правительство, несущее перед историей ответственность за судьбу своего народа, не в праве спокойно лицезреть и ожидать произвольного исхода событий, я вновь и настоятельно прошу ваше превосходительство о безотлагательном вмешательстве союзного командования в то столкновение, которое имеется налицо и может в дальнейшем развиться в пожарище новых распрей.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам свою искреннюю признательность.

Председатель совета министров П. Коцев.

17. Телеграмма ген. Романовского от 17 февраля 1919 г. на имя ген. Ляхова.

[Копия.]

По приказанию главнокомандующего сообщаю, что сфера английского влияния, по определению генерала Бриггса, линия Кизиль—Бурун—Закаталы—Кавказский хребет. 17 февраля 21 час 40 мин.

Романовский.

Верно. Капитан Болецкий.

С подлинным верно. Директор канцелярии совета министров [подпись].

18. Письмо П. Коцева ген. Томсону от 4 марта (19 февраля) 1919 г. № 166.

Ваше превосходительство, милостивый государь.

В дополнение к личным переговорам, в коих я изъяснил вашему превосходительству положение дел, создавшееся на нашей территории

вследствие наступательных со стороны добровольческих частей операций на Ингушетию, имею честь дополнительно сообщить, что, по полученным вновь официальным сведениям, факт назначения генерала Ляхова на Терек с обширными полномочиями действительно имеет место, а операции Добровольческой армии на нашей территории продолжаются. Все это явно посягает своей агрессивностью на целость республики союза горцев Кавказа и представляет серьезнейшую опасность для дела налаживающегося на нашей родине спокойствия и порядка, во имя которых правительство, невзирая на чрезвычайные затруднения, работает, не покладая рук. Правительство подтверждает вашему превосходительству, что оно неуклонно придерживается тех первоначальных условий, коими вы и наше правительство обменялись письменно.

По мнению правительства, в основном вопросе создания порядка и гражданственности на территории Союза горцев Кавказа поведение Добровольческой армии будет иметь чрезвычайно нежелательные последствия в виде острой национальной вражды.

В целях скорейшего достижения поставленных задач — установления порядка и гражданственности—правительство считает настоятельно необходимым заявить, что

1) все части Добровольческой армии немедленно должны быть отведены из территории Союза горцев Кавказа за фактические границы и

2) никакие полномочия лиц по назначению командования Добровольческой армии не могут быть распространены на пределы территории Союза горцев Кавказа, а потому правительство питает надежду, что ваше превосходительство в общих интересах решительно поддержите путь скорейшего достижения успокоения края принятием необходимых мер в срочном порядке в изложенном направлении.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам свою искреннюю признательность.

Председатель совета министров и и. д. министра ин. дел К о ц е в.

19. Письмо Х. Хадзарага П. Коцеву от 13 марта (28 февраля) 1919 г.

Дорогой Пшемахо.

Соделегаты просили меня осведомить тебя и кабинет о действиях миссии, посланной вами на всемирный конгресс для защиты независимости и интересов республики.

К сожалению, я вынужден огорчить вас сообщением, что мы до сих пор все еще не получаем возможности приступить к прямым нашим задачам. Мы прибыли в Константинополь еще 21 января, и вот прошло почти уже полтора месяца, а мы все еще не можем получить от союзного командования разрешения проследовать далее в Париж. В таком же положении находятся и другие делегации от многих новых государственных образований, выросших на развалинах бывшей России; только армянская делегация пропущена в Париж да два делегата из грузинской делегации — Чхеидзе и Церетели (последние два при загадочных обстоятельствах, о чем я сообщу ниже). Здесь сейчас на-

ходятся следующие делегации: по времени прибытия первое место занимают грузины и азербайджанцы, прибывшие 20 января (мы так и не догнали их); за ними прибыли мы; дней восемь тому назад здесь появились украинцы, донцы и кубанцы; говорят еще о какой-то крымской делегации, но нигде она еще не появлялась, и вот все эти делегации без всякого дела сидят здесь и страшно томятся в ожидании, когда, наконец, возгордившимся союзникам, заседающим в Париже, угодно будет пропустить их туда. Нечего говорить о том, как скверно мы себя чувствуем, зная, что там, в Париже, решаются наши судьбы и притом без нашего участия: все ехали на конференцию вдохновленные, разгоряченные, готовые биться каждый за интересы своего народа и убежденные, что принципы права и справедливости, провозглашенные устами Вильсона союзниками, там, на всемирном судилище, получат реальное осуществление. Что же оказывается на деле? Нам недвусмысленно дают понять, что наши судьбы будут решаться не нами, что нам будет разрешено проследовать в Париж только тогда, когда союзники договорятся, для того, чтобы осведомить о принятых решениях (в этом отношении характернее всего объяснения Тропчибашева со здешним французским представителем).

Тут все понимают, что нашему отъезду в Париж особенно препятствуют французы; эта вырождающаяся нация, никогда не ожидавшая победы, но вышедшая из войны победительницею благодаря чужой силе, отряхнула прах от ног своих и определенно стала на путь завоеваний и угнетения, только для дураков все еще продолжая прикрываться пустой демократической фразеологией. Надо было видеть триумфальный въезд в Константинополь главного начальника союзнических сил, французского генерала, чтобы убедиться в этом; пышность церемониала доходила до неприличия: по всему длинному пути непрерывной густой цепью были расставлены английские, французские, итальянские и американские войска, на углах стояли оркестры музыки. При пушечной пальбе и грохоте труб медленно проследовал победоносный генерал на коне, ведомом под уздцы двумя людьми, и в сопровождении блестящей и многочисленной свиты. Дух великолепного Юстиниана, несомненно, был смущен от такого невиданного зрелища; те, кто достаточно видел на своем веку, говорят, что ничего подобного никогда им не приходилось наблюдать; недоставало только связанных рабов, чтобы мысль унесла наблюдателя в глубину веков. Бедных турок совсем забыли: администрация, полиция — все это от союзников; от турок остались одни красные фески, робко снующие по всем направлениям. Несчастные турки на своей родине, в своей столице сделались чужими. Так проводятся в жизнь принципы международной правды и справедливости гордой своей победой Антантой...

Наше положение тем хуже, что нам не дают возвратиться даже домой, так что мы находимся на положении арестованных. По этому поводу мы поручили одному из секретарей сделать английским властям представление в том смысле, что, дескать, мы слишком небогаты интеллигентными силами, чтобы позволить себе роскошь сидеть здесь без дела, и что поэтому мы просим дать нам возможность возвратиться домой, раз они не имеют намерения пропустить нас в Париж; к сожалению, на нашу дипломатическую колкость мы не получили ответа. Но так или иначе этим господам придется таки дать нам ответ, так как теперь все делегации спелись и собираются сделать на союзниче-

ских представителей дружный натиск, уже более решительный и смелый; да и пора быть более смелыми, пора понять, что союзнические правительства не могут бесконечно издеваться над нами, не подвергнувшись жестокой критике у себя дома. И теперь, когда исчерпаны все способы и приемы «мягкой и ласковой» дипломатии, которые ничего положительного не дали, все приходят к тому заключению, что пора начать говорить более решительным и твердым языком.

Я обещал сообщить о таинственном вызове Чхеидзе и Церетели в Париж после того, как они почти месяц тщетно стучались во все двери, как и мы. Внезапно пришла из Парижа телеграмма о пропуске Чхеидзе и Церетели, и их с молниеносной быстротой усадили на французский пароход и увезли: на сборы им дали всего около двенадцати часов и никого с собой не позволили взять. Это таинственное похищение двух всероссийских и в то же время грузинских героев удивило всех, и каждый строит свою догадку: одни говорят, что нашим героям удалось выехать благодаря салонным влияниям, так как якобы у грузин в Париже есть рука; другие полагают, что они вызваны по настоянию Тома и Гендерсона на Бернскую конференцию социалистов; строят и другие предположения, но кто знает, где правда?

При отъезде Чхеидзе и Церетели обещали действовать в Париже в том направлении, чтобы пропустили и нас; прошло однако со времени их отъезда около десяти дней, а от них еще нет никаких известий.

Теперь я остановлюсь на тех политических настроениях, которые родились или рождаются на почве общения делегаций друг с другом. Кстати сказать, все делегации, за исключением армянской, сразу поселились в гостинице «Пера-Палас», поперезнакомились и находятся друг с другом в самых оживленных отношениях. Вечером салон представляет из себя типичный многоязычный русский уголок с хохлами, казаками, горцами, татарами, грузинами и пр., даже один поляк вмешался между нами.

Четыре-пять дней тому назад, по мысли кубанцев, устроен был совместный обед всех делегаций; за обедом присутствовали: украинцы, донцы, кубанцы, мы — горцы, азербайджанцы и грузины. Кубанский делегат Быч (бывший бакинский городской голова) поднял первый бокал за здоровье престарелого грузинского делегата Николадзе, указав на его заслуги перед обществом; Быч отметил, что Николадзе в роли народовольца был бойцом за правду, как общественный деятель — неутомимым и бескорыстным тружеником и как журналист — учителем. В дальнейшем весь банкет прошел в таком же сердечном тоне. Николадзе много говорил о том, что в продолжение пятидесяти лет он неустанно работал над возрождением России и что поэтому его нельзя упрекнуть в нелюбви к ней; пусть же поэтому никто не удивляется тому, что он здесь является в роли делегата независимой Грузии, так как это не есть измена старым идеалам. Далее Николадзе заявил, что путем долгого размышления он пришел к заключению, что Россия страдает таким тяжким недугом, что нет никакой возможности надеяться на возрождение ее в ближайшем будущем, если ей еще суждено возродиться; в продолжение шестидесяти лет русская литература, озлобленная тяжелым самодержавным гнетом, систематически убивала в обществе все те чувства, на которых строится всякая государственность, как-то: любовь к родине, воинская доблесть и проч. Угнетаемая

самодержавным режимом литература перенесла свою ненависть на всякую государственность, и эта ненависть сообщилась русскому обществу. И Николадзе полагает, что нужны многие десятилетия, чтобы народилась новая литература, которая воспитала бы новое поколение со здоровым общественно-государственным инстинктом. Теперь же для общественного деятеля остается только работа на местах в целях общественной организации маленьких народностей, так как в таких узких рамках еще можно найти пружины, чувствительные для широких масс. Надежды «кадет» и других на возрождение единой России, по мнению Николадзе, не только несбыточны, но и прямо вредны, так как они отвлекают внимание общества в сторону неразрешимых задач. Не путем теоретических построений и давления сверху создается какой-то новый большой государственный организм, а путем разумного и добровольного соглашения организовавшихся народов, понявших общность своих интересов.

Все согласились с мнением Николадзе. Кубанский делегат Быч кроме того еще заявил, что кубанцы относятся совершенно отрицательно к собирательным тенденциям Деникина, видя в них угрозу объединению и солидарности соседних народов. Проникнутый реставрационными идеями и окруженный гвардейско-аристократическим штабом, Деникин, по мнению кубанцев, является опасным врагом всякой свободы.

В заключение Николадзе и Быч высказали пожелание, чтобы новые государственные образования, в лице собравшихся в Константинополе делегатов, путем делового общения нашли общий язык, дабы совместно отстаивать общие интересы, ибо для всех уже ясно, что сепаратные выступления отдельных делегаций не достигают цели. Все одобрили это пожелание, и, во исполнение его, на другой же день, в кабинете Чермоева было назначено первое деловое заседание председателей делегаций для выработки обращения к союзникам. В составленном меморандуме отмечается мнение всех делегаций, что разрешение наших жизненных вопросов в Париже в наше отсутствие и по информации неполномочных и некомпетентных лиц (это касается Сазонова и др.) является актом несправедливости и не соответствующим той демократической программе, которая была присвоена конгрессу еще во время войны.

К сожалению, на заседании выяснилось, что грузины окончательно уклоняются от всех совместных с нами действий, даже по вопросам, одинаково всех нас касающимся: основываясь на пустой формальности, именно на отсутствии председателя Чхеидзе, они заявили, что вынуждены уклониться от всяких общих политических шагов совместно с другими делегациями. Проявленный грузинами крайний сепаратизм нас мало удивил: еще задолго до этого мы и азербайджанцы дважды предлагали грузинам подумать над тем, что рано или поздно нам придется подойти друг к другу ближе, так как всякий знающий наш край ясно понимает, что спешно народившиеся на почве революции мелкие республики, будучи изолированными, едва ли окажутся жизнеспособными. К сожалению, на наш прямой вопрос, принимается наша протянутая рука или нет, грузины ответили нам ничтожными дипломатическими любезностями, не сделав никаких определенных заявлений. Частным образом мы слышали, что течение, представляемое Николадзе, сильно борется внутри грузинской делегации против ее официальной

тактики, вполне основательно находя, что это приведет к изоляции Грузии, вредной и опасной прежде всего для самих же грузин. Естественно, поведение грузин вызывает недоумение: получается впечатление, точно грузины боятся скомпрометировать себя, общаясь с нами. И две движущие пружины грузинской делегации Чхеидзе и Церетели (в особенности последний), эти два вчерашних подвижника на общечеловеческой арене, сегодня, подобно улитке, ушедшие в свою национальную скорлупу, поистине вызывают удивление. Впрочем, может быть, при ближайшем знакомстве с нами и с подъезжавшими в их отсутствие русскими Чхеидзе и Церетели изменят свою точку зрения; все несчастье в том, что, за их отъездом, осталось здесь социал-демократическое большинство, совершенно ничтожное и трусливое, ищущее оправдания в своем нелепом доводе. Может быть, повторяю, при ближайшем общении с Чхеидзе и Церетели и удастся повлиять на их взгляды, тем более, что против них у нас имеются такие козыри, как Южная Осетия и Абхазия.

Несколько слов об армянах. Они, повидимому, совершенно не интересуются нами, как и мы, впрочем, ими. По адресу азербайджанцев и отчасти грузин армянская пресса сделала несколько грубых выпадов, но потом вскоре всех оставила в покое. Повидимому, все внимание их поглощено теми обещаниями, которые они получают от союзников касательно «Великой Армении», имеющей протянуться от Средиземного моря с выходом через Александретту до Черного — с выходом через Трапезунд и даже Батум. Трудно сказать, обманет Париж армян или нет, но пока что появилась карта, на которой даже несчастный Тифлис попал в пределы Армении. Вот какие фантастические планы пока выкидываются на политический рынок.

Перехожу к политическим настроениям наших избранников. О Бамматове ничего не могу сообщить, так как он все еще не пристал к нам: говорят, что ему удалось из Швейцарии пробраться в Париж, но, к сожалению, мы не имеем возможности общаться с ним. Таким образом, я имею возможность осведомить вас только о настроениях нас трех — Чермоева, Гайдарова и о моем.

Само собой разумеется, что наши разговоры все время вращаются вокруг политической судьбы наших бедных народов и нашей независимости. Чем внимательнее мы оглядываемся кругом, тем больше наша независимость представляется нам относительной. Теперь почти уже выяснилось, что невозможно создать единый кавказский государственный организм — федерацию или конфедерацию — безразлично: армян, этих балованных детей нашего времени, ни за что теперь не загонишь в нашу убогую саклю на правах равноправных членов; больше того, может быть, еще при нашей жизни нам придется защищать наш богатый край от империалистических покушений Великой Армении; напомню еще раз, что уже ходит карта, на которой границы Великой Армении подкатывают нам под самый нос. Может быть, в эту эпоху великого переустройства небесполезно вспомнить и то, что история знает случаи вторжения Армении на Северный Кавказ. Что касается грузин, то я уже отметил, что они положительно не хотят знаться с нами. Таким образом, в числе наших неизменных друзей остаются одни лишь азербайджанцы. Очертите, пожалуйста, на карте границы нашей и Азербайджанской республики одной линией, только

не увлекайтесь чересчур на север и запад: будем твердо помнить, что ширина наших владений зависит исключительно лишь от наших сил и что никто не даст нам ни одной лишней пяди земли ради наших прекрасных глаз. Итак, очертивши одной линией границы нашей и Азербайджанской республик, внимательно поразмыслите, имеются ли даже в этих расширенных границах налицо благоприятные географические, этнографические, экономические и, наконец, интеллектуальные условия, которые давали бы надежду на то, что такое совершенно независимое государство будет благоденствовать. Ваши бедные избранники в подобного рода размышлениях ломают себе головы. Нам кажется, что нашей республике неизбежно придется укрыться под какой-либо более мощной государственной надстройкой, но когда мы оглянемся кругом в поисках такой надстройки, то мы ее сейчас не найдем нигде, но мы можем судить, где она может возникнуть. Я уже сказал, что на юге мы ничего не найдем: ни Грузия, ни тем менее Армения не могут быть нашими друзьями, а что касается слабенького Азербайджана, то хотя его дружба и нелицеприятна, но ее слишком мало. В прошлом была одна возможность найти пристанище на юге: я разумею Турцию, которая, по мнению некоторых наших друзей, была бы для нас лучшим исходом. Я ничего не стану критиковать, скажу только, что Турция — это дело прошлое, Турция умерла для нас; нам, видящим все, что здесь делается, ясно, что дело идет о ликвидации Турции, как великой державы. Итак на юге мы не можем найти укрытия.

Обратимся на север, хотя еще так недавно наш горячий друг предавал анафеме всякого, кто делал это; что делать, изменилась обстановка, а жизнь продолжает предъявлять к разуму свои требования. Нам всем трем представляется, что сила обстоятельств заставит нас искать именно на севере, на ближайшем севере то, что нам неизбежно необходимо. Повидимому, из Кубанской и Черноморской областей и Ставропольской губернии образуется какое-то государственное образование, может быть, к нему примкнет и Донская область. После общения с кубанскими делегатами, нам кажется, что такое государственное образование (разумеется, демократическое), если б оно окрепло, могло бы быть для нас надежным пристанищем.

Спешу предупредить вас, что мы ничего не разрешаем, это дело правительства и самих народов. Я имел намерение вскрыть между нами настроения — это одно, а второе — это то, чтобы и вы подумали над этим вопросом.

Теперь кое-что о турецких черкесах. Они приняли нас очень радушно, устроив одно официальное заседание у себя в клубе и дав банкет. По их просьбе мы должны были развить пред ними нашу точку зрения касательно судьбы нашего края и границ нашей республики, причем их особенно интересует северная граница, которую они вздымают до самого Ейска. Как это ни покажется странным, а они не относятся к России отрицательно, полагая, что нам ни в коем случае не следует ссориться с ней. Далее, черкесы нам заявили, что полтора миллиона горцев, изгнанных из родины деспотической Россией, мечтают о возвращении обратно, обращаясь к нашим чувствам справедливости и братства: Они просили нас оказать им всякое содействие. Потом они ознакомили нас с меморандумом, в котором они обращают внимание всего цивилизованного мира на свои справедливые требования; они требуют создания условий, обеспечивающих изгнанникам возмож-

ность возвращения на родину. Черкесский клуб, в целях отстаивания указанных требований, избрал для участия на всемирном конгрессе особую делегацию в составе четырех лиц и под председательством Бекир-бея (Кундухова, сына известного Муссы Кундухова); делегация намерена работать в полном контакте с нами.

К сожалению, мы очень мало знаем о наших изгнанных братьях, томящихся на чужбине. Наш долг помочь им возвратиться на родину. Почему, в самом деле, они не могут быть возвращены на родину теперь, если шестьдесят лет тому назад их можно было изгнать? Следует принять во внимание и то, что с их возвращением отпадает страх пред русским мажоритетом на Северном Кавказе.

Вот пока все, что есть здесь интересного.

Желаю тебе здоровья и успеха в работе. Передай от нас привет всему кабинету.

Твой Хасан Хадзараг.

28 февраля 1919 г., г. Константинополь.
Пера-Палас.

20. Письмо командующего английскими оккупационными войсками в Петровске П. Коцеву от 24(11) апреля 1919 г.

Петровск, № 10101. 24 апреля 1919 г.

Я получил директивы передать следующее правительству горской республики. На британское предложение Деникин согласился не продолжать операции и не будет наступать на Дагестан. Ген. Ляхов будет смещен. Ген. Деникин сам устроил modus vivendi с чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и мир восстановлен в ожидании инструкции Мирной конференции, которая решит вопрос о независимости и границах государства. В ответ на это горское правительство должно позволить Добровольческой армии пользоваться Петровским портом, как средством для укрепления Гурьева.

Ген. Пржевальский, по инструкции ген. Деникина, уменьшит свои силы в Петровске, но эта необходимость [?] займет некоторое время, так как будет делаться постепенно. Немедленных действий ожидают от горского правительства против большевиков в городах и деревнях, и судить о горском правительстве будут по его действиям.

Полковник Роуландсон послан офицером связи с ген. Деникиным, чтобы уверить, что желания горского правительства исполняются.

В дополнение объявляю вам, что всякое нападение на ген. Пржевальского будет объяснено британским командованием, как враждебный против него акт.

Пожалуйста, уведомьте о получении сего письма.

Полковник, командующий британскими войсками в Петровске
[подпись].

21. Речь начальника британской миссии ген. Бриггса, сказанная 17 апреля 1919 г. на заседании Большого войскового круга в г. Новочеркасске[1]).

Господин председательствующий и господа члены Большого войскового круга, я хочу поблагодарить вас от лица союзников за честь,

[1]) Заголовок подлинника.

которую вы оказали нам приглашением посетить ваш круг, и за тот сердечный прием, который был нам оказан.

Благодарю также командующего армией и членов круга, которые выступали здесь с речами, за то, что ими было сказано.

Я очень рад встретиться сегодня здесь со всеми вами, так как я слышал, что злонамеренные люди распространяли слухи о том, что мы — русские, переодетые в английское платье.

Если кто-либо думает, что я русский, переодетый англичанином, я даю ему полную возможность проверить здесь сейчас или после, так ли это.

Носились также слухи о том, что Англия помогает большевикам и не помогает Дону. Повидимому, злонамеренным людям, говорившим это, было известно [?], что значительное количество английских войск сражается против большевиков на Мурмане, под Архангельском и вместе с войсками адмирала Колчака.

Англия посылает сюда полное обмундирование, снаряжение, вооружение, танки, аэропланы и орудия на 250-тысячную армию.

Если кто хочет проверить это, то тот может собственными глазами видеть английские орудия на станции железной дороги.

Мы были сейчас на фронте, чтобы познакомиться с командующими, с генералами, офицерами и казаками и чтобы изучить нужды и потребности фронта и выяснить, каким образом лучше всего можно оказать вам поддержку и содействие в дальнейшей борьбе с большевиками.

Я искренне надеюсь, что мое посещение фронта поведет к взаимной симпатии и лучшему пониманию друг друга.

Я очень сожалею, что эпидемия тифа все еще продолжает свирепствовать среди войск и среди населения.

Даже ваш уважаемый атаман не избег этой тяжелой болезни. Я очень рад, что здоровье его теперь поправляется.

Англия посылает уже медикаменты, перевязочные средства, кровати, белье. Все эти вещи уже прибыли сюда, и остается их только разгрузить и распределить.

Я просто военный и потому не люблю политику. У солдат только одна задача и цель — это победа.

Политики думают о себе, о своих затеях и ищут популярности толпы. Этот путь не ведет к победе.

Примите мой совет, как [?] человека: сосредоточьте все свое внимание только на одном, как бы скорее достигнуть благополучного исхода. Достигнуть этого можно одним только способом: быть объединенными и твердо добиваться намеченной цели.

Есть среди политиков люди, которые думают, что маленькое независимое государство лучше, чем большая сильная Россия. Если бы такая политика восторжествовала, кто бы в остальном мире знал, что есть Дон и кто бы был этим озабочен?

Может быть, некоторые люди, получившие образование больше других, знали бы, что Дон — это река.

Союзники хотят видеть сильную и единую Россию.

Вы можете свои собственные дела устраивать согласно вашим взглядам и обычаям, но, по моему мнению, единая Россия—это единственная дорога, ведущая к благосостоянию всего государства.

Я знаю, как вы устали, как вам тяжело от все продолжающейся войны.

Каждая нация переживает теперь то же самое.

Если вы сердцем и душою объединитесь в общем деле, я уверен, что в течение ближайших нескольких недель два великих патриота — генерал Деникин и адмирал Колчак — пожмут друг другу руки, и тогда для вас наступит благосостояние мирной жизни.

Надеюсь, что это случится в недалеком будущем.

Из записной книжки архивиста

Из истории борьбы самодержавия с рабочим движением

Конец прошлого столетия ознаменовался в России широким развитием рабочего движения, волной забастовок, проникновением в массы в результате деятельности ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» социал-демократических идей, созданием Российской социал-демократической рабочей партии. Пролетариат оказывал все большее сопротивление усилиям самодержавия направить капиталистическое развитие России по пути, который сохранил бы за крепостниками всю их власть и доходы путем приручения к себе торгово-промышленной буржуазии за счет неимоверного угнетения масс.

Зато буржуазия быстро оценила все выгоды капиталистического накопления под эгидой попечительного начальства. Напуганная знаменитыми забастовками петербургских текстильщиков в 1878—1879 гг., она уже в 1880 г. добивается права содержать на свой счет полицейских агентов.

Мощное стачечное движение 80—90-х годов нынудило самодержавие сделать некоторые шаги в области фабрично-заводского законодательства. Однако верное своей классовой природе, оно продолжало считать полицейские методы лучшим средством борьбы с рабочим движением, превращая и недавно организованную фабричную инспекцию в полицейский придаток. Объезжая в 1896 г. Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии для выяснения причин прокатившихся по ним забастовок, командующий отдельным корпусом жандармов ген.-лейт. Пантелеев пришел к заключению, что фабричная инспекция обнаружила в этом случае свою полную несостоятельность. Не защищая интересов рабочих, она-де не ограждает их от влияния революционной пропаганды. Выход бравый жандарм видел в передаче фабричной инспекции из министерства финансов в министерство внутренних дел. Но и этого, — полагал он, — недостаточно. «По моему мнению,—писал Пантелеев в своей записке,—положение дел указывает на необходимость учреждения, кроме фабричной инспекции, еще особого органа правительственной власти, ведению которого подлежало бы предупреждение вторжения на фабрики зловредного элемента, наблюдение за духом и настроением рабочих, а также предупреждение и пресечение проступков и преступлений в интересах общественного спокойствия и порядка, что и может быть достигнуто только при учреждении особой фабричной полиции, с условием непременного проживания ее на фабриках»[1]).

Для рассмотрения записки Пантелеева было назначено особое междуведомственное совещание под председательством Победоносцева. В конце 1898 г. вопрос обсуждался в Государственном совете, и в результате 1 февраля 1899 г. был издан закон об учреждении особых должностей полицейских надзирателей для усиления надзора за населением фабрик, заводов и промыслов.

На местах, впрочем, не ждали, когда дело решится в законодательном порядке. Владимирский губернатор Цеймерн уже в отчете царю за 1897 г. поставил вопрос о создании фабричной полиции, и Николай признал реализацию этой идеи «настоятельно желательной». Поощренный царской резолюцией, Цеймерн немедля принимается за дело. К тому же у предпринимателей он встречает сочувственный отклик и материальную поддержку, без которой, до издания соответствующего законоположения, не удалось бы реализовать его планов. Губернатор вербует казаков на средства, полученные от Нечаева-Мальцева, Морозовых, Смирнова и других фабрикантов.

---

[1]) Б. П. Козьмин, Рабочее движение в России до революции 1905 г., 1925 г., стр. 144.

Почему выбор пал на казаков, Цеймери поясняет достаточно откровенно в публикуемом ниже отрывке из отчета за 1898 год: трудно было надеяться найти на месте людей годных к расправе с рабочими. Казаки же настолько оправдали все надежды губернатора и фабрикантов, что в отчете за следующий 1899 год он с восторгом доносит:

«Опыт организации названной команды оказался настолько удачным, и казаки своей способностью к наружно-полицейской службе настолько оправдали свое назначение, что в отчетном году были последовательно учреждены такие же команды и тоже на средства фабрикантов и заводчиков в мест. Никольском, Покровского уезда, в г. Шуе и на Гусевском заводе Нечаева-Мальцева в Меленковском уезде».

Восторги владимирского губернатора разделил Николай II, рекомендовавший учесть его опыт: «Хороший пример для других фабричных местностей. Вниманию министерства внутренних дел».

Но сломить рабочее движение и предотвратить 1905 год не смогла и специальная фабричная полиция.

Р. З.

Из отчета владимирского губернатора Н. М. Цеймерна за 1898 г. о состоянии губернии[1]).

В отчетном году на фабриках вверенной моему управлению губернии значительных беспорядков рабочих не было, за исключением происшедшей в феврале месяце стачки[2]) прядильщиков и ткачей, в числе 4.000 человек, на Гусевском заводе Нечаева-Мальцева, в Меленковском уезде, для прекращения которой выезжал на место управлявший в то время губернией владимирский вице-губернатор[1]) с одним батальоном пехоты и одной сотней казаков. По этим беспорядкам, независимо от возбуждения судебного дела, были привлечены к дознанию, в порядке положения о государственной охране, 21 рабочий, из коих, по постановлению господина министра внутренних дел, подчинены гласному надзору полиции в избранном месте жительства, вне фабричных местностей, 12 человек и тому же надзору на родине — 4 человека; остальные же обвиняемые от ответственности освобождены.

Согласно циркулярному предложению господина министра внутренних дел от 12 августа 1897 года[2]), дела по фабричным беспорядкам с означенного времени стали получать преимущественно направление в порядке положения о государственной охране, что крайне важно, так как, с одной стороны, возбуждение судебного преследования по подобного рода делам во многих случаях оказывается невозможным и виновные в допущении беспорядков в таких случаях не несли бы никакой ответственности, а это весьма вредно, поселяя в рабочих, производящих беспорядки, ложное убеждение в безнаказанности всякого незаконного образа их действий; с другой же стороны, налагаемое в административном порядке наказание — высылка из пределов губернии под гласный надзор полиции, с воспрещением жительства во всех фабричных местностях империи, имеет гораздо более устрашающее значение, чем наказания, определяемые судебными приговорами, обыкновенно в виде краткосрочного тюремного заключения или ареста при полиции.

В 1898 году во Владимирской губернии положено начало учреждению специальной фабричной полиции[3]), что при настоящих условиях, ввиду проникшей в среду фабрично-рабочего населения де-

---

[1]) ЛОЦИА, фонд Комитета министров, 1899 г., кн. № 5398.—Текст подготовлен к печати т. Перепеченовой.

[2]) Имеется в виду стачка рабочих Гусевского завода Нечаева-Мальцева, происходившая с 23 февраля по 5 марта 1898 г. и окончившаяся поражением рабочих. Выездной сессией Владимирского окружного суда были приговорены к тюремному заключению на сроки от 3 до 8 месяцев 21 рабочий и 2 рабочих к 3-месячному аресту при полиции. Подробн. см. Н. Шаханов, Гусевская стачка 1898 г., Владимир, изд. Владимирского истпарта и губотдела профсоюза текстильщиков, 1928 г.

[1]) Урусов, Николай Петрович, князь, владимирский вице-губернатор в 1894—1902 гг. Позже полтавский губернатор и сенатор.

[2]) Секретный циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 12 августа 1897 г. за № 7587 был вызван летними петербургскими стачками 1897 г., руководившимися «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

[3]) Первый почин организации фабричной полиции принадлежал промышленникам, которые еще в 1881 г. возбуждали вопрос об организации вооруженной силы на фабриках и заводах для борьбы с быстро возраставшим со второй половины 70-х годов рабочим движением.

морализации, выражающейся в постоянных стачках, забастовках и других фабричных беспорядках, составляет настоятельную необходимость.

В отчетном году, с разрешения господина министра внутренних дел, учрежден штат полиции в местности «Гусь», Меленковского уезда, на средства фабриканта Нечаева-Мальцева — в составе 10 конно-полицейских урядников и 20 городовых, под заведыванием полицейского пристава; содержание этого штата полиции стоит 7 565 руб. в год. В городе Иваново-Вознесенске учреждена, также на средства местных фабрикантов и заводчиков, фабрично-заводская конно-полицейская стража в числе 20 стражников под заведыванием околоточного надзирателя. В текущем году такая же стража организована и в местечке Никольском, Покровского уезда, в числе 25 стражников с околоточным надзирателем, расход на содержание этой стражи, в сумме 10 000 руб. в год, приняли на себя местные товарищества Морозовских мануфактур и фабрикант Смирнов. В скором времени предполагается учредить конно-полицейскую стражу также и в городе Шуе; на содержание этой стражи местные фабриканты согласились отпускать по 8 000 руб. в год.

Таким образом все наиболее значительные фабрично-промышленные центры губернии в отношении полицейской охраны будут более или менее обеспечены, тем более, что в непродолжительном времени предстоит еще усиление полицейского надзора в районах промышленных заведений на основании закона 1 февраля сего года[1]).

Означенные конно-полицейские команды принесут несомненную пользу в деле охранения порядка и спокойствия на фабриках, представляя в то же время средство подавлять и прекращать фабричные беспорядки в самом начале их возникновения[2]).

Конно-полицейская стража в городе Иваново-Вознесенске и местечке Никольском мною сформирована из состоящих на льготе казаков Астраханского казачьего войска. Мера эта вызвана прежде всего трудностью найти на месте людей, годных для несения службы в означенной страже, главное назначение которой охранять наружный порядок, а во время фабричных беспорядков быть всегда готовою и способною для действий против толпы. Имея в виду, что для такой службы более всего пригодны казаки, я признал целесообразным организовать команды конно-полицейских стражников из казаков Астраханского казачьего войска, во главе которого я имел честь состоять втечение четырех лет за время управления моего Астраханской губернией,—и в этом мне оказал полное содействие наказный атаман Астраханского казачьего войска генерал-лейтенант Газенкампф[1]).

Кроме того, формируя команды стражников из казаков, я имел в виду еще цель — устранить всякую связь команд с местным фабричным населением, каковая связь, несомненно, существовала бы при условии комплектования команд стражников воинскими чинами, проживающими в губернии; с этой же целью на службу в страже выбраны казаки женатые, а женам их я воспретил наниматься на работу на местных фабриках, предоставив им возможность получать заработок, имея работу на дому.

При ознакомлении с нуждами фабрично-промышленных местностей вверенной мне губернии я не мог не обратить внимания на то крайне ненормальное положение, в каком находится один из самых важных фабричных центров губернии — местечко Никольское, Покровского уезда, по отношению к соседнему фабричному селу Зуеву, Богородского уезда, Московской губернии, вследствие отсутствия объединения полиции в этой местности. Отделяясь одно от другого только рекою Клязьмою, местечко Никольское и с. Зуево в действительности давно уже слились в одно поселение, имеющее весьма значительное число жителей (около 40 000 человек), большая половина которых принадлежит к числу рабочих Морозовских мануфактур местечка Никольского. Помимо близости местонахождения, тесная связь этих поселений, принадлежащих к разным губерниям и поэтому разъединенных между собою в административном отношении, обусловливается еще тем, что в Зуеве расквартировывается значительная часть рабочих означенных мануфактур за недостатком квартир в местечке Никольском; в лавках и у местных ремесленников они запасаются одеждой, обувью, частью же предметами продовольствия, а в многочисленных питейных заведениях предаются разгулу и пьянству. В Зу-

[1]) Закон 1 февраля 1899 г.

[2]) Против этой фразы на полях помета Николая Романова: «Надеюсь».

[1]) Газенкампф, Мих. Алдр, генерал-от-инфантерии; молодым офицером участвовал в подавлении польского восстания 1863 г. В 1895 — 1913 гг.—астраханский губернатор и наказный атаман Астраханского казачьего войска; позже помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа.

еве же ютятся в значительном числе и те из рабочих, которые частью по случайности, частью по собственной вине потеряли работу на фабриках и влачат праздное и нетрезвое существование, прокармливаясь около фабрик в местечке Никольском большею частью самыми неблаговидными способами. К этой группе примыкают рабочие, прибывающие из дальних мест и не находящие себе работы на фабриках. Последние две категории местного населения составляют элемент, всегда угрожающий общественному порядку и спокойствию этого важного фабрично-промышленного центра, что и доказали беспорядки на фабрике товарищества Викулы Морозова с сыновьями, происшедшие в октябре 1897 г. Зоркий и неослабный полицейский надзор в этой местности особенно необходим. Но правильной постановке сего надзора препятствует отсутствие объединения полиции, слабейшая часть которой — зуевская — подчинена ведомству московской губернской администрации, а другая — более значительная по численному составу и лучше организованная — никольская — администрации Владимирской губернии. При таком положении дела существующие в настоящее время в означенной местности органы полицейского надзора, один от другого независимые, не могут проявлять желательного единства действий, какое могло бы быть при одном общем полицейском управлении и какое крайне необходимо как для пресечения и раскрытия преступлений и проступков, так в особенности для удобства наблюдения за могущими подготовляться в среде рабочих волнениями и беспорядками. Эти ненормальные условия постановки полицейского надзора местечка Никольского и села Зуева, облегчая укрывательство разных нездоровых проявлений местной жизни, вызывают на практике серьезные неудобства и затруднения.

Интересы охранения порядка и общественного спокойствия Зуевско-Никольского фабрично-промышленного района вызывают настоятельную необходимость объединения существующей в нем полиции, хотя бы это объединение было достигнуто даже путем исправления губернской границы, то есть путем присоединения села Зуева к Владимирской губернии, в силу того, что $^4/_5$ населения означенного фабричного центра находится в пределах этой губернии.

Вопрос об объединении полиции села Зуева и местечка Никольского естественно выдвигает и другой вопрос — о подчинении фабрик села Зуева ведомству фабричной инспекции Владимирской губернии, ввиду той связи и взаимодействия, в коих находятся чины фабричной инспекции и полиции при их действиях, клонящихся к охранению на фабриках должного благоустройства и порядка. Солидарность в этих действиях означенных органов власти в настоящее время в полной мере не может быть достигнута. Кроме того подчинение фабрик села Зуева ведомству фабричной инспекции Владимирской губернии представлялось бы крайне желательным еще и потому, что фабричный инспектор, в участке которого находятся означенные фабрики, живет в Москве, тогда как в самом близком соседстве с ними, в местечке Никольском, постоянно проживает фабричный инспектор Владимирской губернии.

По изъясненным вопросам мною сделаны надлежащие представления господам министрам внутренних дел и финансов [1]).

Борис Никольский и Григорий Распутин

Борису Никольскому нельзя отказать в способности метких характеристик. Он написал о Распутине: «Видели вы на траве комки белой пены, точно слюны? В этой пенистой слюне живет червячок. Так и у Распутина, слова — слюнная пена, точно кто плюнул; никто и не заподозрит в глубине этого плевка вредного червяка-паразита, жадную, хитрую, скрывающуюся мысль». Эта характеристика примечательна тем, что является и автохарактеристикой. Борис Никольский был тоже вредным червяком-паразитом, скрывавшимся в гнилой слизи черносотенства. Выдержка из дневника его, публикуемая ниже, раскрывает перед нами картину борьбы червяков. Собеседники стоят друг друга. Никольский думал, что он перехитрил Распутина и что ему удастся путем шантажа овладеть Распутиным и сделать его своим орудием для достижения заветной цели — для придворной карьеры. В действительности Распутин был хитрее Никольского, который и оказался в дураках.

Публикуемая выдержка касается эпизода, недостаточно освещенного в распутинской истории. Был в 1910 г. момент, когда Распутин попал, было, в немилость и был даже выслан к себе на ро-

[1]) На полях помета Николая Романова: «Обратить внимание. Что предполагается сделать?».

дину. Вскоре по настоянию Александры Федоровны Романовой он был возвращен и еще больше вошел в силу при дворе. Придворная партия, интриговавшая против Распутина, орудовала письмами, которые бывшая царица писала Распутину. У Распутина были, видимо, основания бояться разоблачений. Он не знал, что действует против него тот самый Белецкий, обер-шпион и провокатор, который был его ближайшим другом и пособником. Белецкий тайно информировал черносотенного деятеля Богдановича, секретарем которого был Борис Никольский. Белецкий писал впоследствии в известных своих показаниях: «Я в ту пору тяготел к кружку покойного генерала Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Докладывал ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, кои были у Илиодора, были добыты при посредстве г-жи Корабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А. А. Макаровым государю, что и послужило причиной гнева на Макарова со стороны государыни...» [1]).

Вот этим источником сведений и воспользовался близкий к Богдановичу Борис Никольский, чтобы путем шантажа заручиться доверием Распутина и его поддержкой при дворе. «Я проник в неприятельский лагерь, — заканчивает он свою запись в дневнике. — Примут ли они меня — или я только вызвал напрасную тревогу?».

Не приняли. Сорвалось и на этот раз у черносотенного Хлестакова, как срывалось не раз и раньше.

Д. З.

23 ноября 1912 г.[2]).

Сейчас от меня уехал Распутин. Удивляетесь? Отдайте должное моей изобретательности. Хотите знать, как я этого достиг? Извольте, расскажу. В основе всего, конечно, вдохновение. Дурак Кириллов[3]) все хлопочет о своем графстве, но когда мы выпустили на Будберга [1]) знаменитого графа Мощенского [2]), тот начисто прогорел в моем присутствии. И хорошо еще, что в моем присутствии!

Будберг спрашивает, почему он Кириллова усыновил. Тот, насвистанный, отвечает, что ввиду их близости et det raisons tout-à-fait intimes [3]). Будберг настаивает, какие это raisons tout-à-fait intimes; государь о них спросит прежде всего. Тогда Мощенский говорит: «Il m'a tiré de l'eau» [4]). Общее недоумение. Будберг спрашивает: «Mais dites donc, est ce qu'on donne le titre de comte pour avoir tiré quelqu'on de l'eau?» [5]). Дальше лучше: оказывается, что есть какой-то протокол об этом спасении.

Будберг смотрит на меня вопросительно. «Il me semble que vous me direz tantôt quelque chose de tout à-fait différent?» — «La seule chose que je puis vous dire, ce que c'est pour la première fois de ma vie que j'entends ce que le comte vient d'avancer» [6]). Тогда Будберг меланхолически замечает: «Et qu'y a-t il d'intime dans ce que vous avez été tiré de l'eau?» [7]).

Словом, провал. Я вызываю Ивана и рассказываю ему о неблагоповедении его приемного папаши. Грустим. Приезжает еще раз, — не легче. Вдруг меня осеняет: Кириллов — как раз человек подходящий, момент критический... «Вот что,— говорю я,— есть один способ, да только сумеешь ли ты?» — «Попробую». — «Ладно! Сейчас в Петербурге Распутин; заручись его содействием,— тогда еще, мо-

---

[1]) «Былое», 1929, т. 20, стр. 202.

[2]) Особый отдел Моск. центр. истор. архива.

[3]) Кириллов, И. И., мировой судья в Петербурге; дважды добивался получить титул—первый раз получил графский титул от папы римского; однако этот титул в России признан не был; вторично пытался получить титул через усыновление его графом А. А. Мощенским.

[1]) Будберг, А. А., граф, главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений.

[2]) Мощенский, А. А., граф, в 1912 г. усыновил И. И. Кириллова, что, по царским законам, давало право на присоединение к фамилии усыновляемого только фамилии усыновителя; предоставление же графского титула зависело от царя, на что согласия Николая II не последовало.

[3]) «И по соображениям весьма интимным».

[4]) «Он меня вытащил из воды».

[5]) «Но скажите, неужели дарят графский титул за то, что вытащили из воды?».

[6]) «Мне кажется, что вы мне скажете сейчас, что-то совсем другое?» — «Единственная вещь, которую я могу сказать, это то, что впервые в своей жизни слышу о том, что граф сообщил».

[7]) «Но что же здесь интимного в том, что вас вытащили из воды?».

жет быть, выйдет что-нибудь».— «А как до него добраться?»—«Ну, это дело твое. Знаю только, что он остановился на Николаевской, 79, квартира г-жи Нейман. Cherche» [1]). Иван задумался, позвонил в телефон к какому-то Авксентию Ларионовичу, сговорился о свидании,— будет пробовать. «Но ему нужны деньги?» — «Деньги-то всякому нужны, но я тебе могу деньги сберечь. Скажи, что, мол, услуга за услугу: вы мне устройте мое дело, а я свезу вас к человеку, который вам расскажет кое-что о причине высылки вас из Петербурга».

Я не ошибся: Иван оказался the right man on the right place [2]). Добрался, ведь, подлец, до Распутина и привез того ко мне.

По моему совету, Иван взял мотор и примчал хлыста с какою-то из его мироносиц. А я, на всякий случай, Ивана выставил после краткой беседы о его деле и остался с глазу на глаз с знаменитостью дней наших.

Позвольте разобраться в моих впечатлениях. Распутин волновался глубоко. Пот с него, когда я говорил, лил градом. Он не мог усидеть на месте. Потом запросился за малою нуждою. Вставал, ходил, дергался, усмехался. Сначала он стал, было, замысловато посматривать на меня исподлобья, но тотчас убедился, что его дело—дрянь: я сам на него стал смотреть особенно замысловатыми глазами, которые умею делать не хуже его, только не исподлобья.

Итак, он волновался. Сверх того, я бил наверняка, ибо знал о нем более, чем кто-либо, и, во всяком случае, бесконечно более, чем он мог предполагать даже в кошмарах; он же ничего не знал обо мне, и каждое мое слово должно было приводить его в ужас и даже отчаяние. Другим он сам кажется чортом, но сегодня, видимо, он чувствовал себя, как перед чортом, передо мною. Все это, разумеется, превратило его из какого-то волхва просто в жулика, не знающего, как ему быть в антропометрическом бюро. При такой обстановке, когда я был спокоен и холоден, а он переживал ужасные минуты, мои впечатления, конечно, разойдутся со впечатлениями всех других. Ведь, вон, Новоселов [3]) дошел до того, что серьезно считает его воплощением дьявола.

Судя по фотографиям, я ждал встретить сильного брюнета с резкими чертами; это — худой, немного темнее мочального цвета по волосам и бороде, с страшно подвижным, очень переменчивым и морщащимся лицом, типичный великорусский прирожденный преступник, избравший своим поприщем внушение на почве истерического женского эротоманства. Он актер, но не балагур, как убийцы, а вещун; вместо зверской, лисьей гримасы душителя или разбойника, режущего свои жертвы, он делает гримасы проникновенного загадочного экстаза. Ясно видно, что это полный психопат, хищный зверь в образе 40—50-летнего степенного, слегка дурашливого, но бесконечно хитрого, гладко причесанного мужичка; но видно и то, что вульгарным разбойником он уже не будет, ибо нашел другое призвание.

Вдуматься в его речи я уже не мог; я только ловил то, что мне было нужно. Он старается говорить на вдохновенно-мужицкий лад, но в господском вкусе; ясно, что он говорит не то, что думает, и что своих мыслей никогда не выскажет. Видали вы на траве комки белой пены, точно слюны? В этой пенистой слюне живет червячок. Так и у Распутина, слова — слюнная пена, точно кто плюнул; никто и не заподозрит в глубине этого плевка вредного червяка-паразита, жадную, хитрую, скрывающуюся мысль. Но я видел этого червяка, видел струсившего каторжника, с ужасом понимающего, что он опознан, что вся его биография известна, вся шайка раскрыта, и потому не понимающего более, что нужно скрывать. Само собой разумеется, это мешало непосредственности моих впечатлений.

Теперь — о чем же мы говорили? Я сказал так — или приблизительно так: «Услуга за услугу,— я кое-что вам расскажу, но только небольшую часть, такую, которая покажет, как я много знаю, и которая будет вам полезна; я готов и впредь вам помогать, предостерегать вас, но, конечно, с тем, что и вы, при случае, окажетесь нам (NB) полезны. Прежде всего, скажу вам, что я желаю тайны. Я желаю, чтобы вы молчали обо всем, что вы услышите. Пусть никто не знает, что вы были у меня. Если это станет известно, меня станут остерегаться, и я не получу тех новых сведений, которые могут вам быть со временем очень полезны (NB). Но если вы проболтаетесь, я отрекусь ото всего, и прежде всего от вас. Сейчас я вам не враг и даже предлагаю союз, но его первое условие — тайна. В случае же, если вы захотите кому-нибудь сообщить что-нибудь, спросите меня, и я вам отвечу,

---

[1]) «Ищи».

[2]) «Человек на своем месте».

[3]) Новоселов, М. А., издатель «Религиозно-философской библиотеки», церковный писатель, активный участник церковной контрреволюции в годы гражданской войны.

можно ли такое-то лицо посвящать в тайну нашего знакомства. Затем должен вас предупредить, что за вами следят сыщики, и они, конечно, караулят сейчас у меня под окнами. Но я вас выведу так, что они останутся с носом».

И точно, я вывел его с его мироносицею через двор на Максимилиановский: тут никакие сыщики не могли бы нас проследить.

«Затем,— говорил я,— против вас на Николаевской две квартиры, откуда за вами следят». Это — факт, и пускай он бесится на Макарова [1]): эту каналью надо гнать пока не поздно, и момент, после скандальных выборов, благоприятен.

На эти сведения Распутин нервно и со злобной усмешкою подергивался и сказал: «Ну, что-ж, пускай следят! Мне что же — пускай следят!». Затем я сказал, что связи у меня большие и разнообразные: я знаю и его друзей, и поборников, и людей к нему равнодушных, и его злейших врагов. Это дает мне возможность всегда быть осведомленным и полезным. Сейчас я говорю по уполномочию людей, бесконечно более меня могущественных и которые желают ему быть полезными. Так надо, чтобы он знал, в чем дело. Он считает своим врагом Макарова и даже открыто это выразил, когда, садясь в вагон 2 июля, сказал, что Макарову это так не пройдет, что он ему не забудет... Распутин прервал меня словами, что он этого ничего не говорил. Я холодно ответил, что, по моим сведениям, он это сказал и сказал приставу, который о том, по долгу службы, доложил своему начальству, и государю это известно. Это уже сильно ушибло старца. Он заерзал и задергался.

Да—продолжал я,—Макаров, конечно, хотел, было, его вернуть с дороги еще в конце июня, но струсил; наблюдение установил, но вернуть не посмел. Однако и без Макарова о нем все было известно. Тут я в выдержках прочел ему письмо Стоши [?].

Старец притих и вспотел. Тут я прибавил, что ему очень вредит его дружба с Варнавой [2]) и еще более с графом Витте [3]). Старец заволновался и стал говорить, что никакой дружбы у него с графом Витте нет, что он его совсем не знает и его ненавидит: «Я его ненавижу! Ненавижу!» Я с тем же холодным видом, делая круглые, раскрытые глаза, сказал, что, по моим сведениям, он у графа неоднократно обедал, кушал постные обеды, а графиня Витте ездила к нему на собрания, целовала ему руки, сидела у его ног... Старец опять задергался, засмеялся, начал теребить и кусать бороду, сильно потеть, так что капли пота были видны на лбу, на носу и на щеках. В комнате же—мы сидели в гостиной — было не только не холодно, а не более 13° по Реомюру. Страшно смущенный, то щурясь, то загадочно впиваясь в меня глазами, он залепетал что-то вроде того, что, де, какие же у него собрания, и что, де, что же, что ездила. Вообще, разобраться в его лепете, тем более запомнить слова, было трудно, если же вовсе невозможно.

Тогда я, наддавая жару, спросил его, а известно ли ему письмо Иллиодора? [1]). Не знаю, насколько правдиво, но очень спокойно он ответил, что нет. Я сказал, что жаль. Это письмо очень ему повредило, хотя повредило и Иллиодору. В этом письме рассказаны его повествования о его близости к семье государя. Впрочем, к Иллиодору он отнесся довольно равнодушно и высказал что-то вроде того, что Иллиодор все врет. Я еще равнодушней ответил, что не все и что хранящееся у Иллиодора письмо — документ. Старца пронизало, как электрическим током; он вскочил, стал ходить по комнате и бормотать: «Он его у меня украл! Украл!» Я весьма замысловато спросил: «А другие, у кого разные документы хранятся, тоже украли?» Вот тут его, видимо, полоснуло по сердцу, и он так на меня метнул глазами, что ни тени притворства нельзя было заподозрить. Я думаю, что так смотрит чорт в минуту ужаса. Потом он несколько раз вытер лицо рукой и сел и тут запросился за малою нуждой. Я отве-

---

[1]) Макаров, А. А., министр внутренних дел.

[2]) Варнава (Накропин), еп. Каргопольский, позже еп. тобольский, друг Распутина и А. А. Вырубовой.

[3]) На близость Распутина к Витте указывает и С. Белецкий. Распутин, по его словам, «был близок к семье гр. С. Ю. Витте, которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой и о котором он при жизни графа, как мне сам говорил, неоднократно говорил в высоких сферах и мечтал об обратном его возвращении к власти» («Падение царского режима», т. III, стр. 388).

[1]) Иллиодор (Сергей Труфанов), б. иеромонах и друг Распутина, прославившийся в 1905—1911 гг. черносотенными проповедями против интеллигенции и евреев; в октябре 1912 г. расстригся, уехал на Дон, где женился и стал проповедывать «религию разума и солнца». Рассорившись с Распутиным в 1911 г., вел против него ожесточенную борьбу, но безуспешно; после Февральской революции вышла его книга о Распутине под заголовком «Святой чорт».

тил, что у меня в квартире никак невозможно.

Затем я сообщил ему, что выслан он был по прямому велению государя, и вкратце сообщил отрывки из последних писем Богдановича. Тут старцу наступил конец. Он, видимо, вовсе размяк и пал духом. Пот лился с него градом. Я, кстати, спросил его, знает ли он стихотворение «Кащей»? Он встрепенулся. «Кащей? Кащей!.. Нет, не знаю... Что такое? Кащей!..» — «Напрасно не знаете: оно дошло до государя и вместе с письмом Иллиодора всего более вам повредило в обществе».—«А что же там о «Кащее»?.. — А это ругательное стихотворение на вас, Вырубову, на Танеева, на Саблера [1]). Государь, как я имею основания думать, пришел в ужас от этого стихотворения».

Когда я читал отрывок о том, как постепенно государя оставляли одного на «Штандарте», его отчаяние, видимо, дошло до кульминационного пункта. Он начал почти истерически хохотать. «Услали!.. Ха-ха-ха! Всех услали! Ха-ха-ха! Один я остался! А я-то и не был на «Штандарте»!»—«Не были, потому, что письмо писано 1 июля, а вас выслали 2-го».

Тут я нашел, что на первый раз достаточно, и сказал, что на этот раз я ничего ему более сообщить не имею. Но вместе предупреждаю его, что в понедельник или во вторник он, может быть, будет выслан.

Дело в том, что Богданович экстренно вызывает меня в воскресенье,—значит, будем писать что-нибудь очень энергичное.

Кстати, я спросил старца, а как долго предполагает он остаться, если его не вышлют в понедельник или во вторник? Он затрепыхался и стал повторять, что не знает, не знает, ничего не знает. Я сказал, что спрашиваю на всякий случай: быть может, случится что-нибудь сообщить. Но предупреждаю, чтобы он сам ко мне не обращался, даже в телефон, разве через третье лицо, и не со своего номера, так как у его номера на главной станции посажен слушатель. Это его тоже порадовало.

Тогда я стал осторожно зондировать почву. В мое всемогущество и всеведение он, конечно, уверовал: перестал отпираться и стал отвечать ясно, просто и прямо. Потом попробовал узнать, чьи это письма. Я ответил, что этого не скажу, даже не намекну. Он спросил, нельзя ли ему получить эти письма. Я кратко ответил: «Нет»—«Ну, не надо, не надо! Что же—письма... На что мне? Что же мне-то? Пишут—пускай пишут!» Я сказал, что, в случае надобности, готов сообщить главное содержание писем его друзьям, но не Саблеру или Даманскому [1])... «Им-то я не скажу, что и здесь был!»—«И прекрасно. А кроме того, я с Саблером хорошо знаком, я его еще у Победоносцева не раз встречал. Вот Даманского совсем не знаю. Ну, а, например, Вырубовой я бы еще готов был сообщить, да только она баба—умеет ли молчать?..»—«О-о-о!»—и так мотнул головой и бородою, что во мне и, правда, не осталось сомнения в уменьи Вырубовой молчать.

Вот основа разговора. Да, еще я сказал, не укажет ли он кого-нибудь из надежных лиц, через кого бы я мог с ним при случае снестись. Он сначала, было, заговорил вопросительно — через кого же мол? Но потом, видимо, струсил и это замял. «Ну, прощайте», — говорит. — «До свидания!»

Он со своей мироносицей оделись, оделся и я и повел их через всю квартиру, через коридор, буфетную, бетонный коридорчик, кухню, через темный двор, вокруг конюшни, лазейку, к третьему подъезду на Максимилиановский. Не скрою, что это было таинственно, на масонский лад, особенно мой стук к швейцару в темную дверь, выход в темную лазейку и через яркий вход опять на пустынный Максимилиановский переулок. Затем я пустил их по Вознесенскому, а сам вернулся через Фонарный по Офицерской и черному ходу, так что наш швейцар меня вовсе не видал.

Воображаю, что теперь переживает старец. Его мироносице было очень страшно.—«Ух,—говорит,—какой двор-то у вас огромный!»—А уж лезть в дверь № 16 ей было совсем жутко.

Ну, шаг сделан. Что из него выйдет? Конечно, он кинется к Вырубовой, но затем? Ждать мне чего-нибудь? Я проник в неприятельский лагерь. Примут они меня или я только вызвал напрасную тревогу? В смысле смелости и репутельности итти далее невозможно. Будем ждать. «Возьму винтовку длинную, пойду я из ворот...»

---

[1] Вырубова, А. А., интимный друг б. имп. Александры Федоровны, поклонница Распутина; Танеев, А. С., главноупр. собств. е. и. в. канцелярией, отец Вырубовой; Саблер В. К., обер-прокурор синода, почитатель Распутина.

[1]) Даманский, П. С., тов. обер-прокурора синода.

Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши.

«...К усилению предводителя злодеев был он, Хлопуша, всегда главным орудием; ибо, ездя по заводам, привозил к ним пушки, ядра, порох и великое число денег, высылал хлеб и множество разных пожитков, а сверх того выдал и переслал к нему, Пугачеву, мортир и бомб и немалое число башкирцев, за что и дан ему был у него чин подковника».

(Из летописи Рычкова).

Крепостной крестьянин, батрак, рабочий уральских заводов, ссыльный, затем атаман и походный «полковник» над всеми фабрично-заводскими крестьянами, принимавшими участие в пугачевщине,—вот жизненный путь Хлопуши.

В биографии Хлопуши важно не то, с чего он начал, а то, чем он кончил. Общеизвестно, что самодержавно-крепостническая Россия представляла собой сплошную тюрьму, а положение крепостных в помещичьих вотчинах и на заводах ничем не отличалось от каторги. «Ни в одной стране в мире, — говорит Ленин,— крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»[1]). Крестьяне выносили на своих плечах всю тяжесть войн, налогов, сборов и бесчисленное количество трудовых, гужевых и натуральных повинностей. Это был тройной гнет: помещика, бюрократии и торгово-промышленной буржуазии. «По состоянию нас, государственных крестьян,—писали зубцовские крестьяне в своем наказе в Екатерининскую комиссию,—находимся в презрении не только благородного дворянства, но и от самых последних служителей... Разве не может не обидеть, кто сам не захочет, а кто пожелает, то всегда, чем захочет, тем и обидеть может»[2]).

Естественно, что в такой обстановке люди легко втягивались в воровство и другие преступления. Обстановка, где под видом закона грабят и преступают законы коронованные убийцы, министры и вельможи, грабят помещики и титулованные промышленники, воруют чиновники,— толкала людей на преступления и не была способна ни устранить их, ни исправить преступников. Хлопуша воровал. Каждый раз его наказывали дико, безжалостно: били шомполами и неоднократно кнутом, рвали ноздри, клеймили лицо и резали уши. Он потерял человеческий облик и почти всякий интерес к жизни. Каторга для него была не страшна, убежать от нее было невозможно. Убегая из Тобольска, Хлопуша хотел лишь переменить место ссылки. «По побеге,— показывает он в Оренбургской секретной комиссии,— шли в Оренбург, с тем намерением, чтоб явиться и быть тут в работе, потому более, что у него, Хлопуши, остались в Берде жена и сын».

По рукам и ногам закованный в кандалы, содержался Хлопуша в Оренбурге. Сына он не видел, жена вышла замуж. Между тем такие грабители и бандиты, как граф Алекс. Ив. Шувалов (на его заводе работал Хлопуша), Твердышевы, Мясниковы и Демидовы, ходили на свободе, охраняемые властью и законами.

Для общества Хлопуша, казалось, был конченным человеком. И удивительная вещь: попав к Пугачеву и сбросив с себя цепи рабства, Хлопуша сразу приобретает способность и мыслить, и говорить, и действовать по-человечески. И даже больше того: проявляет себя как талантливый и энергичный организатор. Он поднимает восстания на заводах, организует отряды из заводских крестьян, снабжает Пугачева порохом, пушками, деньгами и провиантом; самостоятельно руководит одним из боевых и организованных отрядов Пугачева, осаждает ряд крепостей. Безжалостно расправляясь с классовыми врагами, помещиками, офицерами и чиновниками, он вместе с тем чутко относится к окружающему населению и старается оказывать ему помощь. Взяв Илецкую защиту, Хлопуша «по просьбе жителей» повесил хорунжего Уключеннинова за то, что тот «не выдавал им провианта», и помиловал капитана Лопатина, так как жители сказали о нем, «что он человек добрый». Имея задание от Пугачева забрать в крепости весь хлеб и пушки, Хлопуша по просьбе жителей оставил им часть хлеба и две пушки «для защиты от набегов киргизов» (за что навлек на себя недовольство Пугачева). За свое полугодичное пребывание в армии Пугачева Хлопуша не был замечен в обидах и грабительстве. Чиновники немало были удивлены, не обнаружив, после ареста и обыска, у жены Хлопуши ни имущества, ни денег.

Разве все это не свидетельствует о росте революционно-политического самосознания человека, забитого палачами самодержавия?

Хлопуша рано попал в плен, и ему не удалось полностью проявить богатые организационные способности, которыми

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 109.

[2]) Плеханов, Соч., Гиз., 1925 г., т. XXI, стр. 252—253.

он щедро был награжден от природы. Публикуемый допрос Хлопуши интересен во многих отношениях. Здесь содержатся драгоценные подробности об организации армии Пугачева, ее вооружении и снабжении, сведения о взаимоотношениях повстанцев с окружающим населением, о роли заводов и заводских крестьян в крестьянской революции, о бытовых мелочах и нравах армии и ее руководителя и проч. К сожалению, допрос Хлопуши не дает полного представления о той роли, какую он играл в движении. Она безусловно больше и значительней того, что показано в допросе. Оно и понятно: сам Хлопуша сознательно ее умалял и о многом умалчивал, а чиновники, записывая допрос, старались выпятить «разбойничью» сторону его деятельности.

М. Ж.

774-го года, моя 10-го дня[1]), ссыльной в городе Оренбурге и неоднократно битый кнутом, с вырыванием ноздрей и с постановлением знаков, Афонасей Тимофеев сын Соколов, он же Хлопуша, который был послан от господина губернатора в толпу злодеев для уговаривания в оной бывших, чтоб заблаговремянно отстали, в секретной комиссии допрашиван и показал:

Прежде сего он, Хлопуша, был вотчинным тверского архиерея Митрофана, Тверского уезда, сельца Машкович, крестьянин и жил в доме своем безотлучно лет пятнадцать. А потом находился по пашпорту в городе Москве в извощиках, в которую ево бытность познакомился тут Коломенского полку с сержантом да и с одним капралом, а как их зовут, не знает, которые в одно время, взяв его с собою для гуляния, ездили по Москве по питейным домам для пьянства. А наконец в ночное время, приехал на Пречистенскую улицу, где они, скочив с лошеди, а куда не сказали, а ему, Хлопуше велели дожидатся на улице у рогатки. И через короткое время, пришед к нему, принесли два кулька с серебреною посудою. Потом пошли в другой раз и принесли два мешка серебреных денег и один шкатульчик, оправленой золотом, с алмазными и другими вещами. А как стали в той улице бить в трещетки и зделался гвалт, то они, сев к нему на лошедь, поскакали на Москву-реку, где их всех догнав поймали и привели в полицию, где он, Хлопуша, по научению оных сержанта и капрала, показался в допросе беглым Черниговского полку солдатом, почему все и отосланы были в военный кригсрехт, от которого по конфермации гонен он шпицрутен чреа тысячу человек шесть раз и отослан в команду к майору Есипову для содержания с таковыми небеглыми, у которого и был с месяц.

А потом пришед к нему помянутые сержант и капрал (кои уже были тогда рядовыми) вызвали его с собою на базар, где купя дали ему русскую рубашку, серой кафтан, пару лошадей и велели бежать в дом, что он и исполнил. И по приезде жил в своем доме года с три. А как случилось ему быть в городе Торжке, где и выменел он у мужика лошедь, которую и привел домой, коя у него и была с год. А после того выискался в нее хозяин, того же тверского архиерея крестьянин, а как зовут, не знает, подал об оной на него в тверской провинциальной канцелярии челобитную, якобы он, Хлопуша, тое лошедь у него украл, почему он был в тое канцелярии сыскан и, где тое лошадь взял, допрашиван, и содержался под карауломм, в которое время от домовой преосвященнаго Митрофана канторе подано было в тое провинциальную канцелярию доношение, что он, Хлопуша, человек худаго состояния и всегда находится в пьянстве, почему его в жительство обыватели и принять уже не желают. Почему тверская провинциальная канцелярия и определила: «Ево, Хлопушу, за вымен краденой лошади и что в жительство обыватели принять его не пожелали высечь кнутом и послать на житье в Оренбург», что с ним и учинено.

А как в Оренбург прислан, то и определен был на поселение в Бердинскую слободу, где женясь жил своим домом, ходя из оного, работывал в вотчине надворного советника Тимашева в селе Никольском, ис платы, всего лет с пятнадцать. А потом, отстав от Тимашева, работал на Покровском графа Александра Ивановича Шувалова медном заводе, на котором будучи, сговорясь с бывшими тут вольнонаемными работниками, всего тремя человеки, пошли для отбою ведennого касимовскими татарами в Троицкую крепость хорошего иноходца. А как отошли от завода верст шездесят, то повстречались с ними два человека крестьян, коих он спросил: «Далеко де едут татара с ведущим ими иноходцом?» На то крестьяне им сказали, что татара попали им навстречу, и теперь де уже они уехали далеко. Почему они больше за ними и не погнались. Оные ж мужики, сказав им притом, что едут де сюда по дороге с Ирбицкой ярмонки татар четыри человека на шести парах, у которых де, как они приметили, много есть денег, и проговаривали, чтоб тех татар ограбить и погабленное разделить вместе. На что он, Хлопуша, с товари-

щами своими и согласился, чего для и запали в буерачик. А как татара с возами противу их на дороге повертались, то они все выскочив их перевязали и взяли у них грабежом: денег двадцать восемь рублей, шесть халатов бумажных, двенадцать мерлушек бухарских и шесть лошадей. И потом их отпустили, сами ж пошли: Хлопуша с одним товарищем—на завод, а трое — по московской дороге в домы свои.

Как же им случилось быть в татарской деревне Питкуловой*) в питейном доме, то, наехав на них, предписанная татара поймали и перевезли в Оренбург и объявили в губернскую оренбургскую канцелярию, где его, Хлопушу, и другого товарища помянутые пойманные оговорили. А как сие он, Хлопуша, будучи на Покровском заводе, прослышал, то с своим товарищем с того завода бежали и пошли, было, в Екатеринбург для найму в работу. Но дорогою, по неимению пашпортов, пойманы и превезены в Екатеринбург в земскую контору, от которой, по допросе (как он человек подозрительный), наказан в другой раз кнутом, с вырыванием уже ноздрей и поставлением на лице знаков, послан был в каторжную работу в город Тобольск, где будучи с казенной работы бежал в числе трех человек.

И по побеге шли в Оренбург с тем намерением, чтоб явиться и быть тут в работе, потому более, что у него, Хлопуши, остались в Берде жена и сын. Товарищи ж, двое, хотели пройти на Волгу, но, не доходя до Оренбурга, пойманы в Сакмаре и превезены в Оренбург, где еще как ево, Хлопушу, так и товарищей били кнутом же и вырвали ноздри и заклеймя послали в Тобольск, куда по приходе товарищей ево оставили в Тобольске, а ево, Хлопушу, послали далее в Омскую крепость, где и был с месяц. И, согласясь еще с таковыми ж ссылочными тремя человеками, бежал же и проходил опять в Оренбург. Но дорогою, не доходя Сакмары, пойман сакмарскими казаками и привезен в Оренбург, где в четвертый раз били кнутом и оставили уже здесь в городовой работе вечьно, в которой и находился прошлаго 1773 года по октябрь месяц. А в оном, как злодей Пугачев подошел под Сакмару, то ево, Хлопушу, призвал господин губернатор пред себя в дом Тимашова и говорил: «Слушай, Хлопуша, я посылаю тебя на службу, возьми ты у меня четыре указа и поезжай в толпу Пугачева». Ис которых один приказывал отдать яицким казакам, другой илецким, третий оренбургским, а четвертый самому Пугачеву и, при случае, уговаривать ис толпы Пугачева людей, чтоб отстали, рассказывая всем, что он не государь, а самозванец и «естли ты поберешь партию, то не можно ли свесть Пугачева в город Оренбург». На что он, Хлопуша, и согласился. Теж указы были запечатаны, и, что в них писано, он, Хлопуша, не знает, а, взяв оные, положил порознь, чтоб не замешались, и с ними из города и поехал в полночь [2]). И на дороге попался ему навстречу бердинской кузнец, из казачьих детей, Сидор, — а чей он, не знает, — которого он спросил: «Где стоит Пугачев?» На то Сидор отвечал: «Он де стоит на Старице реки Сакмары на самом берегу, а чтоб де тебе приметно было, то увидеш тут повешенных трех человек». Почему он, Хлопуша, прямо с попавшим ему навстречу татарином Мусалеем и поехал, а по приезде подошел к Пугачеву (который тогда стоял вместе с Шигаевым[3]), поклонился, который его спросил: «Что за человек?» А Шигаев ему отвечал: «Это, ваше величество, Хлопуша, самый бедный человек». (Шигаев знал его потому, что сидел прежде в Оренбурге в одной тюрьме). То Пугачев и велел ево, Хлопушу, накормить, почему он, Хлопуша, выняв из-за пазухи данные ему указы, подал Пугачеву, а он велел их положить на стол; а сам поехал с молодыми казаками бегать по степи на лошадях [4]). Указы ж он, Хлопуша, подал Пугачеву для таво, что их дорогою отдать было некому, ибо ему навстречу из казаков никто не попался. Как же Пугачев возвратился, то спросил его, Хлопушу, к себе в кибитку. Когда ж он пришел, то Пугачев говорил ему: «Разве де лутче тебя неково было губернатору послать?». А Хлопуша сказал на то: «Я, ваше величество, не знаю». А на сие Пугачев говорил: «Только де знать у губернатора-та и дела, что людей бить кнутом да ноздри рвать». И потом спросил к себе Почиталина [5]). А как он пришел, то Пугачев те указы распечатал и будто как читал и отдал их Почиталину, велел изорвать и бросить в огонь, что он и исполнил.

После того Пугачев спросил его, Хлопушу, сими словами: «Что де ты, Хлопуша, в Оренбург ли хочеш обратно ехать или остаться у меня служить?» На что Хлопуша сказал: «Зачем мне, батюшка, в Оренбург уже ехать, я желаю вашему величеству служить» (оное желание объявил он, Хлопуша, Пугачеву потому, дабы ему исполнить можно было повеление губернаторское такое, что приказано ему справица, сколько имянно у

*) Беккулова (Биккулова), дер. Оренбургского уезда, расположенная на Н.-Московской дороге.

Пугачева пушек и протчего снаряду, также и людей). Пугачев же, приняв его в службу, спросил: есть ли у него, у Хлопуши, деньги, а как Хлопуша ответил, что более четырех алтын не имеет, то, выняв Пугачев из под сукна семь рублей, отдал ему, Хлопуше, и приказал купить на оные одежу, а как де издержишь, то велел опять приходить к себе ж, так же сказывал [приходить] потом, когда не будет у него, Хлопуши, хлеба.

На другой же день пошел Пугачев из Сакмары в поход под Берду, а не под Берды вышел в лагерь к Яику реке. В то время, по щету Хлопуши, было у Пугачева 46 пушек, людей яицких казаков и всякого сорту слишком две тысячи и большею частею пехота [6]). А по малости оной толпы, приказал Пугачев своей силе как можно реже итти, дабы показать через то городу Оренбургу великой вид. Когда же в трех верстах от города лагерем остановился, то на другой день вышла из города вылазка, однако Пугачев прогнал оную обратно. А как прежде приказано было от Пугачева, чтоб приходил он, Хлопуша, за деньгами к нему в палатку, почему он к нему и пошел, было, но, не доходя Пугачева кибитки, бежит к нему навстречу палач (как его зовут, не помнит), который связал его, Хлопушу, привязал к пороховому ящику и тотчас поставил висилицу. Потом вышел к нему Иван Творогов [7]) и стал спрашивать: «Раскайся, ты выслан из города для изведения государя и за то дано тебе две тысячи рублей». На то Хлопуша отвечал: «Я тово и знать не знаю и денег толикова числа не бирал, и наставления такова дано не было». А однако, не слушая тово оправдания, к висилице ево, Хлопушу, вели; а как он к висилице шел бесстрашно, то Творогов раздумал и повел ево, Хлопушу, к Пугачеву, который велел его раздеть и обыскать денег, но по обыске нашлось только данныя от Пугачева сем рублей.

Потом говорил Пугачев, чтоб раскаялся во всем, а как Хлопуша говорил, что не в чем, то Пугачев велел обратно весть к фурману и привязать, но вскоре потом, по просьбе Шигаева, отвязан был [8]) и приведен к ящику, где лежал хлеб, и, дав ему один коровай и две ноги баранины, сказал: «Возьми де и ешь, государь тебя прощает, только не ходи близко артиллерии».

Несколько время спустя приведен он был к Пугачеву, который, указав на казака, сказал: «Знаешь ли ты де этого человека?» (Оной казак передался из Оренбурга к Пугачеву и сказал ему, что он, Хлопуша, выслан с указами и разными наставлениями). А как Хлопуша нигде онаго не видал, а потому и сказал, что «не знаю», то Пугачев говорил: «Раскайся, а естли впредь в чем преличишься подозрительным, то пятерить стану». И из полатки выпустив, приказал за ним присматривать. Но Шигаев говорил Пугачеву: «Надобно повесить казака, ибо он много говорит неправды и чрез то изводит людей». Спустя после того дни три Максим Шигаев искал его, Хлопушу, по лагерю, а как увидел, то, подозвав к себе, сказал: «Снаряжайся в дорогу». На то Хлопуша сказал, что хлеба нету. А Шигаев отвечал: «О хлебе не пекись». И привел ево к Пугачеву, и тут Пугачев говорил ему, Хлопуше: «Возьми де двух казаков да вожатова с Овязно-Петровского завода крестьянина Дорофея Иванова и поезжай туда. Объяви заводским крестьянам указ, и когда будут согласны мне служить, то осмотри тут, естли мастера лить мортиры, и когда есть, то вели лить мортиры» [9]). А как он, Хлопуша, по бытности уже немалое время в толпе слышал от всех тут прибывающих, что Пугачев—подлинно государь, да и сказывал ему илецкой казак Федор Иванов, что Пугачев имеет царские знаки [10]), но какие, тогда он, Хлопуша, не любопытствовал, а в Петербурге де вместо государя погребен другой, и потому он, Хлопуша, почел ево за государя, и россудил служить ему верно. И по приказу ево на завод с указом поехал, по приезде на завод, указ приказчику отдали.

Когда крестьяны собрались, то оный вычли, а как в оном написаны были все крестьянские выгоды, то крестьяна закричали: «Рады ему, государю, послужить!» и выбралось охотников к Пугачеву в службу пятьсот человек, кои, взяв своево приказчика Набатова и протчих расходчиков, всего сем человек, сковали (кои потом посланы к Пугачеву в Берду повешены).

А он, Хлопуша, спросил тут, естли у них на заводе пушки. И нашлось их хотя около сорока, но годных, по ево, Хлопуши, рассмотрению, было только шесть. А при отъезде с завода оные взял с собою, равным образом и следующее: сто двадцать лошедей со всеми приборами, а в конторе сем тысячь денег, в том числе по сказкам заводских крестьян было две тысячи рублей подушных, кои расходчик тут же раздал крестьянам. Еще взято: триста баранов, семдесят сем быков, посуды сребряной пуда два, столовые часы, медную и ловянную посуду, пороху два пуда и всякой господской одежды множество, и приказал тут Хлопуша вылить шесть пудов ядер [11]). И по забрании всего

онаго и с теми крестьянами поехал в Берду и заехал по дороге на Твердышевской Воскресенской завод, на котором тогда уже ничего не было, ибо прежде сего заводские крестьяне тот завод разграбили и все, что на оном ни было, отвезли в стан Пугачева, и крестьяне к нему приклонились. С онаго заводу продолжал он, Хлопуша, путь к Берде, и, не доезжая оной, выехал на дорогу из стороны яицкой козак Яков Самодуров и, взяв ево, Хлопушу, с тремя стами крестьянами и две пушки, при коих тогда был канонером Демидовской крестьянин Иван Шишка, [пошли] на казанскую дорогу, а достальным крестьянам со всем имением, что взято на Авзяно-Петровском заводе, велел следовать к Пугачеву. По выходе ж ево, Хлопуши, с Самодуровым на казанскую дорогу пришли в Биткулову деревню, и тут начевали, где было тогда тысяча человек яицких казаков, башкирцов тысяча пятьсот человек. Командиры были: над яицкими — Чика [12]) (который называется графом), а у башкирцев — Идорка [13]). У Чики было шесть пушек, а канонерами илецкие казаки (как их зовут, Хлопуша не знает). В Биткуловой оставил Чика ево, Хлопушу, начевать, а сам пошол в Юзееву деревню, куда приказал и ему как свет быть, что он и исполнил. Выступил туда на рассвете, и не доходя оной, попался ему, Хлопуше, навстрену Чика и гонит сто восемьдесят человек пленных солдат, взятых у генерала Кара[14]), и дал, Хлопуше, оных пленных, велел весть в Биткулову, а сам Чика поехал обратно в Юзееву, взяв с собою и заводских крестьян, коих он, Хлопуша, привел. В числе пленных солдат находились и офицеры (но кто они таковы, не знает), из которых один был атаманом [15]) и где ныне находится, не знает.

И тех пленных пригнал он, Хлопуша, с командою мужиков и казаков до Сакмары, а в Сакмаре принял от него оных в свое ведомство татарин (но кто он таков, не знает), и повел он в Берду к самозванцу, где все они и поверстаны были в казаки. И из Сакмары пришол Хлопуша в Каргалу, где и наехал на него Чика и сказывал ему, Хлопуше, что имел он сражение с генералом Каром [16]) и, по неимению пороху, хотя и принудил Кара от Юзеевой деревни возвратитца, но гнать за ним было не можна. Он же Кар идет баталионом кареем и на углах имеет пушки, так большова вреда он, Чика, ему, Кару (хотя у него против ево людей и много было), причинить не мог, и так воротился назад. Ис Каргалы приехал он, Хлопуша, и с Чикою в Берду [17]). Тот самый день Пугачев ездил под Оренбург на переговорку, а на какую, не знает. И жил тогда Хлопуша в Берде недели три. Потом Пугачев призвал ево и яицкого казака Андрея Бородина к себе и говорил: «Будешь ты, Хлопуша, сегодня полковником и имей у себя в команде заводских мужиков, и ступайте с Бородиным под Озерную крепость [18]), и там возьмите по овладению крепостью порох». В то время Хлопуша сказал, было, Пугачеву, что грамоте не умеет, а потому и управлять людьми неспособно. Но Пугачев отвечал: «У нас и дубина [вместо грамоты] служит, а естли что украдешь, то за алтын удавлю».

Потом с Бородиным, у которого в команде было четыреста илецких казаков, а у Хлопуши — четыреста заводских крестьян, пошли под Озерную. А не доходя оной Бородин велел ему, Хлопуше, итти в Жолтой той редут, где жительствуют ногайцы, а сам поехал с указами, данными ему при отправлении от самозванца, за башкирцами (кои живут по реке Ику). И пригнал оттуда в Жолтой редут тысячу пятьсот человек, и с теми людьми приступили ночью к Озерной, но оной не взяли по жестокому супротивлению (а как от Пугачева приказано было, естли Озерной взять не будет можно, то писать к нему), почему Бородин к нему с тем и отправил казака. А чрез четыре дни сам Пугачев с яицкими казаками пришол к Озерной, и совокупясь все команды были на приступе, однакож не взял, — где побито у Пугачева людей множество.

Оттуда Пугачев ходил в Ильинскую крепость, кою, хотя с супротивления, однако ж взял, нашед в оной около семисот человек солдат — оные шли из Сибири в Оренбург. Оттуда Пугачев с Почиталиным наперед поехал в Берду, а команду и с пленными велел весть Ивану Творогову. По приходе выдано команде жалованье по рублю на человека. Дача жалованья производима была не в одно время, а тогда как привезут откуда деньги, ибо оных было для толпы его недостаточно. Потом посылан был он, Хлопуша, для взятья крепости Илецкой защиты, а по овладении оною забрать тамо хлеб (ибо, по известиям, Пугачев уповал быть тамо хлеба множество). Дав ему, Хлопуше, в команду четыреста заводских крестьян и несколько казаков да две пушки, с которыми людьми, хотя и с супротивления, но тое крепость взяли с помощью бывших в оной сакмарских казаков, которые, как скоро крепость он атаковал, тотчас ему передались и во взятьи оной чинили ему вспоможение. Войдя ж в крепость, слышал он, что при приступе ранено было два

офицера — капитан Ядринцов и поручик, но, как ево зовут, не знает, которых неведомо, кто из ево, Хлопушиной, команды без ведома ево прикололи копьями. Он же, Хлопуша, велел тут повесить одного хорунжего Уключенинова, и то по просьбе жителей, за невыдачу им провианта; да приказал колоть копьями тутошняго конторщика.

В ту ж ево в Илецкой защите бытность взял он, Хлопуша, в конторе денег двести восемдесят рублев, пять пушек с лафетами, и несколько хлеба, а оставя тут для защиты от киргизцов две пушки и поруча команду капитану, о котором жители просили ево, что он человек доброй, а потому он и не повешен, оттуда возвратился в Берду [19]). Не доезжая ж оной встретил ево Шигаев с командою для того, чтоб ево с камандою не захватили оренбургские выласки.

Вскоре потом в Берду приехал из Яицкого городка и сам Пугачев [20]), которому ой, Хлопуша, что было в Илеке, пересказал, также представил и превезенной им провиант. Пугачев же на то ему говорил: «Напрасно де ты оставлял там людей и хлеб (которого он не взял по просьбе жителей) и за то должно бы тебя повесить». Потом спросил Пугачев, доброй ли человек там остался капитан, и спрашивал ли де об нем подчиненных ево, и что они на то сказали. А Хлопуша отвечал, что все оное исполнено точно, и от людей он одобрен». Тут Пугачев спросил еще: «Не обидел ли ты ево и не отнял ли чево ис пажити?» На то он говорил: «Ничего не сделано».

С того время он, Хлопуша, никуда из Берды посылан не был и находился всегда при своей команде, при заводских крестьянах, по самое то время, как Пугачев разбит был в Татищевой [21]). По выезде ж ево выслана была из города выласка, против которой и он был в команде Шигаева на сражении, где из выласки захвачено тогда было слишком сто человек. А спустя несколько дней приехал Пугачев из под Татищевой в числе четырех человек, уже ввечеру. И, призвав к себе первых людей, приказал им, чтоб тотчас солдат и крестьян с караула сменить, а на их места поставить яицких казаков. А как были сменены, то пришедшия с караулу говорили вслух: «Что это за чудо, что сменяют с караулу не во время и гонят почти палками в Берду?» И посылали командиров своих, в том числе и ево, Хлопушу, спрашивать о причине. Почему он, Хлопуша, и пошол искать Шигаева, а пришед в дежурную, нашол одного писаря Васильева, который ему сказал: «Что вам за нужда, знал бы де свое дело и лежал на своем месте». Потом пошел он, Хлопуша, к Творогову и видел по улицам, что яицкие и илецкие казаки укладываются по возам, а по приходе к Творогову спрашивал: «Что это значит?». А Творогов отвечал: «То, что те казаки, кои приехали из своих мест за хлебом, собираются домой, и я де с ними жену свою отпущаю, а ты де поди и распусти свою команду по квартирам».

Поутру прислан был за ним от Пугачева казак. Когда ж Хлопуша пришел, тогда ж с Пугачевым сидели Шигаев, Творогов, Коновалов [22]) и Витошнов [23]). Тут Пугачев спросил ево, Хлопушу: «Ты де шатался много по степям, так не знаешь ли дорогу Общим сыртом, чтоб пройти на Яик?» На то Хлопуша сказал, что он того тракту не знает. А Творогов сказал: «Тут де есть хутора Тимофея Подурова» [24]). За коим тотчас и послано было. А как пришол, то Пугачев приказал всем сесть и велел подать по чарке вина и спрашивал Подурова о том же, как и ево, Хлопушу, выговаривая притом, что хочетца ему князя Голицына атаковать от Яику. А Подуров отвечал: «Вчерась де приехал оттуда казак Репин и сказывал, что тут дорога есть». Вскоре призвали и Репина, коему и приказано быть вожатым. А Творогов тотчас в присудствии Пугачева объявил: «Вся де армия наша под Татищевой, коей было около десяти тысяч человек, побита, а де командиры, кои при том были, подите и скажите, чтоб все доброконные с нами были готовы, а пехота чтоб шла куда хочет». Почему все и вышли.

Потом приказано было, чтоб всю казну вываливать и давать на всю армию, в том числе и больным, жалованье, а как стали раздавать, в то время Пугачев с яицкими и другими казаками сели на коней. Тут объявили ему, что Бородин сам друг бежал в город [25]). Пугачев велел было ево догонять, однакож он уехал, почему боясь, чтоб и другия за ним не последовали, велел расставить караулы. И тут кто вознамерился бежать, и множество переколото. Потом Хлопуша подошел к Пугачеву, просил, чтоб позволил проводить свою жену и сына в Сакмару, что он и позволил (жена ж Хлопушина ис сыном взяты им самим в то время, как ездил он в Илецкую защиту; оная тут была в замужестве за другим поселенным Шлыковым; выдана в то время, как послан был он, Хлопуша, в ссылку). Почему Хлопуша в Сакмару с женою и сыном поехал, Пугачев же с казаками, взяв с собою и Подурова, тотчас поскакали из Берды в Сакмару.

Когда ж Хлопуша с женою и сыном приехал в Каргалу и хотел спросить полковника Мусу Улеева, поедет ли за Пугачевым, на то Муса сказал: «Видишь,

брат, дело наше худо, и ты убирайся куда глаза глядят, и я де своего полку не пустил ни одного татарина, и все они дома». А как сведал старшина каргалинской, что тут находится он, Хлопуша, тотчас взял ево и с женою и с сыном под караул; ево, Хлопушу, отправили в Оренбург [6]), а жена ево и с сыном остались в Каргале, при которой было денег восемьдесят руолей; оные даны были ему, Хлопуше, Пугачевым, когда он из Берды последней раз поехал на Яик чрез Общий сырт; потом оные деньги у жены ево отняли казаки (кои везли ее в Оренбург).

По бытности ево, Хлопуши, у Пугачева в толпе, слышал он от многих, что всей силы у нево было тысячь с тридцать, в том числе: казаков три тысячи, солдат — около двух тысячь, а протчие башкирцы и калмыки да большою частию заводские крестьяне. У Пугачева в Берде жили всегда какие-то девки, взятые в Черноречьи. Деньги получал Пугачев с заводов, также пушки и порох, и большою частию превозили крестьяне; провиант и фураж башкирцы и крестьяне ж, а для высылки онаго иногда ездил и он, Хлопуша.

У Пугачева гвардионцов было около пятидесяти человек, кои выбраны из яицких казаков и стояли на карауле у него бессменно. Первые любимцы ево были: Шигаев, Творогов, Витошнов, Горшков [7]) и Почиталин, который назывался думной дьяк и писал, по приказу Пугачева, секретные письма, а какие, не знает. Когда случалось ему пить водку, то всегда пил и приказывал другим то ж делать за здоровье государя цесаревича и супруги ево, а государынино имя когда и упоминал, то больше з бранью и грозился: «Как бог де меня допустит в Питер, то зашлю в монастырь».

При артиллерии Пугачева всегда были казаки и взятые в плен солдаты, которые все верно Пугачеву служили. И когда трафилось итти мимо их Пугачеву, то становились на колени, и чрез то многим мужикам делали уверение, что он подлинно царь. И часто случалось, что собирал круг и, показывая на солдат, говорил мужикам: «Вот, други мои, эти господа служивые несколько раз видали меня, как я царствовал, а потому и вы, мужички, должны увериться, что я есть подлинной царь, а не самозванец». И притом много раз плакал, что он принужден подданных своих, кои ево худо признают, не щадить. Когда же круг разойдетца, то многи из любопытства, да и он, Хлопуша, спрашивали солдат: «Подлинно ли ево видали?» Но солдаты отвечали: «Подлинно, и мы де много раз у него на часах стояли». За которое уверение мужикам часто те солдаты жалованы были деньгами и лошадьми, а протчие, льстясь тем же пользоватца, более уверения мужикам делали. А те простаки, в том числе и он, Хлопуша, верили, во всем ему усердствовали. Много раз ему, Хлопуше, случалось видеть, что при выступлении из Берды к Оренбургу Пугачева становился Подуров на колени и просил, чтоб не погубить... [7] в городе душ: «Авось де городские жители спокаютца и примут ево с честию, и прикажи де мне написать туда письмо». На что Пугачев позволение делал, но когда письма написаны были, то смотря сам читал про себя. А один раз послал [письмо] Подуров, не показав ему, в город, то Пугачев, подозревая ево, хотел, было, повесить. Более он, Хлопуша, показать ничего не упомнит и объявляет, что сказал правду.

От роду ему шестьдесят лет, грамоте не умеет *).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Воспроизводится с подлинника, хранящегося в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (Госуд. архив, разряд VI, д. № 467, ч. XIII). Допросом Хлопуши пользовался Дубровин в своей работе «Пугачев и его сообщники» (СПБ, 1884 г.). Допрос написан писарской рукой и хорошо сохранился.

2) Из Оренбурга Хлопуша вышел 4 октября 1773 г. Посылка Хлопуши в стан Пугачева с манифестами была организована оренбургским ген.-губ. Рейнсдорпом. «Казалось, — писал Пушкин по этому поводу,—все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред» (Собр. соч., СПБ, 1887, т. V, стр. 19).

3) Шигаев, Максим Григ., яицкий казак. Активный участник бунта яицких казаков (январь 1772 г.), за что отбывал наказание в Оренбургской тюрьме, где и познакомился с Хлопушей. Был несколько раз в Петербурге в качестве уполномоченного от войсковой или «непослушной» стороны яицких казаков. Первым примкнул к пугачевскому движению. Любимец Пугачева, главный «словесный» судья пугачевской военной коллегии, заведующий казной и снабжением армии. Во время отсутствия Пуга-

*) Ниже на той же странице, но другим почерком и другими чернилами написано постановление Оренб. секретной комиссии: «Отсечь голову, для вечного зрения посадить на кол, а тело предать земле». (Хлопуша был казнен 18 июля 1774 г. в Оренбурге.)

чева исполнял роль главнокомандующего армией. По характеристике секретной комиссии: «весьма не глуп и тверд». При поражении Пугачева под Татищевой (22 марта 1774 г.) взят в плен. Отнесен к 1-й категории преступников. 21 января 1775 г. был казнен в Москве на Болоте.

4) О первой встрече с Хлопушей Пугачев показывал Шешковскому следующее: «На другой день бытности его в Сакмаре пришел к нему, Емельке, незнаемый человек, у коего вырезаны ноздри, которого он спросил: «Что он за человек и откуды?» И на то оной человек сказал: «Я де оренбургской ссыльной, Хлопуша, и прислан к тебе от оренбургского губернатора с тем, чтобы в толпе вашей людем отдать манифест, коим повелено, чтоб от тебя народ отстал и пришол к ее величеству с повинною, да и тебя б изловили; также де приказано [мне], чтоб у тебя сжечь порох и снаряды воинские, а пушки заклепать. Но я де ничего этого делать не хочу, а желаю послужить вам верою и правдою, причем и отдал ему, Емельке, манифесты, а он отдал Почиталину». (Госуд. архив, разряд VI, д. № 512, ч. 1, лл. 111—112).

5) Почиталин, Иван Яковлевич, яицкий казак, 21 года, думный дьяк пугачевской коллегии. С первых дней примкнул к восстанию. Написал первый манифест «Петра Федоровича» к яицким казакам (от 17 сентября 1773 г.), который по выражению Пушкина, «есть удивительный образец народного красноречья». Перу Почиталина принадлежат многие указы и манифесты Пугачева. Секретной комиссией был прощен «за чистосердечное раскаяние» и сослан в город Пернов Рижской губ.

6) Накануне прихода Пугачева под Оренбург армия его состояла из 2 440 чел., причем яицких казаков было 500 чел., илецких — 300; оренбургских — 600; пленных солдат, взятых по крепостям, — 540 и каргалинских татар — 500 Пушек — 20 и 10 бочек пороху.

7) Творогов, Иван Александрович, илецкий казак из зажиточной среды. Атаман, походный «полковник» над илецкими казаками. Организатор военной коллегии и ее председатель (подписывал все распоряжения коллегии). Талантливый организатор. Пристал к Пугачеву с момента его прихода в Илецкий городок (21 сентября 1773 г.). После поражения Пугачева под Черным яром бежал вместе с ним в заволжские степи. Главный организатор предания Пугачева в руки правительства, за что секретной комиссией смертная казнь была заменена ему ссылкой в Рижскую губернию (в город Пернов). Подробный допрос Творогова в секр. комиссии напечатан во втором томе сб. «Пугачевщина» (Центрархив, 1929 г., стр. 141—162).

8) После взятия Хлопуши под караул Овчинников советовал Пугачеву повесить его. «Он — плут, уйдет,—говорил он Пугачеву,— и, што здесь увидит, тамо скажет, а притом и наших людей станет подговаривать». На это Пугачев отвечал: «Пусть ево бежит и скажет, в етом худова нет, а одним человеком армия пуста не будет». Подержав Хлопушу под караулом сутки, Пугачев велел его освободить, но «приказал за ним крепко примечать». (Из показ. от 16 ноября 1774 г., Г. А., д. № 512, ч. 1, л. 112.)

9) По свидетельству Рычкова, к моменту посылки Хлопуши на заводы у Пугачева «не оставалось более 30 ядер». Шигаев уговорил Пугачева послать Хлопушу на заводы, как «человека весьма проворного». Почиталин же показывает, что Хлопуша сам «просил Пугачева, чтоб послать ево на заводы для приклонения в подданство людей... и доставления пушек и пороху». (Г. А., д. № 508, ч. II.)

Вслед за Хлопушей на Воскресенский завод Пугачев посылает Чику — Зарубина, Ульянова и Антипова «для литья пушек». Переписка пугачевской коллегии с Антиповым («Пугачевщина», т. I) свидетельствует об острой нужде Пугачева в пушках, ядрах и порохе и необычайном энтузиазме рабочих, снабжавших «Петра Федоровича» мортирами, «секретными» единорогами и канонирами.

10) В бытность Пугачева на турецком фронте (1769—1770) он заболел («гнили у него грудь и руки»). После выздоровления у него остались на груди шрамы; при первой встрече с казаками (на уметье у «Ереминой курицы» в августе 1773 г.) он выдавал их за «царские знаки».

11) На Авзяно-Петровский завод Хлопуша прибыл 22 октября (в праздник «казанские богородицы») и пробыл там до 27 октября. Заводской крестьянин Иван Семенов показывал следующие подробности:

«А на другой день приезду оного Хлопуши разосланными от него башкирцами во все около того завода прикосновенные места, как то и на Кухтурской завод, все работные люди собраны были в тот Авзяно-Петровский завод... Хлопуша был в конторе и жгли все письма, и тогда Хлопуша как ево, Семенова, так и протчих уверял, что «государь Петр Федорович действительно жив и стоит с множеством войска под Оренбургом... и как он благополучно возвратится, будет всех жаловать великою вольностью, тоже землею, лугами и рыбными ловлями и на семь лет от податей освободит... И притом оным Хлопушей спрашиваны

были охотники в службу к государю, сказывая, что де не более будете как год, и много два...

В бытность на заводе оной Хлопуша вылил чегунных шесть бомб. А перед отъездом с заводу объявил всем, что государь приказал помещичьи пожитки прислать к себе в армию, в чем ему, будучи все согласны, и не спорили. И он взошел в господской дом, с своими только приезжими казаками, забрали все, что не было тут, как деньги, так пожить и скот... из потрабленных денег несколько раздавал Хлопуша тутошним заводским заработные дни, а из скота [выдал], в самый отъезд, по барану на десять человек». (Г. А., д. № 467, ч. IX, л. 274—275.

12) Зарубин — Чика, именовавшийся у Пугачева «графом Чернышевым» — яицкий казак, атаман и походный «полковник». Один из активнейших и способнейших пугачевских атаманов. С первых дней примкнул к восстанию. Командовал самостоятельным отрядом в 8 000 чел. в районе Уфы; был главнокомандующим над башкирскими отрядами. При поражении под Чесноковкою (25—26 марта 1774 г.) был взят в плен. Секретной комиссией, как «присный любимец Пугачева», обвинялся в том, что «с крайнем рачением укрыл Пугачева от поимки», «начальствовал отдельною толпою» и был первый «пособник Пугачева». Секретная комиссия постановила: «отсечь голову и воткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно». Казнь была совершена в Уфе.

13) Бахмутов, Идыр (Идорка). Башкир, «толмач», писал указы на татарском языке и переводил с татарского на русский.

14) «Сто восемьдесят пленных солдат» были взяты Чикой не у генерала Кара, как ошибочно показывает Хлопуша. Это была самостоятельная команда, следовавшая из Казани на соединение с ген. Каром. В пяти верстах от Юзеевой деревни на нее напал отряд Чики. Поручик Шванович показывает: «Остановя нас, [Чика] несколько раз выпалил из пушек... вся команда оробела. А потом всех почти без супротивления побрали по рукам... и, как овец, в сторону от большой дороги версты полторы заворотя, обезоружили; и двух поручиков Карташовых умертвили, спрашивали притом и про других, где они, но за ночною порою тогда не отыскали». («Пугачевщина», т. III, стр. 202). Отдав солдат в распоряжение Хлопуши, Чика пошел на отражение отряда ген. Кара.

15) В команде, захваченной Чикой, было 6 офицеров, поручики Михаил и Александр Карташовы и Волжинский, подпоручик Иван Татищев и прапорщик Михаил Шванович. Братья Карташовы были заколоты на месте сражения, Татищев ездил с донесением к ген. Кару, где и остался; Волжинский, Шванович, пять унтер-офицеров и десять капралов были препровождены Хлопушей в Берду. По просьбе гренадер Пугачев помиловал офицеров и назначил: Волжинского — атаманом, а Шванович — есаулом над пленными солдатами. По доносу гренадера Волжинский был повешен, и на его место был назначен Шванович, который также заведывал иностранной перепиской в коллегии («писал и переводил на русский язык немецкие и французские письма»).

16) Сражение Зарубина — Чики с генералом Каром происходило в первых числах ноября 1773 г.

17) Почиталин показывает, что по возвращении с заводов Хлопуша «привел с собой множество заводских крестьян и привез оттуда множество пушек, пороху и денег» (Г. А., д. № 508, ч. II). «Увидя Хлопушу, [Пугачев] благодарил его за то, что он ему верен и што прислал ему в толпу провиант, порох и деньги. Затем [Пугачев] спросил Хлопушу, сколько у него команды. Хлопуша сказал: «Пятьсот человек и три пушки». — «Где взял людей?» — «На Авзянских заводах, а иные пришли из других жительств», — ответил Хлопуша. После беседы Пугачев сказал: «Будь ты полковником». (Г. А., д. № 512, л. 119).

18) Под Верхне-Озерную крепость Хлопуша выступил 18—20 ноября 1773 г.

19) Кроме сакмарских казаков, передавшихся на сторону Хлопуши, в Илецкой защите находилось 87 человек каторжников, работавшие здесь на соленых копях. Федор Калуга с «товарищи» в оренбургской секрет. комиссии рассказали следующие подробности о пребывании Хлопуши в Илецкой защите: «Обступя вокруг той крепости, Хлопуша стал палить из пушек... а по взятии оной, велел собрать всех сколько не было людей в крепости, в том числе и их ссылочных, а как собрались, то приказал, чтоб все были готовы в армию к госуд. Петру Федоровичу, которой де принял царство, а когда де не пойдут, то всех велел тут же перевешать... Тут Хлопуша, пойдя в учреждение, приказал сколько не было в магазинах хлеба и разные амуничные вещи, раздать по казакам, а некоторые и ссылочным, только таким, которые состоят не в другом чем, как в рубашках и башмаках, ибо оне, в работу вечно отделенные, не имели на себе и рубах, почему Хлопуша и зделал эту услугу».

20) Из Берды Пугачев два раза отлу-

чался в Яицкий городок для руководства работами по взрыву крепости. Несмотря на все усилия Яицкую крепость взять не удалось.

21) Под Татищевой Пугачев потерпел первое свое крупное поражение 21—22 марта 1774 г.

22) Коновалов Василий, яицкий казак; видный пугачевец, участник предания Пугачева в руки правительства.

23) Витошнов, Андрей, старшина войска яицкого, организатор и «главный судья» пугачевской коллегии. Во время второго поражения Пугачева под Каргалой (2 апреля 1774 г.) пропал без вести.

24) Подуров, Тимофей Иванович, сотник Оренбургского казачества; депутат Екатерининской уложенной комиссии. При осаде крепости Татищевой (27 сентября 1773 г.) Подуров перешел на сторону Пугачева с полком оренбургских казаков, которыми он командовал. Знал хорошо грамоту. Вел деятельную увещательную переписку с оренбургским начальством. У Пугачева командовал отрядом оренбург. казаков. Был взят в плен под Каргалой. Секретной комиссией отнесен к первой категории преступников. Был повешен в Москве, хотя как отметил Пушкин, Подуров, как член Уложенной комиссии, не мог быть казнен.

25) Родственник Мартемьяна Бородина, войскового старшины Яицкого казачества и активного участника в борьбе с пугачевщиной, Григорий Бородин случайно попал в отряд Пугачева. Бегство Бородина, после поражения под Татищевой, на сторону правительственных войск свидетельствовало о колебании и нерешительности некоторой, главным образом зажиточной, части яицкого казачества. Об измене Бородина и его планах предания Пугачева в руки правительства не только знали любимцы Пугачева, члены военной коллегии, Шигаев, Витошнов и начальник артиллерии Чумаков, но и разделяли их. Считаем нужным привести по этому поводу показание Шигаева. «Когда де самозванец сам пять приехал из-под Татищевой крепости и спешил на другой день поутру из Берды выехать, то посылал его, Шигаева, на стоящую из Берды верстах в трех Высокую гору посмотреть, не идут ли с князем Голицыным из Черноречья войска. А как он, Шигаев, туда поехал, то пристал к нему прибежавшей с самозванцом из-под Татищевой яицкой казак Григорий Бородин, который дорогой зачал ему говорить: «Что брат Максим? Нам теперь вить не устоять? Не лутче ли нам связать его, то-есть самозванца, и отвести в Оренбург?» На что он, Шигаев, сказал: «Как нам это одним делать можно! Хорошо, естьли бы много нас согласилось!» А Бородин сказал: «Я де уже об этом человек четырем говорил, и они на то согласны... Так поезжай же назад и уговаривай других» (Г. А., д. № 506). После того, как Бородин бежал в Оренбург, казак Горлов донес Пугачеву о готовящемся предательстве. Пугачев дал распоряжение повесить Витошнова, но, по просьбе казаков, простил его. Чумакова и Шитаева Горлов не оговорил в доносе.

26) В деле № 467, ч. XII (Г. А. р. VI) хранится донесение татарских старшин к Рейнсдорпу, в котором они сообщают, что «злодеев Хлопушу, трех яицких казаков, в том числе и палача, в ночное время поймав, заковали и к вашему высокопревосходительству при сем отправили, а что касается до жены, сына и именея его, Хлопуши... то мы по рассветании дня, освидетельствовав, за пристойным конвоем отправить имеем» (л. 212). Дальше старшины сообщали Рейнсдорпу фамилии татар, приложивших «искреннее усердие в поимке Хлопуши».

27) Горшков, Максим Данилович, илецкий казак, секретарь пугачевской коллегии.

От редакции.

В LXVII томе «Красного архива» под заглавием «К истории гвоздевщины» напечатаны «Бюллетени» т. н. «Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете» с предисловием тов. И. Меницкого. «Бюллетени» представляют собой попытку гвоздевцев, — этой злостной агентуры буржуазии в рабочем движении в период империалистической войны, — затушевать, прикрасить свою предательскую, изменническую по отношению к рабочему классу роль. Подобного рода документы нуждаются в тщательном комментарии, сопоставлении их с другими материалами, рисующими действительную роль социал-шовинистов в рабочем движении. Между тем материалы гвоздевцев опубликованы И. Меницким без всяких примечаний. Данное автором публикации предисловие к документам не только не дает правильного большевистского освещения рабочего движения в годы войны и роли «Рабочей группы», но содержит в себе ряд грубых политических ошибок.

Тов. И. Меницкий в этом предисловии совершенно не вскрывает социальной базы социал-шовинизма, гвоздевщины,—этого «союза ничтожного слоя «верхов» рабочего движения со «своей» национальной буржуазией п р о т и в массы пролетариата, союза с л у г буржуазии с буржуазией против к л а с с а, эксплоатируемого буржуазией» [1]). Вопреки всем известным фактам, тов. Меницкий пытается приписать мелкобуржуазным партиям, меньшевикам и эсерам, роль действительных организаторов и руководителей рабочих масс в период войны, говоря о «меньшевистско-эсеровской организованности масс», о предложениях Керенского «продемонстрировать народное недовольство... забастовками или иными какими-либо демонстративными эксцессами» и т. д. Кто был действительным организатором масс, кто действительно стоял во главе масс в это время,— об этом мы имеем совершенно точные указания В. И. Ленина. «Факты говорят, — писал В. И. Ленин, — что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на д е л е сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим» [2]).

Одновременно в статье И. Меницкого имеется попытка противопоставления меньшевиков-интернационалистов «Рабочей группе». «Усердие» («Рабочей группы») пришлось не по вкусу даже меньшевикам-интернационалистам»... пишет он, не делая при этом никаких попыток вскрыть истинный «интернационализм» этих «революционеров фразы», о которых В. И. Ленин говорил: «На словах все, на деле ничто. Клятва и божба, что мы «интернационалисты» и революционеры, а на деле поддержка социал-шовинистов и оппортунистов всего мира в их борьбе против революционных интернационалистов» [3]).

Подобную же мысль И. Меницкий проводит и в статье «К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете», напечатанной в LVII томе «Красного архива», где он говорит о какой-то «эволюции» «Петербургской инициативной группы» меньшевиков, выпустившей в 1916 г. листок, «направленный всецело против «Рабочей группы».

Вместе с тем И. Меницкий в своей статье почти не показывает партии большевиков, их конкретной борьбы с социал-шовинистами всех мастей, их огромной работы в массах. В статье LVII тома «Красного архива», где им приводятся некоторые фактические данные о роли большевиков, он допускает прямое искажение действительной роли партии, утверждая, что лишь «в конце 1916 г. наша партия, учитывая назревающий революционный кризис и настроение масс, дала директиву к переходу от разрозненных выступлений экономического характера и случайных политических выступлений к организованной массовой борьбе, к уличным выступлениям и всеобщей стачке».

Редакция «Красного архива» считает публикацию документов «Рабочей группы» без снабжения их необходимыми комментариями, а также помещение вводных статей И. Меницкого в LVII и LXVII тт. журнала, содержащих грубые политические ошибки, результатом безусловно недостаточной большевистской бдительности со стороны редакции журнала.

Редакция «Красного архива».

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 342.
[2]) Там же, стр. 132.
[3]) Там же, стр. 310.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), С. Пашуканис и Ф. Ротштейн.